

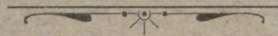
Тюрго

(1727—1781).

Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ.

Цѣнности и Деньги.

Переводъ и дополненія
проф. А. Н. Миклашевскаго.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1905.

13035

Тюрго

(1727—1781).

Размышленія

о

созданіи и распредѣленіи богатствъ.

Цѣнности и Деньги

RAHVUSVAHETUKOOL
AR

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Переводъ и дополненія

проф. А. Н. Миклашевскаго.

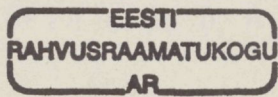
*Петру Александровичу
Михайлову
отъ неумолимо
вашаго
А. М.
5 мая 1905 г.*

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1905.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“ 1905 г.

138259

Ar 905B

Трогто
vsh

Отъ переводчика.

Въ этомъ краткомъ введеніи я не имѣю въ виду характеризовать Тюрго, какъ общественнаго дѣятеля и экономиста. Я хочу выяснитъ читателю только тѣ мотивы, которые руководили мною при изданіи двухъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній этого мыслителя.

Я приготовилъ свой переводъ для чтенія и толкованія на практическихъ занятіяхъ со студентами. Мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, какъ трудно ввести студентовъ въ кругъ идей, составляющихъ основу теоретической экономіи. Къ услугамъ приступающихъ къ изученію политической экономіи имѣется въ настоящее время не мало самыхъ разнообразныхъ элементарныхъ руководствъ, но громадное большинство преподавателей сознаетъ, что эти учебники неудовлетворительны, не даютъ яснаго и опредѣленнаго представленія о политической экономіи, какъ о наукѣ. Всѣ стремятся наперывъ другъ передъ другомъ составить популярное руководство, которое давало бы стройную и полную систему экономіи, но никто желаемаго достигнуть не можетъ. Теоретическая экономія переживаетъ теперь эпоху серьезнаго кризиса: старое оказалось непригодно, новое еще не создано. Успѣхомъ въ настоящее время пользуются не тѣ учебники, которые стремятся къ систематичности, ясности и научности изложенія, а только тѣ, въ которыхъ поднимаются наиболѣе жгучіе соціальныя вопросы. На послѣднихъ сосредотачивается все вниманіе читателя и, въ результатѣ, политическая экономія обращается въ какое то собраніе соціально-политическихъ памфлетовъ буржуазнаго, социалистическаго или соціально-психологическаго направленія. Научное значеніе теоріи отступаетъ на задній планъ и начинающій совершенно сбивается съ дороги; въ лучшемъ случаѣ онъ совершенно забрасываетъ теорію и сосредотачивается на изученіи практическихъ вопросовъ экономіи.

При такихъ условіяхъ единственно, что можетъ рекомендовать преподаватель: оставить чтеніе элементарныхъ руководствъ и внимательно проштудировать сочиненія какого либо изъ творцовъ теоретической экономіи. Имена Смита, Рикардо, Мальтуса, Родбертуса и Маркса напрашиваются въ такомъ случаѣ сами собою. Опытъ мнѣ, однако, неоднократно показывалъ, что рекомендація прочесть какого либо изъ этихъ писателей имѣеть очень мало успѣха. Эти писатели и слишкомъ трудны для начинающаго, и сочиненія ихъ слишкомъ обширны. Наибольше доступнымъ для пониманія является, конечно, сочиненіе Смита — „Богатство Народовъ“, но оно слишкомъ обширно и представляетъ собою чрезвычайно сложную систему неопредѣленныхъ обобщеній, неясныхъ опредѣленій, запутанныхъ построеній на ряду съ блестящими, чисто реальными картинами трезваго наблюдателя, которыя иногда, однако, только отвлекаютъ вниманіе читателя и не содѣйствуютъ ясности теоретическихъ представленій.

Я не хочу, выражаясь такимъ образомъ, умалить великія достоинства труда Смита. Я далекъ отъ мысли оспаривать его значеніе въ экономіи, какъ одного изъ первыхъ творцовъ экономіи. Я не намѣренъ поднимать здѣсь избитаго и скучнаго вопроса о томъ, насколько Смитъ заимствовалъ свои доктрины отъ своихъ предшественниковъ-фізіократовъ, и въ частности отъ Тюрго. Я хочу только сказать, что вся его система чрезвычайно сложна; это своеобразный компромисъ разнообразнѣйшихъ теченій и настроеній, разобраться въ которыхъ не легко. Метафизическія построенія шотландскаго философа, моралиста и юриста чередуются съ иллюстраціями и часто весьма рискованными обобщеніями историка, съ разсужденіями и построеніями экономиста, который хочетъ сочетать воедино двѣ кардинально различныя системы аграрнаго и промышленнаго капитализма, стремится къ увеличенію, чрезъ развитіе производительности, чистаго дохода (т. е. дохода капиталистовъ и собственниковъ земли), но въ то же время постоянно настаиваетъ на необходимости умноженія и валоваго дохода, такъ какъ за счетъ послѣдняго содержится рабочее сословіе.

Трактатъ Тюрго: „Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ“, появившійся въ 1770 г. т. е. за шесть лѣтъ до изданія труда Смита, выдержавшій въ первые же годы своего появленія четыре изданія и, весьма вѣроятно, извѣстный Смиуту, болѣе пригоденъ для первыхъ занятій начинающаго, чѣмъ всѣ труды отмѣченныхъ выше писателей. Трактатъ этотъ, написанный рукою великаго мастера для начинающихъ, кратокъ, ясенъ и, что всего важнѣе, одностороненъ;

онъ поднимаетъ только чисто экономическіе вопросы, категориченъ, прямолинеенъ и искрененъ, также какъ и самъ его авторъ.

Тюрго первый крупный теоретическій и практическій защитникъ капиталистической системы. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ экономическихъ и политическихъ радикаловъ индивидуалистической доктрины, которые въ концѣ 18-го вѣка смѣло провозгласили¹⁾, что „права людей, соединенныхъ въ общество, основываются не на исторіи, а на самой природѣ вещей“. Отсюда не слѣдуетъ, что Тюрго была чужда исторической перспектива. Онкенъ совершенно не понимаетъ Тюрго, утверждая, будто, читая „Размышленія“, мы едва вѣримъ, что одинъ и тотъ же писатель былъ авторомъ мемуара о муниципалитетахъ и рѣчи о послѣдовательномъ развитіи человѣческаго разума. Тюрго эволюціонистъ и въ тоже время радикаль-разрушитель всего стараго, который полагаетъ, что „въ природѣ все возрождается и все погибаетъ, но что человѣчество въ отличіе отъ всего другого сущаго постоянно прогрессируетъ“. Явленія природы, пишетъ онъ²⁾, подчинены постояннымъ законамъ, вращаются въ предѣлахъ всегда однихъ и тѣхъ же положеній. Все возрождается, все погибаетъ, и въ рядѣ послѣдовательныхъ поколѣній, при посредствѣ которыхъ растенія и животныя воспроизводятся, время постоянно воссоздаетъ тѣже формы, которыя только что исчезли. . . Смѣна поколѣній среди людей, напротивъ, отъ одного вѣка къ другому даетъ все новыя и новыя картины. Разумъ, страсти, свобода безконечно производятъ все новыя и новыя явленія. Всѣ вѣка связаны рядомъ причинъ и слѣдствій, которые соединяютъ современное состояніе міра съ тѣми эпохами, которыя ей предшествовали, и общая масса человѣчества, колеблясь между покоемъ и волненіями, переходя отъ добра ко злу, всегда идетъ, хотя и медленными шагами, къ все большему совершенству“. Не отрицая связи во всѣхъ явленіяхъ историческаго процесса, Тюрго въ тоже время чувствуетъ, что живетъ въ періодъ, когда старое сдѣлалось непригоднымъ и должно быть уничтожено. Разумъ и совѣсть указываютъ ему тѣ средства, при помощи которыхъ это старое должно быть уничтожено. Какъ радикаль онъ понимаетъ, что вслѣдъ за нимъ явятся и другіе, которые пойдутъ дальше, но это его не смущаетъ. Тюрго — это типъ англійскаго радикала, который понимаетъ, что новое время неизбежно несетъ приговоръ надо всѣмъ старымъ и этому слѣдуетъ подчиниться во имя прогресса.

1) см. *Mémoire au roi sur les Municipalités*, ed. Daire, т. II, 1844., стр. 503.

2) см. *Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain*, prononcé le 11 décembre 1750 г., *ib.* стр. 597 и слѣд.

Какъ политическій радикаль онъ стремится замѣнить абсолютную монархію конституціонной. Абсолютная власть, полагаетъ онъ, не можетъ управлять хорошо, ибо тотъ, кто рѣшаетъ все, никогда не знаетъ реального положенія вещей, а правительство его не имѣетъ органа, при посредствѣ котораго оно могло бы знать истинныя потребности и реальныя силы отдѣльных частей страны. На первое время онъ предполагаетъ обосновать представительство въ странѣ на имущественномъ цензѣ, но, какъ видно изъ словъ Дюпона, онъ сознаетъ, что въ ближайшемъ же будущемъ самое развитіе капиталистической системы должно привести къ всеобщему представительству всѣхъ трудящихся.

Сословная монархія, съ ея рутиннымъ и непроизводительнымъ хозяйствомъ, не въ состояніи болѣе поддерживать правильное теченіе жизни въ государственномъ организмѣ¹⁾. На смѣну феодальнаго хозяйства идетъ капиталистическое хозяйство. Тюрго видитъ, что сословныя привилегіи самую силою вещей замѣняются простыми имущественными прерогативами. На первое время онъ рекомендуетъ обосновать представительство на имущественномъ цензѣ, но, какъ мы уже сказали, онъ ясно видитъ, что въ конечномъ результатѣ и трудъ заговоритъ о своихъ правахъ; трудъ, это основное имущество свободного человѣка, потребуетъ для себя права участія въ управленіи страной, богатство которой онъ создаетъ.

Въ религіозныхъ вопросахъ Тюрго былъ однимъ изъ блестящихъ защитниковъ вѣротерпимости. „Господствующей религіей та или иная вѣра можетъ быть только фактически (de fait), но не на основаніи права,

1) Въ указанномъ выше мемуарѣ Тюрго пишетъ Людовику XVI-му: „причина несчастій, Ваше Величество, заключается въ томъ, что вашъ народъ не имѣетъ конституціи. Вашъ народъ представляетъ изъ себя общество, состоящее изъ разныхъ необъединенныхъ сословій, народъ, члены котораго имѣютъ очень мало общественныхъ связей между собою. Вслѣдствіе этого каждый исключительно занятъ своими частными интересами, почти никто не обнаруживаетъ ревности къ исполненію обязанностей, къ выясненію своихъ отношеній къ другимъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ этой постоянной борьбѣ своекорыстныхъ вождельній и предпріятій разумъ и взаимное пониманіе не являются опредѣляющими, а Ваше Величество должно рѣшать все или собственною персоною, или чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Ждутъ вашихъ приказаній, чтобы приносить общественную пользу, чтобы уважать права другихъ, а иногда даже для разрѣшенія пользоваться собственными правами. Вы принуждены издавать правила по всякому поводу и, чаще всего, подъ вліяніемъ частныхъ настояній, тогда какъ вы могли бы управлять подобно Богу при посредствѣ общихъ законовъ, если бы составныя части вашей Имперіи имѣли правильную организацію и строго опредѣленные отношенія“. ib. 504.

т. е. другими словами, выражаясь строго юридически (*à parler selon la rigueur du droit*), господствующая религія — та, число приверженцев которой наибольшее. . . Всякая вѣра не нуждается въ другомъ покровительствѣ, кромѣ того, которое дается свободой. . . Воспрещать исповѣданіе вѣры, это значить противиться голосу совѣсти, быть всегда несправедливымъ, оправдывать возстаніе и, слѣдовательно, давать поводъ къ наиболѣе сильнымъ волненіямъ. . . Догма непогрѣшимости (*le dogme de l'infailibilité*) несомнѣнно ложна и неприложима, если проведеніе этой догмы ввѣряется тѣмъ, кто не можетъ быть признанъ непогрѣшимымъ, т. е. монархамъ или правительствамъ, ибо тогда вытекають два неизбежныя послѣдствія: нетерпимость и подавленіе народа духовенствомъ и подавленіе духовенства правительствомъ“.

Какъ экономической радикаль-индивидуалистъ, онъ признаетъ временную необходимость капиталистической экономіи, становится ревностнымъ ея адептомъ, провозглашаетъ свободу труда, промысловъ и торговли, защищаетъ крупное капиталистическое хозяйство. Хотя онъ ясно понимаетъ, въ какомъ печальномъ положеніи находится въ предѣлахъ этого хозяйства свободный работникъ, но какъ извѣстно, въ своемъ знаменитомъ эдиктѣ 1776 г. онъ упраздняетъ цехи и воспрещаетъ хозяевамъ, мастерамъ, рабочимъ, подмастерьямъ и ученикамъ составлять какія либо ассоціаціи и вообще всякія ихъ соединенія и собранія „подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“.

Подобно своимъ соратникамъ-фізіократамъ Тюрго вѣрилъ въ свободу и индивидуальное соперничество, но ему были чужды метафизическія построенія послѣднихъ и это особенно сильно сказывается въ вопросѣ о происхожденіи собственности. Его теорія, какъ увидитъ читатель, элементарна, индивидуалистична, но въ ней нѣтъ метафизическаго тумана. Для Кене, а въ особенности для Мерсье-де-Ларивьера, собственность основывается на самой природѣ вещей, она предшествуетъ гражданскимъ законамъ, она — божественнаго происхожденія. Кене и всѣ фізіократы прежде всего стараются обосновать право на движимую собственность и изъ нея выводятъ право на земельную собственность. „Стая птицъ, пишетъ Кене, садится тамъ, гдѣ ей заблагодарсудится и гдѣ она находитъ пригодную для нея пищу. Между птицами не происходитъ никакой драки изъ за дѣлежа добычи, доля каждой опредѣляется соотвѣтственно энергіи ея поисковъ, имѣющихъ цѣлью — удовлетворить потребностямъ. Такимъ образомъ всѣ животныя подчинены этому мирному закону, предписанному природой, которая

1) см. *Lettres sur la tolérance*, ed. Daire, t. II, стр. 675, 676, 678, 687.

постановила, чтобы право каждого индивида ограничивалось в естественномъ стрѣ лишь тѣмъ, что онъ можетъ добыть своимъ трудомъ. Право всѣхъ на все является химерой. Личная свобода и собственность или увѣренность въ пользованіи тѣми продуктами, которые каждый обеспечиваетъ себѣ своими стараніями, произведенными для удовлетворенія своихъ потребностей, гарантированы, стало быть, людямъ извнѣ естественными законами, на которыхъ долженъ покоиться основной строй благоустроенныхъ обществъ“¹⁾. Исходя изъ такой точки зрѣнія, фізіократы обосновывали право собственности на землю тѣмъ, что человекъ, первоначально занявшій землю, сдѣлалъ на нее затраты, которая привели почву въ культурное состояніе. Какъ читатель увидитъ въ параграфѣ 17-мъ, Дюпонъ видоизмѣнилъ въ этомъ духѣ текстъ Тюрго. Какъ видно изъ письма Тюрго отъ 20-го февраля 1770 г., это исправленіе всего болѣе раздражило Тюрго. Онъ прямо и опредѣленно пишетъ въ немъ Дюпону: „затраты, которая вы называете земельными (*avances foncières*), содѣйствуютъ съ своей стороны полученію жатвы, но они не могутъ быть принципомъ, на которомъ обосновывается собственность“. По его мнѣнію, собственность — результатъ законовъ и человѣческихъ соглашеній. Тюрго отбрасываетъ метафизику фізіократовъ, хотя отлично понимаетъ, что найдутся люди, которые пойдутъ дальше его²⁾.

1) Сравни, Библиотека экономистовъ, вып. VI, Ф. Кене, стр. 46.

2) Тюрго были хорошо извѣстны сочиненія Мабли: „О правахъ и обязанностяхъ гражданина“ (1753) и Руссо — „Разсужденіе о происхожденіи неравенства“ (1754), въ которыхъ эти писатели, исходя изъ того же рационалистическаго представленія о собственности и происхожденіи неравенства, приходили къ инымъ результатамъ, шли гораздо дальше. Фізіократы, а въ ихъ сонмѣ и Тюрго, хотѣли свободы и неравенства, основаннаго на частной собственности и свободѣ труда; Мабли и Руссо доказывали, что при неравенствѣ истинная свобода немыслима.

„Знаете ли, сказалъ мнѣ милордъ“, пишетъ Мабли въ своемъ четвертомъ письмѣ, „гдѣ истинная причина всѣхъ несчастій, довлѣющихъ надъ человѣчествомъ? Это — собственность“. . . . „Неравенство состояній неизбѣжно производитъ неравенство потребностей и своеобразный порядокъ соподчиненія, не соответствующій, правда, естественному закону, но признаваемый благодаря тѣмъ многочисленнымъ страстямъ, которая порождаются богатствомъ и бѣдностью. Невозможно, чтобы богатые, разъ ихъ будутъ цѣнить и уважать только за ихъ состояніе, не составили лиги и не начали претендовать, будто они представляютъ родъ людей, отличный отъ массы, толпы. Они будутъ искренно увѣрены, что заслуживаютъ мѣста, которое должно принадлежать только добродѣтели и таланту. Они присвоятъ себѣ право быть грубыми, гордыми, презрительными и дерзкими по отношенію къ бѣднякамъ, у которыхъ они будутъ вызывать зависть и обожаніе къ себѣ“.

Руссо заключаетъ указанный трактатъ слѣдующими словами: „я старался

Для начинающаго поучительно изучить такую замѣчательную и единственную въ своемъ родѣ попытку построения и защиты капиталистическаго хозяйства. Всѣ наиболѣе существенные вопросы этой капиталистической экономіи въ трактатѣ Тюрго намѣчены кратко, ясно и опредѣленно. Онъ трактуеть о причинахъ раздѣленія труда, о землѣ, какъ объ источникѣ чистаго, прибавочнаго продукта, о законѣ уменьшающейся производительности почвы, о природѣ капитала и о различныхъ способахъ его употребленія, о послѣдовательномъ ходѣ освобожденія работника, о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ, о желѣз-

изложить происхождение и развитіе неравенства, установленіе политическихъ обществъ и ихъ злоупотребленія, поскольку эти явленія могутъ быть объяснены изъ природы человѣка при свѣтѣ одного разума и независимо отъ священныхъ догмъ, дающихъ верховной власти санкцію божественнаго права. Изъ этого изложенія слѣдуетъ, что неравенство, почти несуществующее въ естественномъ состояніи, получаетъ силу и возрастаетъ вслѣдствіи развитія нашихъ способностей и прогресса человѣческаго разума; оно становится въ концѣ концовъ законнымъ и устойчивымъ чрезъ установленіе собственности и законовъ. Изъ сказаннаго же слѣдуетъ, что нравственное неравенство, признаваемое положительнымъ правомъ, противно естественному праву во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не совпадаетъ съ физическимъ неравенствомъ. Это различіе показываетъ достаточно, что слѣдуетъ думать о томъ неравенствѣ, которое господствуетъ среди всѣхъ политически организованныхъ народовъ; какъ бы его ни опредѣляли, но оно будетъ противорѣчить естественному праву, если будетъ давать возможность ребенку управлять старикомъ, неразумному господствовать надъ людьми мудрыми, если кучка людей будетъ утопать въ роскоши, а голодная масса нуждаться во всемъ необходимомъ“. Руссо провозглашаетъ всемогущество государства надъ индивидуальными правами, фізіократы требуютъ отъ государства обезпеченія индивидуальныхъ правъ и стараются дать имъ и экономическую формулировку. Выводы изъ этихъ ученій были сдѣланы очень скоро и при томъ въ разныхъ направленіяхъ. Провозглашеніе революціей началъ индивидуалистической доктрины въ извѣстномъ манифестѣ о правахъ человѣка вызвало контръ-проектъ депутата Тарже (Target), который въ пунктѣ 6-омъ своего проэкта требовалъ такой формулы: „политическая организція должна обезпечить каждому человѣку средства къ существованію или чрезъ собственность, или отъ труда, или чрезъ помощь ему подобныхъ“. Проектъ Тарже не прошелъ и въ манифестѣ о правахъ 21 статья была формулирована такъ: „общество должно обезпечить существованіе несчастныхъ гражданъ, или давая имъ работу, или оказывая помощь тѣмъ, кто не въ состояніи работать“. Извѣстный Бабефъ, на котораго слѣдуетъ смотрѣть, какъ на перваго социалиста, сдѣлавшаго послѣдніе выводы изъ рационалистической идеи равенства, стремится чрезъ привлеченіе массъ къ политическому господству обезпечить имъ и равное право на существованіе. Такимъ образомъ, политическій радикализмъ, желаніе формулировать естественныя, священные права человѣка, начало которому было положено еще въ эпоху реформаціи, неизбѣжно долженъ былъ вести къ радикализму экономическому. Сравни R. Singer. Das Recht auf Arbeit (Jena 1895 г.).

номъ законѣ заработной платы, о денежномъ процентѣ, о переложеніи налоговъ, о значеніи денежнаго обмѣна для капиталистическаго хозяйства и о цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ.

При чтеніи его трактата ярко бросается въ глаза, что основная задача политической экономіи заключается въ изученіи того, какимъ образомъ, во первыхъ, созданный продуктъ распредѣляется между классами, изъ которыхъ состоитъ общество и каковы, во вторыхъ, тѣ причины, которыя опредѣляютъ относительную долю въ продуктѣ каждаго класса и каждаго изъ составляющихъ его индивидовъ. Правда, въ своемъ трактатѣ онъ отвѣчаетъ только на первый вопросъ, но постановка второго намѣчена, а надъ нимъ-то и бьется современная политическая экономія.

Считаю нужнымъ, однако, подчеркнуть, что начинающій долженъ искать у Тюрго не правильнаго рѣшенія вопросовъ, а обратить вниманіе на тѣ основныя положенія экономіи, надъ которыми онъ долженъ подумать и для выясненія которыхъ онъ долженъ поработать.

Громадная заслуга Тюрго еще въ томъ, что онъ ясно намѣчаетъ значеніе прибавочнаго продукта и не дѣлаетъ теорію цѣнности, съ ея безконечной схоластикой, основной базой теоретической экономіи въ анализѣ совершающагося, чрезъ обмѣнъ, распредѣленія созданнаго обществомъ продукта на извѣстныя доли между разными общественными классами. Для читателя, живущаго въ современную эпоху, совершенно очевидна ошибочность теоріи, которая видитъ только въ землѣ источникъ прибавочнаго продукта, т. е. избытокъ сверхъ необходимаго содержанія рабочихъ. Внимательное чтеніе Тюрго даетъ возможность видѣть, что онъ и самъ понимаетъ иногда шаткость этого положенія. Для начинающаго особенно полезно подмѣтить основы этого утвержденія, которое въ нѣсколько преобразованномъ видѣ держится и въ построеніяхъ Смита, Мальтуса, Рикардо (и даже отчасти Маркса)¹⁾, которыхъ не безъ

1) Такъ Марксъ въ III-мъ томѣ своего капитала (нѣмецкое изданіе, 2-я часть стр. 318—319) пишетъ: „Вѣрно у физиократовъ и то, что въ дѣйствительности всякое производство прибавочной цѣнности, а также и всякое развитіе капитализма, по естественнымъ основаніямъ, покоится на производительности земледѣльческаго труда. Если люди не въ состояніи по общему правилу добыть себѣ однимъ днемъ труда болѣе средствъ къ существованію или, выражаясь въ тѣсномъ смыслѣ слова, болѣе земледѣльческихъ продуктовъ, чѣмъ сколько необходимо работнику для собственнаго воспроизводства, если дневной расходъ всей его рабочей силы даетъ ему только возможность произвести необходимыя средства для личнаго существованія, то, очевидно, не можетъ быть и рѣчи ни о прибавочномъ продуктѣ (Mehrprodukt),

оснований называютъ представителями „фізіократическаго капитализма“ за ихъ теорію паденія прибыли подъ вліяніемъ возрастанія стоимости необходимаго содержанія рабочихъ въ продуктахъ земледѣлія¹⁾).

1) См. приложение.

ни о прибавочной цѣнности (Mehrwert). *Производительность земледѣльческаго труда*, превосходящая личныя потребности работника, составляетъ базисъ всякаго общества и прежде всего необходимое условіе капиталистическаго производства, которое отдѣляетъ отъ непосредственнаго производства средствъ къ существованію все болѣе возрастающую часть общества и, какъ говоритъ Стюартъ, обращаетъ ее въ free heads (свободныя головы), которыя могутъ быть употреблены въ другихъ отрасляхъ промышленности, какъ источникъ полученія прибавочной цѣнности.“

Родбертусъ въ своихъ замѣчательныхъ пяти теоремахъ „Zur Erkenntniss etc.“ пишетъ такъ: „земледѣліе является единственной основою того, что производится работъ достаточно велика, чтобы, кромѣ содержанія рабочихъ, постоянно создавались необходимыя средства къ существованію и для другихъ. Но земледѣліе создаетъ только матеріалъ для необходимаго содержанія людей. Однако работы, которыя еще нужны для окончательнаго превращенія матеріала въ продукты, могущія стать доходомъ и составляющія необходимое содержаніе, относительно немногочисленны. Такъ какъ это вполне вѣрно и такъ какъ производительность труда въ земледѣліи настолько велика, что въ его продуктѣ лежитъ основа значительнаго избытка надъ потребностями работника, то благодаря земледѣлію создается не только возможность такого положенія вещей, при которомъ получаютъ ренты, но и возможность увеличенія рентъ и при томъ въ томъ направленіи, въ которомъ этотъ избытокъ продукта служитъ основой раздѣленія труда Но не слѣдуетъ впадать въ ошибку. Земледѣліе не основа земельной ренты, а основа рентъ вообще, какъ ренты капитала, такъ и земельной ренты. Оно даетъ столько же для первой, какъ и для послѣдней“. . . . и затѣмъ въ двухъ примѣчаніяхъ: „земледѣліе въ томъ смыслѣ одно изъ величайшихъ изобрѣтеній, что безъ него вообще не могли бы существовать ренты; безъ него всякій долженъ былъ бы отказаться отъ производительныхъ работъ и тѣмъ былъ бы положенъ предѣлъ для всякой цивилизаціи. Однако разъ осуществилось это необходимое, всякому дальнѣйшему прогрессу предшествовавшее условіе, то вновь изобрѣтенное приложеніе паровой силы къ фабрикаціи и къ перевозкѣ можетъ увеличить сумму рентъ отъ капитала и земли въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они стоятъ теперь, можетъ также, по своимъ естественнымъ послѣдствіямъ, увеличить въ той же мѣрѣ число участниковъ въ духовной и художественной жизни. Произойдетъ ли это или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ народнохозяйственной организаціи“. . . . и въ другомъ примѣчаніи: „если разсматривать природу, духъ и даже капиталъ, какъ „источники благъ“ и ставить ихъ на ряду съ трудомъ, то это отнюдь не измѣняетъ того положенія, что трудъ является единственной производительной силой. Это положеніе будетъ тогда гласить только такъ: земельная рента и прибыль капитала составляютъ результатъ всѣхъ соединенныхъ работъ, земельныхъ фондовъ и капиталовъ, которые нужны для полнаго изготовленія благъ, которыя составляютъ реальное выраженіе этихъ доходовъ“. См. Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände, Erstes Heft: fünf Theoreme, 1842 г., стр. 71—72 и 67—68.

Я воспроизвелъ въ этомъ изданіи и отрывокъ, оставшійся намъ отъ Тюрго подъ заглавіемъ: „Цѣнности и деньги“. Представители австрійской школы на всѣ лады пользовались имъ для того, чтобы доказать, что въ основу цѣнности Тюрго кладеть психологическія начала, разсматривая проблему цѣнности, какъ нѣчто присущее человѣку, а не вещамъ, какъ таковымъ. Изученіе этого отрывка, составленнаго подъ сильнымъ вліяніемъ Галіани, также крайне поучительно, но не къ выгодѣ австрійской школы. Чтеніе этого отрывка покажетъ, что австрійская школа почти ничего новаго не выдумала, но авторитетомъ Тюрго напрасно пользовалась для подтвержденія своихъ доктринъ. Тюрго намѣчаетъ проблему абсолютной трудовой цѣнности, основной цѣнности (*valeur fondamentale*), какъ онъ иногда выражается, но столь же быстро, какъ истинный позитивистъ, замѣчаетъ, что познать цѣнность въ самой себѣ чрезъ психологическія умствованія о полезности невозможно, и переходитъ къ анализу цѣны, которая непонятна безъ человѣка и внѣ объективныхъ условій обмѣна и борьбы за существованіе¹⁾.

Анализъ цѣны, какъ мнѣ представляется, и долженъ стать предметомъ новой политической экономіи, когда ея представители окончательно убѣдятся въ томъ, что стоитъ выбросить изъ политической экономіи, какъ выражается Гигсъ, „схему распредѣленія“ и тогда то, что останется въ политической экономіи, будетъ имѣть сравнительно мало значенія.

Только разумное ученіе о цѣнѣ можетъ придать социальной экономіи стройный, жизненный, историческій характеръ, какъ важнѣйшей наукѣ о законахъ капиталистическаго хозяйства, которое является необходимой переходной стадіей къ грядущему социальному хозяйству.

Буду вполне удовлетворенъ, если мой переводъ дастъ возможность начинающимъ работать въ политической экономіи первый толчекъ къ пониманію жизни капиталистическаго хозяйства. Проработавъ надъ краткимъ, яснымъ и блестящимъ трактатомъ Тюрго, они откроютъ себѣ дорогу и для дальнѣйшаго изученія предмета.

Проф. Александръ Миклашевскій.

Юрьевъ (Дерптъ), 1905 г.

27-го апрѣля.

1) См. ниже стр. 69—71.

„Размышления о создании и распределении богатств“ напечатаны впервые Дюпюномъ-де-Немуръ въ трехъ номерахъ журнала „Éphémérides du Citoyen, а именно въ ноябрьской и декабрьской книгѣ за 1769 и январьской за 1770. Эти номера, однако, вышли въ свѣтъ только въ январѣ, февралѣ и апрѣлѣ 1770 г. Въ формѣ книги „Размышления“ вышли въ 1776 г. и выдержали въ первые же годы четыре издания. Написано это произведение въ 1766 г. см. статью G. Schelle. Pourquoi les „Réflexions“ de Turgot ne sont-elles pas exactement connues“, Journal des Économistes, июль 1888 г. Переводъ сдѣланъ нами по изданію L. Robineau въ Petite Bibliothèque Économique, соотвѣтственно съ исправлениями, указанными G. Schelle въ его сочиненіи: Dupont de Nemours et École physiocratique.

Переводъ отрывка: „Цѣнность и деньги“ сдѣланъ по изданію Евгенія Дѣра: Oeuvres de Turgot, 2 тома, Paris, Guillaumin, Libraire, 1844 г. Valeurs et Monnaies занимаютъ стр. 75—93 перваго тома этого изданія, снабженнаго примѣчаніями гг. Eugène Daire и Hippolyte Dussard.

При изученіи Тюрго, какъ общественнаго дѣятеля и экономиста, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія главнѣйшія сочиненія:

1. Batbie. Turgot, philosophe, économiste et administrateur, Paris, 1861 г.
2. Neumark. Turgot et ses doctrines, Paris, 1885 г.
3. G. Schelle. Du Pont et l'École physiocratique, Paris, 1888 г.
4. F. von Sivers (уроженецъ балтійскихъ провинцій). Turgot's Stellung in der Geschichte der National-Ökonomie, Jena, 1874 г.
5. A. Oncken. Geschichte der National-Ökonomie, 1902 г.
6. H. Higgs. The Physiocrats, London, 1897 г.; русскій переводъ подъ редакціей П. Струве, Спб. 1899 г.
7. Ed. Cannan. A History of the Theories of Production and Distribution in english political Economy from 1771 to 1848, 2 изд., London, 1903 г.
8. R. Shepherd. Turgot and the Six Edicts, N. Y., 1903 г.
9. R. Stourm. Les finances de l'ancien Régime et de la Révolution, Paris, 1885.
10. Homel. Les Causes financières de la révolution, Paris, 1893 г.
11. Stephens. The Life and Writings of Turgot, London, 1895 г.
12. Levasseur. Histoires des classes ouvrières, 2 изд., Paris, 1901 г.
13. Муравьевъ. Тюрго, его ученая дѣятельность и начало преобразованій во Франціи, Мѣсква, 1888 г.
14. Афанасьевъ. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Одесса, 1884 г. и его же — Условія хлѣбной торговли во Франціи 18-го столѣтія, Одесса, 1892 г.
15. Н. Шелгуновъ. Тюрго, Русская Мысль, 1885 г., кн. 8. (изложеніе книги Неймарка.)
16. М. Герценштейнъ. Физиократы и классическая школа, Юридическій Вѣстникъ, 1889 г., кн. I.
17. Н. Карѣвъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти 18-го вѣка, Спб., 1879 г.
18. М. Ковалевскій. Происхождение современной демократіи, т. I, Москва, 1895 г.
19. Н. Бржескій. Податная реформа. Французскія теоріи 18-го стол., Спб., 1888 г.
20. А. Миклашевскій. Франсуа Кене, вступительная статья къ переводу сочиненій Кене, Библиотека экономистовъ, вып. VI, Москва 1896; также — Обмѣнъ и экономическая политика, Юрьевъ, 1904 г.

Приложеніе.

Каннанъ весьма несправедливо оцѣниваетъ значеніе Тюрго, но весь его трудъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для пониманія ученій классической школы. Къ сожалѣнію, трудъ Каннана былъ мнѣ неизвѣстенъ, когда я писалъ свое сочиненіе: „Обмѣнъ и экономическая политика“. По прочтеніи этого труда, я еще болѣе убѣдился въ правильности своихъ взглядовъ на теорію обмѣна. Обращаю вниманіе гг. переводчиковъ на этотъ трудъ, который гораздо выше по научному достоинству теоретическихъ популяризацій Зомбарта, которыми такъ обильно русскіе переводчики угощаютъ русскаго читателя.

Каннанъ также, какъ и я, стремится доказать, что у Рикардо нѣтъ никакихъ разумныхъ аргументовъ, которыми можно было бы укрѣпить утвержденіе, будто уровень прибыли зависитъ отъ производительности послѣдне-употребленной земли, т. е. земли наихудшаго качества. Но въ трудѣ Каннана я нашелъ еще одинъ аргументъ въ пользу моей теоріи дифференціальной прибыли, хотя Каннанъ и не дѣлаетъ этого послѣдняго и необходимаго вывода изъ своихъ разсужденій.

Какъ извѣстно, Рикардо объясняетъ паденіе прибыли исключительно возрастаніемъ стоимости необходимаго содержанія рабочихъ. *Спрашивается, приложимо ли это утвержденіе къ прибыли фермера, который продаетъ свой продуктъ по повышенной цѣнѣ?* Вотъ какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ Каннанъ. „Не можетъ ли, спрашиваетъ Каннанъ, это повышеніе цѣны сохранить прибыль фермера на той же нормѣ, хотя онъ и принужденъ платить добавочную цѣну на заработной платѣ? Рикардо отвѣчаетъ, что повышеніе цѣны будетъ сбалансировано или рентой или добавочной заработной платой. Онъ стремится подтвердить это ариѳметическимъ примѣромъ. Исходя изъ

примѣра, когда фермеръ производитъ 180 кварталовъ пшеницы, продающейся по 4 фунта за кварталъ, и употребляетъ при этомъ десять рабочихъ, получающихъ въ вознагражденіе за трудъ по шести кварталовъ т. е. по 24 фунта каждый, Рикардо задается вопросомъ, что произойдетъ, если при увеличеніи богатства и населенія цѣна пшеницы возрастетъ и первая добавочная группа новыхъ производителей станетъ производить только 170 кв., вторая 160, третья 150 и четвертая 140 кварталовъ? Цѣна пшеницы, говоритъ онъ, возрастетъ „въ точномъ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ затрудненій при добываніи ея на почвѣ худшаго качества“. Говоря такъ, онъ разумѣетъ, что цѣна измѣнится въ точномъ соотвѣтствіи съ числомъ людей, необходимыхъ для производства даннаго количества хлѣба на послѣдней землѣ или съ послѣдне-приложеннымъ капиталомъ. Если послѣдніе изъ занятыхъ десяти рабочихъ производили 180 кварталовъ и цѣна была 4 фунта, то, когда обработка направится на земли худшаго качества и послѣдніе десять человѣкъ станутъ производить только 170 кв., цѣна возвысится на $\frac{18}{17}$ четырехъ фунтовъ, т. е. дойдетъ до 4 ф. 4 шил. 8 пенсовъ. При дальнѣйшемъ движеніи въ томъ же направленіи, когда послѣдніе десять человѣкъ произведутъ 160 кв., цѣна будетъ 4 ф. 10 шил., когда послѣдніе десять человѣкъ произведутъ 150 кв., повышеніе цѣны дойдетъ до 4 ф. 16 шил., а когда послѣдніе десять человѣкъ произведутъ только 140 кв., цѣна будетъ 5 ф. 2 ш. 10 пенсовъ. Очевидное ариѣметическое послѣдствіе этого обстоятельства выразится въ томъ, что общій продуктъ послѣднихъ десяти человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда будетъ продаваться за тоже количество денегъ въ данномъ случаѣ за 720 фунтовъ и если работникъ получитъ больше изъ этой суммы, фермеру достанется меньше. Предполагая, что денежная заработная плата будетъ расти одновременно съ ростомъ цѣны хлѣба, но только съ половинной быстротой, Рикардо дѣлаетъ выводъ, что при повышеніи цѣны хлѣба съ 4 ф. до 4 ф. 4 шил. 8 п., 4 ф. 10 шил., 4 ф. 16 ш. и 5 ф. 2 ш. 10 пенсовъ, заработная плата десяти человѣкъ возвысится съ 240 фунтовъ до 247, 255, 264 и 274 фунтовъ 5 шил. Но такъ какъ весь продуктъ послѣднихъ десяти человѣкъ равняется по цѣнѣ 720 фунтамъ, то и прибыль, остающаяся предпринимателю, понизится съ 480 фунтовъ до 473, 465, 456 и 445 ф. 15 шил. Ясно, что предприниматель, дающій работу послѣднимъ десяти человѣкамъ, получаетъ меньшее абсолютное количество прибыли вслѣдствіе повышенія заработной платы, но мы еще ничего не знаемъ относительно уровня или процента его прибыли, ибо количество капитала не было указано. Рикардо затѣмъ пытается за-

няться этимъ вопросомъ. „Предположимъ, говоритъ онъ, что первоначальный капиталъ фермера былъ 3000 фунтовъ; когда прибыль на его капиталъ въ первомъ случаѣ была 480 фунтовъ, процентъ прибыли 16. Когда его прибыль упадетъ до 473, процентъ будетъ 15,7,

при 465 фунтахъ	15,5 %
„ 456 „	15,2 „
„ 445 „	14,8 „

„Но уровень или процентъ прибыли понизится еще болѣе потому, что, какъ слѣдуетъ помнить, капиталъ фермера состоитъ болшею частью изъ сырыхъ произведеній, каковы: запасы хлѣба и сѣна, несмолотая пшеница и ячмень, лошади и коровы, которыя всѣ возвысятся въ цѣнѣ при увеличеніи цѣны продуктовъ. Его абсолютная прибыль падаетъ съ 480 до 445 фун. 15 шил., но если по причинамъ, которыя я изложилъ, его капиталъ увеличится съ 3000 до 3200 ф., то уровень прибыли его, при цѣнѣ хлѣба въ 5 ф. 2 ш. 10 п., былъ бы ниже 14 %“ (см. Рикардо Сочиненія, пер. Зиберы, глава VI, о прибыли).

Различая такимъ образомъ уровень прибыли, который „долженъ былъ бы быть“ у фермера отъ того уровня прибылей, который напечатанъ курсивомъ и подъ которымъ Рикардо понимаетъ тотъ уровень прибыли, который опредѣлится на его капиталъ по данной оцѣнкѣ, Рикардо показываетъ, и это онъ иллюстрируетъ и въ ссылкѣ подъ приведенной тирадой, что онъ слишкомъ много думалъ о фермерѣ, который употребляетъ первыхъ десять человѣкъ и который, когда цѣна возрастаетъ, начинаетъ платить ренту, и слишкомъ мало думалъ о фермерѣ, неплатящемъ ренты, который употребляетъ послѣднихъ десять человѣкъ и согласно схемѣ устанавливаетъ основной уровень прибыли. Абсолютная масса прибыли, т. е. 473, 465, 456 и 445 ф. 15 шил., которые послѣдніе занятыя десять человѣкъ создаютъ послѣдовательно своимъ предпринимателямъ при повышеніи цѣны хлѣба, приобретаются не на первоначальный капиталъ фермера, но или на капиталъ новаго фермера или на добавочный капиталъ прежняго фермера. Первоначальный капиталъ продолжаетъ употребляться съ прежними десятью человѣками. Новые капиталы, употребляемые съ новыми десятью людьми, не только различные капиталы, но они и не должны быть одинаковы по размѣрамъ. Для того чтобы доказать положеніе Рикардо необходимо предположить, что они того же размѣра или возрастаютъ. При предположеніи, которое и Рикардо

XVII

часто дѣлаетъ, что размѣръ ихъ тотъ же, мы получаемъ результаты изображенные въ таблицѣ, когда цѣна 4 ф. 16 ш. за кварталъ.

Рабочіе	Продуктъ	Рента	Зар. плата	Прибыль	Капит.	% приб.
Послѣдніе 10	150 кв. 720 ф.		264 ф.	456 ф.	3000 ф.	15,2
Третьи 10	160 „ 768 „	48 ф.	264 „	456 „	3000 „	15,2
Вторые 10	170 „ 816 „	96 „	264 „	456 „	3000 „	15,2
Первые 10	180 „ 864 „	144 „	264 „	456 „	3000 „	15,2
Итого 40	660 кв. 3168 ф.	288 ф.	1056 ф.	1824 ф.	12000 ф.	15,2%

Но было бы вполнѣ основательно предположить, при отсутствіи всякихъ указаній по этому поводу, что при употребленіи вторыхъ десяти человѣкъ скорѣе потребуется меньше капитала, чѣмъ при употребленіи первыхъ десяти, меньше при употребленіи третьихъ десяти, чѣмъ вторыхъ и такъ далѣе. При такомъ предположеніи, допуская, что всѣ сорокъ человѣкъ заняты фермеромъ на одной и той же землѣ, въ высшей степени невѣроятно, чтобы ему понадобилось удвоить свой капиталъ при двойномъ увеличеніи рабочихъ, ибо значительное количество его постоянного капитала отнюдь не придется увеличить въ той же самой пропорціи. Разъ мы допустимъ, что этотъ случай возможенъ, то вся стройно выработанная схема Рикардо рушится. вмѣсто пониженія абсолютныхъ размѣровъ прибыли 480, 473, 466 и 456, необходимо вызывающее пониженіе и процента прибыли, мы получаемъ выводъ, что при наличности всѣхъ его предположеній возможенъ ростъ % -та. Если употребленіе первыхъ десяти человѣкъ, производящихъ 180 кв., требуетъ, скажемъ вмѣстѣ съ Рикардо, капиталъ въ 3000 ф., то получается прибыль 480 т. е. 16 %. Предположимъ, что употребленіе вторыхъ десяти человѣкъ, производящихъ 170 кв., требуетъ другой капиталъ не въ 3000, а всего 2782 фун. Если цѣна на пшеницу дойдетъ до 4 ф. 4 ш. 8 пенсовъ и эти десять работниковъ заняты, то ихъ заработныя платы, согласно Рикардо, будутъ 247 ф., а слѣдовательно прибыли предпринимателя 473. Эти 473 фунта будутъ представлять 17 % на 2782, и, такимъ образомъ, уровень прибыли не только не упадетъ, но возвысится. Если третьему десятку людей можно будетъ дать работу капиталомъ въ 2695 ф. и прибыли будутъ, какъ предполагаетъ Рикардо т. е. 465 ф., то обнаружится дальнѣйшее повышеніе нормы прибыли до 17 $\frac{1}{4}$ %, а если дать работу четвертому десятку людей можно капиталомъ въ 2533 и прибыли будутъ такія, какъ предполагаетъ Рикардо, т. е. 456, то обнаружится дальнѣйшее повышеніе уровня прибыли до 18 %. вмѣсто того положенія вещей, которое изображено въ вышеприведен-

XVIII

ной таблицѣ, при цѣнѣ въ 4 ф. 16 ш., мы тогда будемъ имѣть нижеслѣдующую:

Рабочіе	Продуктъ	Рента	Зараб. плата	Прибыль	Капиталь	% приб.
Послѣдніе 10	150 кв. 720 ф.	. . .	264 ф.	456 ф.	2533 ф.	18
Третьи 10	160 „ 768 „	19 ф.	264 „	485 „	2695 „	18
Вторые 10	170 „ 816 „	51 „	264 „	501 „	2782 „	18
Первые 10	180 „ 864 „	60 „	264 „	540 „	3000 „	18
Итого 40	660 кв. 3168 ф.	130 ф.	1056 ф.	1982 ф.	11010 ф.	18%

(См. Салпан, A History of the Theories of Prod. and Distr., I. c., стр. 286 и слѣд.)

Въ моей книгѣ: „Обмѣнъ и экономическая политика“ читатель найдетъ дальнѣйшій анализъ: я предполагаю раздѣлъ ренты и большую прибыль перваго капитала, съ соответствующей дифференціаціей прибылей другихъ капиталовъ. Пора намъ, русскимъ ученымъ, перестать рабски повторять въ своихъ учебникахъ избитыя догмы, пора за новую реальную работу внѣ оконченъвшихъ догмъ цѣнности! А. М.

Опечатки.

		напечатано	читать
стр. 3	17 строка снизу	рода,	рода
стр. 10	13 „ св.	равдѣленіе	раздѣленіе
стр. 59	13 „ сн.	дѣлалъ	дѣлало
стр. 59	26 „ сн.	процентчиковъ	процентщиковъ.
стр. 70	1 „ сн.	Italiene	Italieni.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

СОЗДАНИИ И РАСПРЕДѢЛЕНИИ БОГАТСТВЪ.

§ I. Существованіе торговли невозможно при предположеніи о равномъ раздѣлѣ земель, при которомъ каждый имѣлъ бы только то, что необходимо для пропитанія.

Если бы земля была такъ распредѣлена между жителями страны, что каждый изъ нихъ имѣлъ бы возможность добывать на ней лишь потребное для пропитанія и ничего больше, то, очевидно, всѣ были бы равны и никто не желалъ бы работать для другого. Ни одинъ изъ такихъ жителей не имѣлъ бы средствъ для оплаты труда другого. Имѣя только такое количество земли, на которомъ можно производить лишь потребное для существованія, такой житель потреблялъ бы все произведенное и у него не оставалось бы ничего для промѣна на трудъ другихъ.

§ II. Взятое предположеніе никогда не существовало и не могло существовать. Разнообразіе въ качествахъ земель и многочисленность потребностей порождаютъ обмѣнъ продуктовъ земли на другіе предметы.

Это предположеніе никогда не могло существовать, ибо земли обрабатывались до ихъ раздѣла; обработка послужила единственнымъ основаніемъ для раздѣла и для возникновенія закона, который обезпечиваетъ собственность на землю. Само собою разумѣется, что тѣ, которые впервые начали обработку земли, вѣроятно, обрабатывали такое ея количество, на какое хватало силъ, а потому и получали больше того, чѣмъ сколько было необходимо для ихъ пропитанія.

Еслибы предположенный порядок вещей даже и могъ существовать, то, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ бы быть проченъ. Каждый, извлекая изъ своего поля только потребное для собственного пропитанія и не имѣя, поэтому, возможности оплачивать труда другихъ, не могъ бы удовлетворять другимъ своимъ потребностямъ въ платьѣ, жилищѣ и т. п., иначе какъ при помощи личного труда. Но такое положеніе вещей почти невозможно, ибо всякая земля не производитъ всего на всякомъ мѣстѣ. (à beaucoup près).

Тотъ, чья земля пригодна лишь для производства зерна, но не даетъ ни хлопка, ни конопли, терпѣлъ бы недостатокъ въ матеріалѣ для одежды. Другой могъ бы имѣть, наоборотъ, землю пригодную для производства хлопка, но не хлѣба. Одному могло бы не доставать лѣса для отопленія, другому хлѣба для пропитанія. Скоро опытъ научилъ бы каждого, къ чему въ особенности пригодна его земля. Тогда онъ ограничился бы производствомъ этого наиболѣе подходящаго продукта съ тѣмъ, чтобы получать все остальное черезъ обмѣнъ отъ своихъ сосѣдей, которые, руководясь подобными же соображеніями, стали бы производить также только наиболѣе подходящіе къ ихъ землямъ продукты и не стали бы производить никакихъ иныхъ.

§ III. Продукты земли требуютъ долгихъ и трудныхъ предварительныхъ работъ, чтобы сдѣлаться пригодными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей.

Продукты, производимые землей для удовлетворенія различныхъ потребностей человѣка, по общему правилу, не могутъ служить этой цѣли въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ даетъ природа. Необходимо, чтобы они испытали рядъ преобразованій и были обработаны искусной рукой. Надо пшеницу обратить въ муку и хлѣбъ, вычистить или выдубить кожи, спрясть шерсть и хлопокъ, размотать коконы шелковичныхъ червей, выбѣлить, вычесать и спрясть коноплю и ленъ, сдѣлать изъ нихъ разныя ткани, затѣмъ скроить и сшить ихъ для разныхъ предметовъ одежды, обуви и т. п. Еслибы одинъ и тотъ же человѣкъ, который производитъ на своей землѣ всѣ эти разнообразныя предметы и употребляетъ ихъ для удовлетворенія своихъ потребностей, былъ поставленъ въ необходимость подвергать всѣ продукты этимъ посредствующимъ операціямъ, то почти навѣрно онъ имѣлъ бы весьма мало успѣха. Наибольшая часть этихъ операцій требуетъ заботы, вниманія, долгаго опыта. Эти качества приобрѣтаются послѣдовательной работой и надъ значительнымъ количествомъ матеріала. Возьмемъ напр. приготовленіе кожи. Кто изъ земледѣльцевъ въ состояніи выполнить всѣ необходимыя детали процесса обработки кожи, который

длится нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ? Еслибы онъ и былъ въ состояніи, могъ-ли бы онъ выполнить это на одной кожѣ? Какая въ этомъ случаѣ обнаружилась бы потеря времени, мѣста, матеріаловъ, которые могли бы служить въ одно и то же время или послѣдовательно для выработки гораздо большаго количества кожъ! Но если онъ сѣмѣетъ выработать самолично одну кожу, окажется, что ему нужна одна пара сапогъ: что будетъ онъ дѣлать съ остаткомъ кожи? Придется ли ему убить быка для приготовления пары сапогъ? Или срубить дерево для изготовленія пары деревянныхъ башмаковъ? тоже можно сказать о всѣхъ другихъ потребностяхъ человѣка. Если бы ему пришлось исключительно рассчитывать на свой трудъ и свою землю, онъ тратилъ бы много времени и усилій, а между тѣмъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ плохо удовлетворенъ и очень дурно обрабатывалъ бы свою землю.

§ IV. Необходимость предварительныхъ процессовъ обработки (*des préparations*) приводитъ къ обмѣну продуктовъ на трудъ.

То же побужденіе, которое вызвало обмѣнъ продукта на продуктъ между людьми, обрабатывающими земли разныхъ качествъ, породило также обмѣнъ продуктовъ земледѣльцевъ на продукты труда другой части общества, которая предпочла готовить и обрабатывать продукты земли вмѣсто того, чтобы ихъ производить (*les faire paître*). Такой порядокъ вещей былъ выгоденъ всѣмъ, ибо каждый, сосредоточиваясь на трудѣ извѣстнаго рода, всего лучше успѣвалъ въ немъ. Земледѣлецъ сталъ извлекать изъ земли наибольшее количество продуктовъ и удовлетворять всѣмъ потребностямъ при помощи обмѣна избытковъ, съ большей легкостью, чѣмъ собственнымъ трудомъ. Сапожникъ, дѣлая обувь для земледѣльца, сталъ пріобрѣтать себѣ часть жатвы послѣдняго. Каждый работникъ сталъ трудиться для удовлетворенія потребностей другихъ, а эти послѣдніе стали также работать и для него.

§ V. Преимущество земледѣльца (*prééminence*) предъ ремесленникомъ, который обрабатываетъ (*grèrage*) продукты. Земледѣлецъ является первой двигающей силой въ круговращеніи работъ; онъ производитъ на своей землѣ заработныя платы всѣхъ ремесленниковъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что земледѣлецъ, снабжающій всѣхъ самымъ важнымъ продуктомъ, составляющимъ при томъ наибольшую долю ихъ потребленія (я хочу сказать пищу и матеріалъ почти для всѣхъ другихъ работъ) имѣетъ преимущество передъ прочими въ наибольшей независимости. Его трудъ въ ряду всѣхъ дру-

гихъ работъ, распредѣленныхъ между разными членами общества, сохраняетъ то же первенство, то же преимущество, какое въ ряду различныхъ работъ, которыя онъ долженъ былъ выполнять для удовлетворенія своихъ потребностей, въ періодъ, когда онъ жилъ еще изолированно, имѣлъ трудъ, доставлявшій ему пищу. Это первенство не является почестью или знакомъ особаго достоинства; оно составляетъ результатъ физической необходимости; земледѣлецъ, говоря абсолютно, можетъ обходиться безъ труда другихъ ремесленниковъ, но ни одинъ изъ послѣднихъ не можетъ трудиться, если земледѣлецъ не доставитъ ему средствъ къ существованію (ne le fait vivre). Въ общемъ круговоротѣ труда, который благодаря взаимному обмѣну потребностей дѣлаетъ людей необходимыми другъ для друга и составляетъ между ними связующее общественное звено, работа земледѣльца даетъ первое движеніе. То, что земледѣлецъ трудомъ производитъ на своей землѣ сверхъ удовлетворенія собственныхъ потребностей — составляетъ единственный источникъ заработныхъ платъ, которыя получаютъ другіе члены общества въ обмѣнъ за ихъ трудъ. Эти послѣдніе, пользуясь платой, полученной ими въ обмѣнъ за трудъ, для покупки продуктовъ у земледѣльца, отдаютъ ему только то, что получили; такимъ образомъ между этими двумя видами труда существуетъ крупное различіе, на которое слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, чтобы хорошо усвоить его себѣ, прежде чѣмъ перейти къ безчисленнымъ послѣдствіямъ, изъ него вытекающимъ.

§ VI. Заработная плата работниковъ, благодаря существующему среди нихъ соперничеству, ограничивается минимумомъ, потребнымъ для ихъ существованія. Работникъ пріобрѣтаетъ себѣ только средства къ жизни.

Простой работникъ, обладающій только своими руками и ремесломъ, имѣетъ только столько — поскольку ему удастся продать свой трудъ. Онъ продаетъ его дороже или дешевле, но цѣна за трудъ не зависитъ отъ него самого: она составляетъ результатъ соглашения съ тѣмъ, кто оплачиваетъ его трудъ. Послѣдній старается заплатить за трудъ, какъ можно дешевле. Имѣя выборъ между значительнымъ количествомъ работниковъ, наниматель предпочитаетъ того, кто соглашается работать за самую низкую цѣну. Работники должны, поэтому, другъ предъ другомъ понижать цѣну за свой трудъ. При такомъ положеніи вещей во всѣхъ родахъ труда долженъ установиться, и въ дѣйствительности устанавливается, такой порядокъ, что заработная плата работника ограничивается лишь минимумомъ, необходимымъ для существованія.

§ VII. Только трудъ земледѣльца производитъ болѣе того, что составляетъ заработную плату труда. Поэтому онъ и является единственнымъ источникомъ всякаго богатства.

Положеніе земледѣльца совсѣмъ иное. Земля, независимо отъ другихъ людей и отъ всякаго соглашенія, непосредственно выплачиваетъ работнику цѣну его труда. Природа не торгуется съ нимъ, чтобы принудить его, какъ работника, довольствоваться безусловно необходимымъ. То, что природа даетъ, не находится въ соотвѣтствіи, ни съ его потребностями, ни съ выговоренной оцѣнкой его дневного труда. Даруемое природой составляетъ физическій результатъ плодородія почвы и скорѣе зависитъ отъ цѣлесообразности, чѣмъ отъ трудности, тѣхъ средствъ, которыя земледѣлецъ примѣняетъ для того, чтобы сдѣлать землю плодородной. Если трудъ земледѣльца, за удовлетвореніемъ его потребностей доставляетъ ему еще избытокъ, который природа даетъ ему, какъ чистый даръ сверхъ заработной платы за его усилія, то онъ можетъ при помощи этого избытка покупать трудъ другихъ членовъ общества; послѣдніе, продавая ему свой трудъ, приобрѣтаютъ только средства къ существованію, тогда какъ земледѣлецъ, кромѣ средствъ къ существованію, приобрѣтаетъ независимое богатство, которымъ онъ можетъ располагать по произволу, которое онъ не купилъ, а между тѣмъ продаетъ. Земледѣлецъ является, такимъ образомъ, единственнымъ источникомъ богатствъ, которыя своимъ обращеніемъ оживляютъ всѣ роды труда въ обществѣ. И это происходитъ потому, что трудъ земледѣльца производитъ нѣчто сверхъ заработной платы за трудъ.

§ VIII. Первое раздѣленіе общества на два класса: одинъ называется производительнымъ и состоитъ изъ земледѣльцевъ, другой находится на жалованьи (stipendié) и состоитъ изъ ремесленниковъ.

Отсюда по самой природѣ вещей проистекаетъ раздѣленіе общества на два класса. Оба эти класса заняты трудомъ; но одинъ изъ нихъ производитъ или, лучше сказать, извлекаетъ своимъ трудомъ изъ земли богатства, постоянно воспроизводящіяся, доставляющія всему обществу средства къ существованію и матеріалы для удовлетворенія всѣхъ другихъ потребностей, другой классъ занятъ тѣмъ, что дѣлаетъ съ произведенными продуктами всѣ нужныя приготовления и придаетъ имъ формы, въ которыхъ они становятся пригодными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; этотъ классъ продаетъ свой трудъ первому и получаетъ отъ него средства къ существованію. Первый изъ этихъ классовъ можно назвать производительнымъ, второй состоящимъ на жалованьи (stipendié).

§ IX. Въ первоначальныя времена между собственникомъ и земледѣльцемъ не существовало различія.

До сихъ поръ мы еще не различали земледѣльца отъ собственника земли и въ первоначальное время этого различія въ дѣйствительности не существовало. Только благодаря труду тѣхъ, которые первыми стали обрабатывать землю и которые огородили ее для обезпеченія себѣ урожая, земля перестала быть общою собственностью и на землю установилась частная собственность. До того времени, пока въ обществѣ не возникло прочнаго порядка, пока общественная власть и законъ не сдѣлались сильнѣе частной воли и не приобрѣли возможности охранять собственность отъ вторженій постороннихъ, до той поры можно сохранять собственность на приобретенную землю только въ томъ видѣ, какъ она приобретена, и продолжая обрабатывать ее. Владѣлецъ земли не могъ съ увѣренностью отдать ее подъ обработку другому. Послѣдній, истративъ на обработку земли свой трудъ, едва ли понялъ бы, что урожай ему не принадлежитъ. Къ тому же въ это первоначальное время всякій трудолюбивый челоуѣкъ, имѣя возможность найти любое количество земли подъ обработку, не сталъ бы работать для другого. При такомъ положеніи собственникъ долженъ былъ самъ обрабатывать свое поле или же вовсе покинуть его.

§ X. Прогрессъ общества: всѣ земли приобретаютъ собственника.

Но земля заселялась и все болѣе поступала подъ обработку. Вскорѣ всѣ хорошія земли оказались занятыми; для послѣднихъ пришельцевъ не осталось ничего, кромѣ бесплодныхъ земель, незанятыхъ первыми поселенцами. Но, въ концѣ концовъ, всякая земля приобрѣла владѣльца. Тѣмъ же, которые не могли приобрести болѣе собственности на землю, не осталось иного исхода, какъ предложить свой трудъ въ качествѣ работниковъ непроизводительнаго класса въ обмѣнъ на избытокъ продуктовъ собственниковъ-земледѣльцевъ.

§ XI. Собственники приобретаютъ возможность возлагать трудъ обработки на земледѣльцевъ, получающихъ заработную плату.

Такъ какъ земля давала хозяину, который ее обрабатывалъ, не только средства къ существованію, не только то, за что путемъ обмѣна онъ могъ удовлетворить другимъ своимъ потребностямъ, но еще и значительный избытокъ, то онъ могъ за счетъ этого избытка нанимать людей для обработки своей земли. Для людей, живущихъ заработной платой, этотъ промыселъ имѣлъ такое же значеніе, какъ и всякій другой. Такимъ образомъ должно было произойти

обособленіе собственности отъ труда; въ дѣйствительности это скоро и совершилось.

§ XII. Неравенство въ распредѣленіи земельной собственности: причины неизбѣжности такого порядка.

Какъ уже было сказано, первые собственники заняли такое количество земли, какое могли обработать силами своей семьи; человѣкъ болѣе сильный, болѣе трудолюбивый и болѣе заботящійся о будущемъ захватывалъ большее количество земли сравнительно съ человѣкомъ противоположныхъ качествъ; обладавшій большей семьей и имѣвшій потому больше рабочихъ рукъ, могъ еще болѣе расширить свои владѣнія. Такимъ образомъ возникло уже первое неравенство.

Всѣ земли не бываютъ равнаго плодородія; два человѣка на землѣ одного и того же пространства и одинаковыми количествами труда могутъ получить весьма различное количество продуктовъ: вторая причина неравенства.

Собственность, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, раздробляется на большія или меньшія доли въ зависимости отъ много- или малочисленности семьи; со смѣной поколѣній, наслѣдства то раздробляются, то снова соединяются благодаря вымиранію отдѣльныхъ линий. Вотъ третья причина неравенства.

Разумность, дѣятельность и въ особенности бережливость однихъ и безпечность, праздность и расточительность другихъ были четвертой причиной неравенства и при томъ одной изъ самыхъ могущественныхъ.

Небрежный и непредусмотрительный собственникъ, дурно обрабатывающій землю, потребляющій въ годы изобилія на пустяки весь свой избытокъ, принужденъ при малѣйшемъ несчастіи просить помощи у своего болѣе благоразумнаго сосѣда и жить въ долгъ. Если благодаря новымъ несчастьямъ или вслѣдствіе продолженія той же небрежности въ веденіи дѣлъ, онъ не въ состояніи отдать занятаго, ему придется дѣлать новые долги и, въ концѣ концовъ, придется отдать часть или всѣ свои земли заимодавцу въ возмѣщеніе равной суммы взятаго или же продать ихъ третьему лицу за другія цѣнности, чтобы ими оплатить свой первоначальный долгъ.

§ XIII. Послѣдствія неравенства. Обособленіе земледѣльца отъ собственника.

Такимъ образомъ земли поступаютъ въ торговый оборотъ, онѣ покупаются и продаются. Доля собственника расточительнаго или несчастнаго увеличиваетъ собой долю болѣе счастливаго или благора-

зумнаго, а, при безконечномъ разнообразіи въ размѣрахъ собственности, невѣроятно, чтобы у значительнаго числа собственниковъ не оказалось бы болѣе того количества земли, сколько они сами могутъ обработать; къ тому же, весьма естественно, что человѣкъ богатый желаетъ спокойно пользоваться своимъ богатствомъ и вмѣсто того, чтобы тратить все свое время на тяжелый трудъ, предпочитаетъ отдавать часть своего избытка людямъ, которые работаютъ для него.

§ XIV. Раздѣлъ продукта между земледѣльцемъ и собственникомъ. Чистый продуктъ или доходъ (revenu).

Подъ вліяніемъ такого новаго распорядка, продуктъ земли раздѣляется на двѣ части; одна изъ нихъ составляетъ средства къ существованію и прибыли (profits) земледѣльца: эта часть является вознагражденіемъ за трудъ и условіемъ, при которомъ работникъ берется обрабатывать землю собственника; остающаяся же затѣмъ часть, независимая и свободная, которую земля даруетъ тому, кто ее обрабатываетъ сверхъ оплаты затратъ (avances) и заработной платы за трудъ, составляетъ долю собственника или его доходъ, за счетъ котораго онъ можетъ жить безъ труда и употреблять, гдѣ угодно.

§ XV. Новое раздѣленіе общества на три класса: земледѣльцевъ, ремесленниковъ и собственниковъ или на классы: производительный, зарабатывающій (с. stpendiée) и досужій (с. disponible).

Такъ общество распадается на три класса: классъ земледѣльцевъ, для которыхъ можно сохранить наименованіе класса производительнаго, классъ ремесленниковъ и всѣхъ другихъ, получающихъ вознагражденіе изъ продукта земли, и классъ собственниковъ. Только этотъ классъ, не привязанный къ какому нибудь особому труду необходимостью добывать средства къ существованію, можетъ быть призванъ къ несенію общественныхъ обязанностей, къ военному дѣлу и къ исполненію правосудія. Онъ можетъ выполнять ихъ или личнымъ трудомъ, или выплачивая часть своего дохода, на который государство или общество нанимаетъ людей для выполненія этихъ обязанностей. Удобнѣе всего, поэтому, назвать этотъ классъ досужимъ или находящимся въ распоряженіи.

§ XVI. Сходство между двумя рабочими или недосужими (non disponibles) классами.

Оба эти класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ во многихъ отношеніяхъ сходны между собою, въ особенности въ томъ, что лица, изъ которыхъ эти классы состоятъ, не обладаютъ никакимъ доходомъ

и живутъ на заработную плату, которая имъ выплачивается изъ продукта земли. Оба они схожи еще въ томъ, что они выручаютъ только цѣну своего труда и издержекъ, причемъ цѣна эта почти одинакова въ обоихъ классахъ; собственникъ совершенно одинаково торгуется, нанимая тѣхъ, которые обрабатываютъ землю, стараясь оставить имъ наименьшую долю продукта, какъ и съ сапожникомъ, когда хочетъ купить у послѣдняго сапоги по самой дешевой цѣнѣ. Однимъ словомъ, земледѣлецъ и ремесленникъ получаютъ только вознагражденіе за свой трудъ.

§ XVII. Существенная разница между двумя рабочими классами.

Разница между двумя указанными видами труда заключается въ томъ, что трудъ земледѣльца производитъ собственную заработную плату и кромѣ того доходъ, изъ котораго вознаграждается классъ ремесленниковъ и всѣхъ другихъ, существующихъ на жалованье; ремесленники же просто получаютъ свою заработную плату т. е. свою долю изъ продукта земли въ обмѣнъ за ихъ трудъ и не производятъ никакого дохода; собственникъ, если получаетъ что нибудь, то только изъ результатовъ труда земледѣльца; отъ него онъ получаетъ средства къ собственному существованію и то, что онъ платитъ другимъ лицамъ, состоящимъ у него на жалованьи. Онъ нуждается въ земледѣльцѣ въ силу физической необходимости, согласно которой земля не производитъ ничего безъ труда; но земледѣлецъ нуждается въ собственникѣ только въ силу человѣческихъ соглашеній и гражданскихъ законовъ, которые обезпечиваютъ первымъ изъ воздѣлывавшихъ землю и ихъ наслѣдникамъ право собственности на занятая земли даже послѣ того, какъ они перестали ихъ обрабатывать ¹⁾). Но эти законы могутъ обезпечить праздному человѣку только ту часть произведеній земли, которая получается сверхъ вознагражденія земледѣльца. Собственникъ, не желая потерять всего, долженъ оставить ему эту долю. Земледѣлецъ, получая лишь одно вознагражденіе за трудъ, сохраняетъ, однако, свое естественное и физическое преимущество, которое дѣлаетъ изъ него первую двигательную силу въ общественномъ меха-

1) Дюпонъ де Немуръ выпустилъ, печатая трудъ Тюрго въ „Éphémérides“ — слова: „гражданскихъ и человѣческихъ“ и послѣ заключительной фразы: „lors même qu'ils cesseraient de les cultiver“ прибавилъ: „и это потому, что они сдѣлали затраты (avances foncières), которыя привели землю въ культурное состояніе и такъ сказать слились съ нею“. Очевидно аргументація Бастіа-Кэри не была новинкой въ литературѣ. Прим. А. М.

низмъ. Благодаря тому же преимуществу только отъ его труда зависятъ какъ его собственныя средства къ существованію, такъ и богатство собственника, и заработная плата за всякій другой трудъ.

Ремесленникъ, напротивъ, получаетъ свою заработную плату отъ собственника, или отъ земледѣльца, но не даетъ имъ въ обмѣнъ за свой трудъ ничего, кромѣ равнаго эквивалента за свою заработную плату, и ничего болѣе.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что земледѣлецъ и ремесленникъ зарабатываютъ только вознагражденіе за свой трудъ, тѣмъ не менѣе земледѣлецъ создаетъ кромѣ этого вознагражденія еще доходъ собственника, тогда какъ ремесленникъ не создаетъ никакого дохода, ни для себя, ни для другихъ.

§ XVIII. На этомъ различіи основывается раздѣленіе этихъ классовъ: на производительный и бесплодный (*stérile*).

Такимъ образомъ можно раздѣлить оба рабочихъ класса на двѣ категоріи: классъ производительный, къ которому принадлежитъ земледѣлецъ, и классъ бесплодный, состоящій изъ всѣхъ другихъ членовъ общества, получающихъ заработную плату.

§ XIX. Какъ собственники могутъ извлекать доходъ изъ земли.

Собственники, не обрабатывающіе земли, могутъ отдавать ее въ обработку на разныхъ началахъ и заключать разныя условія съ тѣми, которые воздѣлываютъ землю.

§ XX. Первый способъ: обработка земли наемными рабочими.

Собственники могутъ, прежде всего, оплачивать рабочихъ поденно, погодно, заставляя ихъ обрабатывать землю и оставляя себѣ всю совокупность продукта. Такой способъ обработки предполагаетъ, что собственникъ самъ дѣлаетъ затраты, даетъ сѣмена и оплачиваетъ заработную плату до урожая.

Недостатокъ этого способа заключается въ томъ, что онъ требуетъ отъ собственника много труда и прилежанія. Онъ самъ долженъ руководить трудомъ своихъ рабочихъ, наблюдать за употребленіемъ ихъ времени и за ихъ честностью, чтобы злоупотребленіемъ они не скрыли части продукта.

Правда, онъ можетъ также нанять разумнаго и вѣрнаго чело-вѣка, который въ качествѣ управляющаго или завѣдывающаго можетъ руководить рабочими и производить счетъ продуктовъ; но собственникъ всегда можетъ подвергнуться здѣсь обману.

Кромѣ того, этотъ способъ чрезвычайно дорогъ; дешево онъ обходится только тамъ, гдѣ, вслѣдствіе многочисленнаго населенія или благодаря недостатку работы въ другихъ отрасляхъ промышленности, рабочіе удовлетворяются очень низкой заработной платой.

§ XXI. Другой способъ: обработка посредствомъ рабовъ.

Въ эпоху близкую къ началу человѣческихъ обществъ было почти невозможно найти людей, которые желали бы обрабатывать землю другого, ибо не всѣ земли были еще заняты; желающіе работать предпочитали поднимать новины и обрабатывать ихъ за свой собственный счетъ. Такія условія почти всегда имѣются на лицо въ новыхъ колоніяхъ.

Люди жестокие (violents) выдумали тогда силою принуждать другихъ работать и завели себѣ рабовъ. Но послѣдніе не могли, конечно, требовать никакой справедливости отъ людей, которые могли обратить ихъ въ рабство, только нарушивъ всѣ человѣческія права. Однако физическій законъ природы обезпечивалъ имъ часть продуктовъ, которые они производятъ, ибо необходимо, чтобы хозяинъ кормилъ рабовъ, если хочетъ пользоваться ихъ трудомъ. Но такая заработная плата ограничивается самымъ необходимымъ и средствами къ существованію.

Этотъ гнусный обычай рабства когда-то имѣлъ всеобщее распространеніе и еще теперь господствуетъ во многихъ странахъ. Главной цѣлью войнъ, которые вели древніе, было пріобрѣтеніе рабовъ. Побѣдители заставляли рабовъ работать или продавали ихъ другимъ. Это разбойничество и такая торговля еще и теперѣ господствуетъ во всемъ своемъ ужасѣ на берегахъ Гвинеи, гдѣ европейцы ихъ поддерживаютъ, отправляясь сюда за покупкой негровъ для работъ въ Американскихъ колоніяхъ.

Чрезмѣрный трудъ, къ которому принуждаютъ рабовъ жадные хозяева, губить значительное число ихъ. Для того, чтобы было всегда на лицо потребное количество рабовъ для обработки, необходимо, чтобы каждый годъ торговля доставляла большое количество ихъ. А такъ какъ всегда война служитъ источникомъ этой торговли, то очевидно, что послѣдняя можетъ существовать только тогда, когда народы раздѣлены на очень маленькія націи, которыя взаимно истребляютъ другъ друга, причѣмъ каждая ничтожная группа ведетъ войну съ сосѣдней.

Если Англія, Франція и Испанія будутъ между собой вести ожесточеннѣйшую войну, то будутъ нарушены только границы, и то

только въ нѣкоторыхъ немногихъ отдѣльныхъ пунктахъ. Вся остальная часть страны останется въ покоѣ и ничтожное количество плѣнниковъ, которыхъ придется захватить борющимися сторонамъ, будутъ весьма недостаточнымъ средствомъ приобрѣтенія рабочихъ для обработки земли каждой изъ трехъ націй ¹⁾.

§ XXII. Обработка рабскимъ трудомъ не можетъ существовать въ большихъ обществахъ.

Когда люди сплываются въ большія общества, пополненіе числа рабовъ, перестаетъ быть достаточнымъ для возмѣщенія того расхода ихъ, который совершается обработкой. И хотя трудъ людей

1) Дюпонъ въ „Эфемеридахъ“ измѣнилъ этотъ и слѣдующій параграфъ, разбивъ его на части и дополнивъ. У него напечатанъ такъ:

§ XXI. Второй способъ: обработка посредствомъ рабовъ.

Въ эпоху близкую къ началу человѣческаго общества было почти невозможно найти людей, которые желали бы обрабатывать землю другого, ибо не всѣ земли были еще заняты, а желающіе работать предпочитали поднимать новины и обрабатывать ихъ за свой собственный счетъ. Такимъ образомъ съ самаго возникновенія человѣческихъ обществъ собственникъ не приобрѣтаетъ еще возможности не быть земледѣльцемъ. Это, какъ мы видѣли (см. § XI. и слѣд.) стало возможно только тогда, когда прогрессъ въ общественномъ развитіи и въ культурѣ породилъ и рѣзко обособилъ классъ людей, существующій на заработокъ.

Но въ первоначальную эпоху жестокости и невѣжества, имѣлось много поводовъ къ спорамъ между людьми плохо вооруженными, робкими, испытывающими нужду, не имѣющими обезпеченныхъ средствъ къ существованію и потому склонныхъ къ взаимному недоверію и ненависти. Въ самомъ дѣлѣ опытъ показываетъ, что въ битву вступаютъ только по слабости, или изъ безпокойства и опасенія, такъ или иначе обоснованнаго, какого нибудь лишенія или несчастія, на которое смотрятъ какъ на нѣчто неизбѣжное и которому предпочитаютъ весь рискъ борьбы. Долгое время побѣжденныхъ убивали безъ всякой жалости; такъ поступаютъ еще и теперь нѣкоторые дикари въ Америкѣ.

Культура смягчаетъ нѣсколько нравы, но не исправляетъ ихъ окончательно, дѣлаетъ растлѣніе ихъ менѣе тяжкимъ, но и болѣе всеобщимъ, потому болѣе опаснымъ для всего человѣчества.

Болѣе сильныя пришли къ мысли, что вмѣсто того, чтобы убивать болѣе слабыхъ, будетъ выгоднѣе обратить ихъ въ собственность и заставить обрабатывать землю въ качествѣ рабовъ. Съ упроченіемъ этого гнуснаго обычая, войны стали еще болѣе частыми. До этой эпохи они возникали только случайно; впослѣдствіи ихъ стали предпринимать именно съ цѣлью приобрѣтенія рабовъ, которыхъ побѣдители заставляли работать на себя или же продавали другимъ. Такова была главная задача войнъ древнихъ народовъ; это разбойничество и торговля господствуютъ еще на берегахъ Гвинеи и теперь во всей своей жестокости, гдѣ европейцы ихъ поддерживаютъ, отправляясь сюда для покупки негровъ нужныхъ для культуры въ колоніяхъ Америки.

стараятся восполнить трудомъ животныхъ, наступаетъ время, когда становится невозможнымъ обрабатывать землю рабами; тогда употребленіе рабовъ ограничивается только домашними услугами и, мало по малу, уничтожается совсѣмъ, ибо по мѣрѣ того, какъ народы учреждаютъ у себя порядокъ, они вступаютъ въ договоры по обмѣну военноплѣнныхъ; эти договоры заключаются съ тѣмъ большей охотой, что каждое частное лицо весьма заинтересовано устранить для себя опасность попасть въ рабство ¹⁾).

§ XXIII. Крѣпостное право (*l'esclavage de la glèbe*) замѣняетъ собою личное рабство въ чистомъ его видѣ.

Потомки первыхъ рабовъ, прикрѣпленные прежде къ обработкѣ земли, измѣняютъ свое положеніе. Господство внутренняго мира, не давая возможности торговлѣ удовлетворять громадному потребленію (*consommation*) рабовъ, принуждаютъ ихъ хозяевъ обращаться съ ними болѣе бережливо.

1) У Дюпона § XXII. и XXIII. изложены такъ:

§ XXII. Доля, которую природа обезпечиваетъ земледѣльцамъ, даже рабамъ изъ продукта ихъ труда.

Рабы не могутъ съ надеждой на успѣхъ требовать справедливости отъ людей, которые могли обратитъ ихъ въ это рабское состояніе, только нарушивъ всѣ законы порядка и нравственности, всѣ человѣческія права.

Тѣмъ не менѣе естественный законъ природы обезпечиваетъ за ними долю ихъ продукта земли, ибо необходимо, чтобы хозяинъ кормилъ рабовъ, если хочеть пользоваться ихъ трудомъ. Но эта заработная плата ограничивается лишь необходимымъ — только средствами къ ихъ существованію.

§ XXIII. Насколько обработка рабскимъ трудомъ мало выгодна и дорога для господина и для человѣчества.

У рабовъ нѣтъ охоты предаваться труду, къ которому ихъ принуждаютъ, осмысленно и старательно, что могло бы обезпечить успѣшность труда. Отсюда слѣдуетъ, что трудъ рабовъ малопроизводителенъ.

Жадные хозяева для восполненія недостаточности производства, обусловливаемой рабскимъ трудомъ, прибѣгаютъ къ единственному средству, къ принужденію рабовъ къ труду еще болѣе грубому, длительному и жестокому. Эти чрезмѣрные труды губятъ значительное количество ихъ. Для того, чтобы было всегда на лицо нужное для обработки число рабовъ, надо, чтобы торговля доставляла ежегодно значительное ихъ количество, которое хозяевамъ приходится вновь покупать. Такимъ образомъ они не даютъ заработной платы своимъ рабамъ, но они затрачиваютъ значительный капиталъ, чтобы снабдить себя этими плохими работниками, а такъ какъ война служить главнымъ источникомъ этой торговли, то очевидно, что такая торговля можетъ существовать только чрезъ огромное истребленіе людей, и только тогда, когда народы раздѣлены на маленькія націи, причѣмъ каждый поселокъ воюеть съ сосѣднимъ. (Окончаніе, какъ въ текстѣ § XXI.).

Тѣ изъ нихъ, которые родились во дворѣ и привыкли съ дѣтства къ своему положенію, мало склонны къ возмущенію, и хозяевамъ нѣтъ необходимости примѣнять мѣры строгости, чтобы ихъ сдерживать. Мало по малу земля, которую они обрабатываютъ, становится ихъ отечествомъ. Ихъ языкомъ становится языкъ хозяевъ. Они становятся частью одного и того же народа. Устанавливаются дружественныя отношенія и, какъ результатъ ихъ, — довѣріе и челоуѣколюбіе со стороны господъ.

§ XXIV. Крѣпостничество замѣняется вассальными или вотчинными отношеніями и рабъ становится собственникомъ. Третій способъ обработки: передача земли за извѣстный платежъ или оброкъ (*à la charge d'une redevance*).

Управленіе имѣніемъ, гдѣ земля обрабатывается рабами, требуетъ тягостныхъ заботъ и стѣснительнаго пребыванія въ имѣніи. Собственникъ получаетъ возможность пользоваться своимъ имѣніемъ съ большей свободой, съ большимъ удобствомъ и безопасностью, заинтересовавъ своихъ рабовъ въ обработкѣ чрезъ предоставленіе имъ нѣкотораго пространства земли подъ условіемъ отдачи ему доли продукта. Нѣкоторые изъ собственниковъ заключали подобный договоръ только на время; они предоставляли рабамъ владѣніе временное и сохраняли за собою право отнять его по желанію, другіе отдавали свою собственность на вѣчное время за ежегодную ренту въ видѣ продуктовъ или въ деньгахъ, требуя при этомъ отъ держателей еще и выполненіе нѣкоторыхъ обязанностей. Тѣ изъ рабовъ, которые получали землю на точно опредѣленныхъ условіяхъ, становились собственниками или свободными подъ наименованіемъ арендаторовъ или вассаловъ, а прежніе собственники, подъ названіемъ сеньоровъ, сохраняли за собою право требовать лишь платежъ ренты и выполненіе условленныхъ обязанностей. Такъ слагались отношенія въ наибольшей части Европы.

§ XXV. Четвертый способъ: обработка изъ части (*colonage partiaire*).

Эти земли, сдѣлавшись свободными подъ условіемъ платежа ренты, могутъ переходить въ собственность другихъ лицъ, подлежатъ раздѣлу и могутъ сосредоточиваться въ однѣхъ рукахъ черезъ наслѣдованіе и продажу; такіе вассалы, въ свою очередь, могутъ имѣть больше земли, чѣмъ сколько они въ состояніи лично обработать. Чаще всего рента, которую должны платить съ этихъ земель, не настолько велика, чтобы, при хорошей обработкѣ земли, нельзя было кромѣ возмѣщенія издержекъ и пропитанія земледѣльца, получить еще избытокъ, который можетъ составить доходъ; отсюда у вассала-соб-

ственника также должно явиться желаніе пользоваться доходомъ безъ труда, отдавая землю для обработки другимъ. Съ другой стороны — большая часть сеньоровъ отчуждаютъ только самыя неудобныя свои земли и сохраняютъ за собой тѣ, которыя они могутъ обрабатывать съ наименьшими издержками. Такъ какъ обработка при помощи рабовъ становится невыгодной, то первое и простѣйшее представившееся средство для привлеченія свободныхъ людей къ обработкѣ земли, имъ не принадлежавшей, заключалось въ предоставленіи имъ части продукта. Такой способъ побуждалъ ихъ обрабатывать землю гораздо лучше, чѣмъ это дѣлаютъ работники, получающіе опредѣленную плату. Обыкновенно раздѣляли продуктъ на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна принадлежала колону, другая — собственнику; это послужило поводомъ называть такихъ арендаторовъ — половниками (*metayer-medietarius*), или колонами изъ части продукта. Въ договорахъ подобнаго рода, имѣвшихъ мѣсто въ большей части Франціи, собственникъ дѣлаетъ всѣ предварительныя затраты на обработку т. е. доставляетъ рабочій скотъ, плуги и другія земледѣльческія орудія, сѣмена, пропитаніе колону и его семьѣ, съ того самаго момента, когда онъ приступаетъ къ обработкѣ земли и до первой жатвы.

§ XXVI. Пятый способъ: аренда или наемъ земель.

Разумные и богатые земледѣльцы, которые понимали, что не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ, можно значительно увеличить плодородіе земли, подвергая ее хорошей и надлежаче организованной обработкѣ, съ полнымъ основаніемъ пришли къ мысли, что они получаютъ выгоду, если собственникъ согласится предоставить имъ на опредѣленное число лѣтъ право собирать всю жатву подъ условіемъ платить ежегодную ренту и совершать всѣ предварительныя затраты на обработку. Такимъ образомъ арендаторы обезпечивали за собой цѣликомъ весь тотъ избытокъ продукта, который создавался благодаря ихъ издержкамъ и труду. Собственники, въ свою очередь, приобрѣтали возможность болѣе спокойно пользоваться своимъ доходомъ, ибо они освобождались отъ необходимости дѣлать затраты и производить счетъ продуктовъ. Въ тоже время ихъ доходы становятся болѣе равномѣрны, такъ какъ собственники получаютъ одинаковый доходъ, болѣе прочны, ибо они не рискуютъ своими затратами, а, кромѣ того, скотъ и другіе предметы, которые находятся на фермѣ арендатора обезпечиваютъ собственникамъ вѣрный платежъ. Къ тому же, такъ какъ договоръ заключается только на небольшое число лѣтъ, то

собственникъ, найдя плату за землю слишкомъ низкой, можетъ высить ее въ концѣ срока аренды.

§ XXVII. Этотъ способъ обработки выгоднѣ всѣхъ другихъ, но онъ возможенъ только въ странѣ уже разбогатѣвшей.

Этотъ способъ отдавать землю въ аренду выгоднѣ всѣхъ другихъ какъ для собственниковъ, такъ и для земледѣльцевъ; онъ устанавливается повсемѣстно, гдѣ имѣются богатые земледѣльцы, могущіе дѣлать предварительныя затраты на обработку; а такъ какъ богатые земледѣльцы могутъ приложить къ землѣ больше труда и лучше удобрять ее, то здѣсь получается громадное возростаніе въ продуктѣ и въ увеличеніи дохода отъ земли.

Въ Пикардіи, въ Нормандіи, въ окрестностяхъ Парижа, въ наибольшей части провинцій Сѣверной Франціи, земли обрабатываются арендаторами. Въ Южныхъ провинціяхъ — господствуетъ половничество; провинціи Сѣверной Франціи, поэтому, гораздо богаче и земли въ нихъ лучше обрабатываются, чѣмъ въ южныхъ.

§ XXVIII. Повтореніе: различные способы извлеченія дохода съ земли.

Я насчиталъ, такимъ образомъ, пять способовъ, при помощи которыхъ собственники, освобождая себя отъ трудовъ обработки, могутъ извлекать доходъ изъ земли руками другихъ; первый изъ этихъ способовъ: обработка при помощи работниковъ, получающихъ опредѣленную плату; второй — при посредствѣ рабовъ; третій — черезъ отдачу подъ условіемъ платежа ренты, четвертый — когда за обработку земледѣлецъ получаетъ опредѣленную часть, обыкновенно половину продукта, при чемъ предварительныя издержки лежатъ на собственникѣ; пятый — отдача земли въ аренду людямъ, которые обязуются дѣлать всѣ затраты и платить собственнику въ теченіи ряда условленныхъ лѣтъ одинъ и тотъ же доходъ.

Изъ всѣхъ этихъ пяти способовъ первый слишкомъ дорогъ и рѣдко употребляется; второй — можетъ имѣть мѣсто только въ странахъ варварскихъ и невѣжественныхъ; третій — скорѣе всего является способомъ не извлеченія дохода отъ собственности, а прямой ея передачей съ приобрѣтеніемъ закладнаго права на землю; здѣсь прежній собственникъ является только вѣрителемъ новаго.

Два послѣдніе способа чаще всего въ употребленіи т. е. обработка при помощи половниковъ — въ странахъ бѣдныхъ, и при помощи арендаторовъ — въ странахъ наиболѣе богатыхъ.

§ XXXIX. О капиталѣ вообще и о доходѣ отъ денегъ.

Есть еще и другой способъ быть богатымъ безъ труда, и не обладая землею; о немъ я еще не говорилъ. Необходимо объяснить происхожденіе этого способа и его связь съ остальной частью системы распредѣленія богатства въ обществѣ, очеркъ котораго я только что начерталъ. Этотъ способъ состоитъ въ приобрѣтеніи дохода отъ денегъ или процента, который получаютъ на отданныя въ заемъ деньги.

§ XXX. Объ употребленіи золота и серебра въ торговлѣ.

Золото и серебро такой же товаръ, какъ и всѣ другіе; они даже менѣе цѣнны сравнительно съ другими, ибо для удовлетворенія настоящихъ потребностей жизни они не имѣютъ никакого употребленія. Для того, чтобы объяснить, какъ эти два металла сдѣлались представителемъ и залогомъ всѣхъ другихъ богатствъ, какое вліяніе они оказываютъ на ходъ торговли, какъ они входятъ въ составъ имущества, надо вернуться немного назадъ, къ началу нашихъ разсужденій.

§ XXXI. Возникновеніе торговли. Начало, лежащее въ основѣ оцѣнки вещей, поступающихъ въ торговый оборотъ.

Взаимность потребностей привела къ обмѣну того, что есть, на то, чего нѣтъ. Стали обмѣнивать товаръ на товаръ и товаръ на трудъ. Совершая обмѣнъ, стороны должны были придти къ соглашенію относительно качества и количества каждой изъ обмѣниваемыхъ вещей. Естественнo, что при каждой такой сдѣлкѣ, всякій желаетъ получить возможно больше и дать возможно меньше. А такъ какъ каждый изъ обмѣнивающихся равно является хозяиномъ того, что онъ предлагаетъ въ обмѣнъ, то онъ и долженъ опредѣлить степень своей привязанности къ той вещи, которую онъ отдаетъ въ обмѣнъ, сравнительно съ собственнымъ же желаніемъ получить другую вещь; слѣдовательно ему приходится опредѣлить относительное количество обмѣниваемыхъ предметовъ. Если стороны не приходятъ сразу къ согласію, то необходимо, чтобы онѣ столковались, взаимно уступая съ каждой стороны, предлагая болѣе или удовлетворяясь меньшимъ. Предположимъ, что одинъ нуждается въ хлѣбѣ, другой въ винѣ и оба приходятъ къ согласію, что одна мѣра хлѣба обмѣнивается за 6 пинтъ вина; очевидно, что для каждаго изъ нихъ мѣра хлѣба и 6 пинтъ вина будутъ эквивалентны, что при этомъ обмѣнѣ цѣна одной мѣры хлѣба составляетъ 6 пинтъ вина и цѣна 6 пинтъ вина составляетъ одну мѣру хлѣба. Но при всякомъ другомъ

обмѣнѣ и между иными людьми эта цѣна будетъ измѣняться въ зависимости отъ того, кто изъ двухъ имѣеть болѣе настоящую потребность въ одномъ изъ этихъ товаровъ сравнительно съ товаромъ другого и одна мѣра хлѣба можетъ быть пойти за 8 пинтъ вина; въ другомъ случаѣ, наоборотъ, одна мѣра хлѣба обмѣнивается только за четыре пинты вина. Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что изъ всѣхъ этихъ трехъ цѣнъ ни одна не будетъ разсматриваться, какъ настоящая (*veritable*) цѣна мѣры хлѣба, ибо для каждаго изъ договаривающихся вино было эквивалентомъ хлѣба, который онъ отдалъ, другими словами, если разсматривать всякую сдѣлку изолированно и примѣнительно къ данному частному случаю, цѣнность каждой изъ обмѣниваемыхъ вещей не имѣеть другого измѣрителя кромѣ потребностей, желаній и средствъ договаривающихся, взаимно балансирующихся между собой, т. е. цѣнность въ этомъ случаѣ опредѣляется только соглашеніемъ ихъ желаній.

§ XXXII. Какъ устанавливается рыночная цѣна въ обмѣнѣ товаровъ.

Можетъ оказаться, однако, что нѣсколько лицъ имѣють возможность предложить вино тѣмъ, кто обладаетъ хлѣбомъ. Если одинъ изъ нихъ не пожелаетъ дать болѣе 4 пинтъ вина за хлѣбъ, то собственникъ этого послѣдняго, зная, что другой дастъ ему 6 или 8 пинтъ, не отдастъ ему своего хлѣба. Если первый пожелаетъ имѣть хлѣбъ, онъ принужденъ будетъ повисить цѣну соответственно съ цѣною того, кто дастъ больше. Продавцы вина въ тоже время пользуются соперничествомъ, существующимъ между продавцами хлѣба. Каждый рѣшается отдать свой товаръ, только сообразуясь съ различными предложеніями товара, въ которомъ онъ нуждается, и отдаетъ предпочтеніе большому предложенію. Цѣнность хлѣба и вина не опредѣляется въ этомъ случаѣ между двумя частными лицами въ зависимости отъ ихъ взаимныхъ потребностей и средствъ; она опредѣляется изъ уравненія потребностей и средствъ всей совокупности продавцевъ хлѣба со всей совокупностью продавцевъ вина. Каждый, кто охотно далъ бы восемь пинтъ вина за одну мѣру хлѣба, не дастъ за нее болѣе четырехъ, если знаетъ, что другой собственникъ хлѣба согласится дать двѣ мѣры хлѣба за восемь пинтъ. Средняя цѣна (*le prix mitoyen*) между различными предложеніями и разными запросами сдѣлается рыночной цѣной (*le prix courant*), съ которой всѣ покупатели и продавцы будутъ сообразоваться въ своихъ обмѣнахъ и можно будетъ съ полнымъ правомъ сказать, что 6 пинтъ вина будетъ для всѣхъ составлять эквивалентъ одной мѣры хлѣба,

если эта послѣдняя составляетъ среднюю цѣну, и до тѣхъ поръ, пока измѣненіе спроса съ одной стороны или предложенія съ другой не измѣнитъ этой сравнительной оцѣнки вина хлѣбомъ.

§ XXXIII. Торговый оборотъ даетъ каждому товару рыночную цѣну сравнительно съ другими; откуда слѣдуетъ, что всякій товаръ является эквивалентомъ нѣкотораго количества другихъ товаровъ и можетъ разсматриваться, какъ залогъ, который ихъ представляетъ.

Хлѣбъ обмѣнивается не только на вино, но на всѣ другіе предметы, въ которыхъ могутъ нуждаться собственники хлѣба, а именно на лѣсъ, кожу, шерсть, хлопокъ и т. п.; тоже можно сказать о винѣ и о всякомъ другомъ товарѣ. Если одна мѣра хлѣба эквивалентна 6 пинтамъ вина и одинъ баранъ является эквивалентомъ 3 мѣры хлѣба, то этотъ же баранъ будетъ эквивалентомъ 18 пинтъ вина. Обладающій хлѣбомъ и нуждающійся въ винѣ можетъ безъ всякихъ неудобствъ обмѣнять свой хлѣбъ на барана, съ тѣмъ, чтобы немедленно его обмѣнять затѣмъ на вино, которое онъ желаетъ имѣть.

§ XXXIV. Каждый товаръ можетъ служить шкалою или общею мѣрою для сравненія цѣнностей всѣхъ другихъ товаровъ.

Отсюда слѣдуетъ, что въ странѣ, гдѣ торговый оборотъ весьма оживленъ, гдѣ много производятъ и потребляютъ, гдѣ много спроса и предложенія на всякаго рода товары, каждый родъ товара будетъ имѣть рыночную цѣну сравнительно съ другими, т. е. определенное количество одного товара будетъ равняться определенному же количеству другого. Такимъ образомъ одно и то же количество хлѣба, которое стоитъ 18 пинтъ вина, будетъ равняться по цѣнѣ стоимости одного барана, одной выдубленной кожѣ, определенному количеству желѣза и всѣхъ другихъ вещей, которыя въ торговомъ оборотѣ будутъ имѣть съ нимъ равную цѣнность.

Чтобы выразить и узнать цѣнность определенной вещи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, очевидно, достаточно знать количество извѣстнаго товара, который будетъ разсматриваться, какъ ея эквивалентъ; такъ, чтобы указать, сколько стоитъ кожа определенной величины, можно сказать, что она стоитъ три мѣры хлѣба или восемнадцать пинтъ вина; также точно можно выразить цѣнность определенного количества вина въ нѣкоторомъ числѣ барановъ или мѣрѣ хлѣба, которое оно стоитъ въ торговомъ оборотѣ.

Отсюда видно, что всѣ роды товаровъ, могущіе быть предметомъ торговли, взаимно, такъ сказать, измѣряютъ другъ друга. Каждый изъ нихъ можетъ служить общею мѣрою или шкалою для

сравненія при опредѣленіи относительной цѣнности другихъ товаровъ. И подобнымъ же образомъ, всякій товаръ становится въ рукахъ его владѣтеля средствомъ для полученія всѣхъ другихъ, т. е. своего рода всеобщимъ залогомъ (gage universel).

§ XXXV. Не всякій товаръ представляетъ собою равно удобную шкалу для цѣнностей. Пришлось предпочесть для этой цѣли употребленіе того изъ нихъ, который, не различаясь сильно по качеству, имѣеть цѣнность, зависящую всего болѣе отъ числа или количества.

Хотя всякій товаръ, по самому своему существу, имѣеть способность представлять всѣ другіе и служить общемою мѣрою для выраженія ихъ цѣнности и всеобщимъ залогомъ для пріобрѣтенія всѣхъ другихъ черезъ обмѣнъ, но не каждый изъ нихъ можетъ съ одинаковымъ удобствомъ употребляться для этихъ двухъ цѣлей.

Чѣмъ болѣе товаръ подверженъ измѣненіямъ въ цѣнности въ зависимости отъ качества, тѣмъ труднѣе его сдѣлать шкалою для измѣренія цѣнностей другихъ товаровъ.

Напр., 10 пинтъ вина изъ Анжу эквивалентны одному барану, а 18 пинтъ вина Капскаго (Du Cap) могутъ быть эквивалентны 18 баранамъ; если бы кто либо, опредѣляя цѣнность барана, сказалъ, что она равняется 18 пинтамъ, получила бы двусмысленная фраза, которая не дала бы никакого опредѣленного представленія о цѣнности; пришлось бы прибавить много поясненій, что, конечно, очень неудобно.

Оказалось нужнымъ предпочесть въ качествѣ шкалы сравненія такіе товары, которые, будучи во всеобщемъ употребленіи и имѣя общеизвѣстную цѣнность, были болѣе сходны между собою и цѣнность которыхъ зависѣла болѣе отъ числа или количества, чѣмъ отъ качества.

§ XXXVI. При отсутствіи точнаго соответствія между цѣнностью и числомъ или количествомъ, приходится остановиться на средней оцѣнкѣ, которая обращается въ своего рода идеальную монету.

Въ странѣ, гдѣ имѣется только одна порода овецъ, легко принять за всеобщее мѣрило цѣнность одного руна или барана; тогда можно будетъ сказать, что опредѣленное количество вина или штука матеріи стоитъ опредѣленное количество барановъ или рунъ. Въ дѣйствительности же имѣется нѣкоторое неравенство между разными баранами; эту разницу при продажѣ обыкновенно оцѣниваютъ, говоря, что два ягненка стоятъ столько же, сколько одинъ баранъ; когда приходится опредѣлять цѣнность всякаго другого товара, берутъ въ качествѣ всеобщей единицы одного барана средняго возраста и силы.

Такимъ образомъ выраженіе цѣнностей въ баранахъ становится какъ бы условнымъ языкомъ и это слово „баранъ“ въ обычномъ торговомъ оборотѣ вызываетъ въ умахъ тѣхъ, которые имъ пользуются, не только представленіе о баранѣ, но о нѣкоторомъ количествѣ каждаго изъ наиболѣе употребительныхъ товаровъ, которые разсматриваются какъ эквивалентъ или равноцѣнность барана; это выраженіе въ концѣ концовъ отождествляется гораздо болѣе съ абстрактнымъ или фиктивнымъ представленіемъ о цѣнности, чѣмъ съ представленіемъ о дѣйствительномъ баранѣ, такъ что, если вдругъ обнаружится падежъ среди барановъ и если придется давать за одного барана вдвое болѣе хлѣба или вина сравнительно съ прежнимъ, то будутъ скорѣе говорить — одинъ баранъ стоитъ двухъ барановъ, но не измѣнять выраженія, къ которому привыкли, совершая оцѣнку всѣхъ другихъ вещей.

§ XXXVII. Примѣры этихъ среднихъ оцѣнокъ, которыя сдѣлались своего рода идеальнымъ выраженіемъ цѣнностей.

Въ торговомъ оборотѣ всѣхъ націй много такихъ примѣровъ фиктивныхъ оцѣнокъ при помощи товаровъ, которые въ сущности являются лишь условнымъ языкомъ для выраженія ихъ цѣнности.

Такъ мясники и рыбные торговцы Парижа, поставщики крупныхъ фирмъ, обыкновенно заключаютъ свои условія, счетомъ на штуку; одна жирная пулярдка считается за штуку; цыпленокъ за полъ штуки, смотря по времени года, и такъ примѣнительно ко всѣмъ товарамъ. — Въ торговлѣ неграми, которыхъ отправляютъ въ Американскія колоніи, продаютъ грузъ негровъ, считая за единицу каждую голову негра изъ Индіи. Женщины и дѣти оцѣниваются такъ: три ребенка или женщина съ ребенкомъ считаются, какъ одна голова взросло негра. Увеличиваютъ или уменьшаютъ оцѣнку въ зависимости отъ силы и другихъ качествъ рабовъ и такимъ образомъ одинъ негръ съ извѣстными достоинствами считается за двѣ головы.

Негры Мандинго, которые торгуютъ золотымъ пескомъ съ арабскими купцами, сравниваютъ цѣнность всѣхъ товаровъ съ фиктивной мѣрой, части которой называются макутами; они говорятъ поэтому, чтобы купцы уплатили имъ столько то макутъ въ золотѣ. Они оцѣниваютъ тѣми же макутами товары, которые получаютъ въ обмѣнъ и торгуются съ купцами, строя свои соображенія на оцѣнкѣ въ макутахъ.

Въ Голландіи на такихъ же началахъ считаютъ на банковые флорины, которые являются просто фиктивной монетой, оцѣниваемой то выше, то ниже въ реальной монетѣ, которая называется флориномъ.

§ XXXVIII. Всякій товаръ является залогомъ, представляющимъ цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ; но употребленіе его въ качествѣ такового болѣе или менѣе пригодно смотря по тому, на сколько удобно онъ переносится съ мѣста на мѣсто и сохраняется безъ видоизмѣненія.

Разнообразіе въ качествѣ товаровъ и въ ихъ цѣнѣ соответственно съ качествомъ же, которое дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе пригодными для всеобщаго мѣрила измѣренія, обусловливаетъ собою также большую или меньшую непригодность ихъ служить залогомъ, представляющимъ равную цѣнность всякаго другого товара.

Тѣмъ не менѣе, въ зависимости отъ наличности этихъ качествъ, между разными родами товаровъ замѣчаются большія различія.

Очевидно, напримѣръ, что человѣкъ имѣющій штуку холста можетъ съ большей вѣроятностью пріобрѣсти за нее определенное количество хлѣба, чѣмъ тотъ, кто имѣетъ бочку вина той же цѣнности, ибо вино подвержено безконечному ряду случайностей, которыя могутъ сразу уничтожить его цѣнность.

§ XXXIX. Всякій товаръ обладаетъ двумя существенными качествами монеты: имъ измѣряется и представляется всякая цѣнность; въ этомъ смыслѣ всякій товаръ является монетой.

Эти два свойства: способность служить общей мѣрой всѣхъ цѣнностей и залогомъ всѣхъ другихъ товаровъ соответственной цѣнности составляетъ сущность и полезность того, что называется монетой; изъ тѣхъ детальныхъ разсужденій, къ которымъ я теперь перехожу, вытекаетъ, что всѣ товары въ извѣстномъ смыслѣ служатъ монетой и имѣютъ ея качества въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ своей природы; — каждый изъ нихъ болѣе или менѣе пригоденъ для того, чтобы служить общою мѣрою въ зависимости отъ того, насколько онъ находится во всеобщемъ употребленіи, насколько онъ характеренъ по своему качеству и съ какимъ удобствомъ онъ дѣлимъ на части равной цѣнности. Каждый изъ нихъ болѣе или менѣе можетъ служить залогомъ цѣнности въ обмѣнахъ, въ зависимости отъ того, на сколько онъ подверженъ уничтоженію или видоизмѣненію въ своемъ качествѣ и количествѣ.

§ XL. Въ свою очередь всякая монета по существу является товаромъ.

Можно принять за всеобщую мѣру цѣнностей только предметъ, имѣющій цѣнность, принимаемый въ торговлѣ въ обмѣнъ на всѣ другія цѣнности. Не можетъ быть иного всеобщаго представителя цѣнности, кромѣ равной ей цѣнности. — Монета, какъ нѣчто совершенно условное, — вещь невозможная.

§ XLI. Различные предметы служили и могут служить обычной монетой.

Многіе народы усвоили въ своемъ языкѣ и приняли въ своемъ торговомъ оборотѣ въ качествѣ всеобщаго мѣрила цѣнности разные болѣе или менѣе дорогіе предметы; есть еще и теперь нѣкоторыя дикіе народы, которые пользуются въ качествѣ матеріала для монеты небольшими раковинами, называемыми „cauris“. Я припоминаю, что видѣлъ, какъ въ школѣ пользовались какъ монетой косточками отъ абрикосовъ, служившими въ игрѣ ученикамъ въ качествѣ орудія обмѣна. Я уже говорилъ, что слѣды такихъ оцѣнокъ встрѣчаются въ законахъ древнихъ Германцевъ, которые разрушили Римскую Имперію. Первые римляне, или по крайней мѣрѣ ихъ предки — Латиняне, также пользовались для этой цѣли скотомъ. Утверждаютъ, что первыя выбитыя монеты изъ мѣди представляли собой цѣнность барана и носили на себѣ изображеніе этого животнаго и отсюда произошло слово „rescipia“, отъ „rescus“ — скоть; это предположеніе имѣетъ большую вѣроятность.

§ XLII. Почему металлы, и въ особенности золото и серебро, болѣе всего пригодны служить монетой.

Такимъ образомъ мы подошли къ періоду введенія благородныхъ металловъ въ торговый оборотъ. Всѣ металлы, по мѣрѣ того, какъ ихъ открывали, поступали въ обмѣнъ сообразно съ ихъ реальной полезностью. Блескъ металловъ вызвалъ то, что ихъ стали добывать, какъ средство украшенія; ихъ легкоплавкость и крѣпость дали возможность дѣлать изъ нихъ болѣе прочныя и легкія сосуды, чѣмъ глиняныя. Попавъ въ торговый оборотъ, металлы не могли вслѣдъ за тѣмъ не стать тотчасъ же общеупотребительной монетой. Кусокъ всякаго металла обладаетъ тѣми же качествами, какъ и любой другой кусокъ того же металла, если только онъ одинаковой чистоты съ первымъ. Легкость, съ которой можно отдѣлять при посредствѣ разныхъ химическихъ процессовъ одинъ металлъ отъ другого съ нимъ соединеннаго, вызываетъ то, что всякій металлъ всегда можно привести къ той степени чистоты, или какъ выражаются, къ той пробѣ (titre), которая желательна; цѣнность такихъ металловъ можетъ различаться только по вѣсу. Измѣряя цѣнность товаровъ вѣсомъ металла, даваемого въ обмѣнъ, можно такимъ образомъ получить самое ясное выраженіе для всѣхъ цѣнностей, и при томъ наиболѣе удобное и точное. Само собой разумѣется, что всѣ стануть въ оборотѣ предпочтительно пользоваться именно такой мѣрой.

Металлы не менѣе пригодны и къ тому, чтобы быть всеобщимъ

залогомъ для всѣхъ цѣнностей, которыя они могутъ измѣрять; они могутъ подлежать любому дробленію; нѣтъ ни одного предмета въ торговомъ оборотѣ, цѣнность котораго, большая или меньшая, не могла бы быть точно оплачена опредѣленнымъ количествомъ металла. Кромѣ этого преимущества, кромѣ способности къ любому раздробленію, они обладаютъ еще и другими. Они не измѣняются отъ внѣшнихъ условій, а нѣкоторые изъ нихъ, напр. золото и серебро, еще рѣдки и потому имѣютъ большую цѣнность при незначительномъ вѣсѣ и объемѣ.

Изъ всѣхъ другихъ товаровъ именно эти два металла съ наибольшимъ удобствомъ подлежатъ провѣркѣ относительно ихъ качества, легче всего подраздѣляются на опредѣленные количества, сохраняются вѣчно безъ измѣненія, перевозятся съ наименьшими издержками. Всякій человекъ, обладающій избыткомъ любого товара и не имѣющій въ данное время потребности, которую надо удовлетворить, постарается обмѣнять его на золото или серебро, при посредствѣ которыхъ онъ получитъ любой товаръ, когда въ немъ явится потребность.

§ XLIII. Золото и серебро, по самой природѣ вещей, сдѣлались монетой и при томъ всеобщей монетой, независимо отъ всякаго соглашенія и закона.

Вотъ какъ золото и серебро сдѣлались монетой, и при томъ всеобщей, безъ всякаго произвольнаго соглашенія людей, безъ вмѣшательства какого бы то ни было закона, но по самой природѣ вещей. Они не являются, какъ думали многіе, знаками цѣнностей; они сами имѣютъ цѣнность. Если они могутъ быть мѣрою и залогомъ другихъ цѣнностей, то въ этомъ свойствѣ они тождественны со всѣми товарами, которые имѣютъ цѣнность въ торговомъ оборотѣ.

Они отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что, какъ предметы легче подраздѣляемые, неизмѣнные и удобнѣе перевозимые, сравнительно съ другими товарами, они болѣе пригодны для измѣренія и выраженія цѣнностей.

§ XLIV. Другіе металлы употребляются для этой цѣли только въ качествѣ вспомогательной монеты.

Можно было бы употреблять всѣ металлы въ качествѣ монетъ.

Но тѣ изъ нихъ, которые весьма распространены, имѣютъ слишкомъ малую цѣнность при большемъ объемѣ, чтобы ими удобно было пользоваться въ обычныхъ нашихъ сдѣлкахъ. Мѣдь, серебро и золото — вотъ единственные металлы, употребляемые обыкновенно для этой цѣли.

И даже мѣдь, за немногими исключеніями у тѣхъ народовъ, которымъ ни рудники, ни торговля не могли доставить надлежащаго количества золота и серебра, служила только для промѣна самыхъ малыхъ цѣнностей.

§ XLV. Употребленіе золота и серебра въ качествѣ монеты увеличило цѣнность ихъ, какъ металла.

Охотность, съ которою каждый стремился обмѣнять свои избытки въ товарахъ на золото и серебро, предпочтительно предъ другими товарами, не могла не возвысить значительно цѣнность золота и серебра въ торговлѣ. Но отъ этого они сдѣлались только еще болѣе удобнымъ залогомъ цѣнностей и всеобщю ихъ мѣрою.

§ XLVI. Измѣненія въ цѣнности золота и серебра сравнительно съ другими предметами торговаго оборота и между собою.

Эта цѣнность можетъ измѣняться и постоянно измѣняется въ дѣйствительности; такимъ образомъ одно и то же количество металла перестаетъ соотвѣтствовать опредѣленному количеству того или иного товара и требуется больше или меньше денегъ для выраженія цѣнности этого товара. Когда требуется больше, говорятъ, что товаръ вздорожалъ, когда — меньше, — что товаръ сталъ дешевле. Но можно было бы также сказать, что деньги подешевѣли въ первомъ случаѣ и стали дороже во второмъ.

Не только серебро и золото мѣняются въ цѣнѣ сравнительно со всѣми другими товарами, но они измѣняются въ цѣнѣ между собою смотря по большому или меньшему ихъ изобилію. Извѣстно, что въ настоящее время даютъ въ Европѣ отъ 14 до 15 унцій серебра за унцію золота, а въ древнѣйшіе времена за ту же унцію давали отъ 11 до 12 унцій серебра.

Даже въ настоящее время въ Китаѣ даютъ не болѣе 12 унцій серебра за унцію золота; поэтому очень выгодно вывозить въ Китай серебро и привозить въ Европу золото. Ясно, что эта торговля должна создавать большее изобиліе золота въ Европѣ и большую его рѣдкость въ Китаѣ, но цѣнность обоихъ металловъ въ концѣ концовъ должна повсемѣстно придти къ одному и тому же отношенію.

Тысяча причинъ вліяетъ на опредѣленіе въ каждый данный моментъ относительной цѣнности разныхъ товаровъ. Они постоянно видоизмѣняются по цѣнности, какъ между собою, такъ и по отношенію къ деньгамъ. Тѣ же причины опредѣляютъ и цѣнность денегъ и ея видоизмѣненія какъ въ сравненіи со всякимъ другимъ товаромъ

въ частности, такъ и по отношенію ко всей совокупности цѣнностей, находящихся въ торговомъ оборотѣ. Но было бы невозможно разыскать всѣ эти причины и разъяснить ихъ послѣдствія, не входя въ пространныя и сложныя подробности, и я воздержусь отъ этихъ разсужденій.

§ XLVII. Обычай платить деньгами положилъ различіе между покупателемъ и продавцомъ.

По мѣрѣ того, какъ люди привыкали все оцѣнивать въ деньгахъ, обмѣнивать всѣ свои избытки на деньги и пріобрѣтать на деньги только тѣ предметы, которые имъ пріятны или полезны въ данный моментъ, они стали смотрѣть и на торговыя сдѣлки съ новой точки зрѣнія.

Они стали различать двухъ лицъ: продавца и покупателя. Продавцомъ считался только тотъ, кто даетъ товаръ за деньги, — покупателемъ, платящій деньги за товаръ.

§ XLVIII. Употребленіе денегъ сильно облегчило раздѣленіе разныхъ родовъ труда между различными членами общества.

Чѣмъ больше деньги входили во всеобщее употребленіе, тѣмъ каждый имѣлъ болѣе возможности, отдаваясь вполнѣ земледѣлію или избранному промыслу, освободить себя отъ всѣхъ другихъ заботъ по удовлетворенію другихъ своихъ потребностей; онъ сталъ думать лишь о томъ, чтобы пріобрѣсти побольше денегъ отъ продажи своихъ продуктовъ, или своего труда, вполнѣ увѣренный, что за эти деньги онъ могъ затѣмъ получить все нужное: такимъ образомъ употребленіе денегъ сильно ускорило общественный прогрессъ.

§ XLIX. О запасѣ годовыхъ продуктовъ для образованія капиталовъ.

Съ того момента, когда нашлись люди, которымъ собственность на землю обезпечивала годичный доходъ болѣе, чѣмъ достаточный для удовлетворенія всѣхъ ихъ потребностей, должны были найтись люди, которые, озабочиваясь о будущемъ или просто отличаясь благоразуміемъ, стали сохранять часть того, что получали ежегодно. Они стали дѣлать это или на случай возможныхъ несчастій или же просто для того, чтобы увеличить свое благосостояніе. Когда продукты, которые они собирали, было трудно сохранять, они должны были принимать мѣры къ тому, чтобы при помощи ихъ промѣна пріобрѣсти товары самые прочныя, такіе, которые не теряли отъ времени своей цѣнности и которые можно было употреблять для полученія прибыли, которая съ избыткомъ возмѣщала бы процессъ естественнаго уничтоженія вещей.

§ I. Движимыя богатства. Запасъ денегъ.

Этотъ родъ богатства въ накопленныхъ и непотребленныхъ продуктахъ извѣстенъ подъ названіемъ движимаго богатства: мебель, посуда, товары въ магазинахъ, орудія всякаго ремесла, скотъ — вотъ что принадлежитъ къ этому роду богатства. Очевидно, что до введенія денегъ стремились пріобрѣсти возможно большее количество этихъ богатствъ, но не менѣе ясно, что какъ только стали извѣстны деньги и было констатировано, что въ нихъ найденъ самый неизмѣнный товаръ изъ всѣхъ наличныхъ въ торговомъ оборотѣ и легче всего сохраняемый безъ всякихъ затрудненій, деньги по преимуществу стали разыскивать всякій, кто хотѣлъ накоплять. Такимъ накопленіемъ избытковъ стали заниматься не одни только собственники земель. Хотя прибыли отъ промышленности и не являются такимъ-же даромъ природы, какъ доходы отъ земель, хотя промышленный работникъ выручаетъ отъ своего труда только цѣну, которую онъ получаетъ отъ своего нанимателя, платящаго ему заработную плату, хотя всякій наниматель старается дать возможно меньше, выплачивая заработную плату, хотя соперничество заставляетъ промышленнаго работника удовлетворяться наименьшей изъ желаемыхъ цѣнъ, тѣмъ не менѣе извѣстно, что соперничество никогда не было настолько многообразно, настолько оживленно во всѣхъ отрасляхъ труда, чтобы ловкій, дѣятельный, и въ особенности болѣе бережливый челоуѣкъ въ своемъ личномъ потребленіи, не могъ, во всѣ времена, заработать болѣе того, чѣмъ сколько необходимо для содержанія себя и своей семьи. Онъ могъ сохранять этотъ избытокъ, собирая, такимъ образомъ, маленькій капиталецъ (rescule).

§ II. Наличность движимыхъ богатствъ составляютъ необходимое предварительное условіе для всѣхъ работъ, совершаемыхъ для пріобрѣтенія выгоды.

Необходимо, чтобы въ каждомъ ремеслѣ рабочіе или предприниматели, которые имъ даютъ работу, имѣли нѣкоторую наличность движимыхъ богатствъ, запасенныхъ заранѣе. Мы вынуждены теперь возвратиться назадъ и припомнить многое изъ того, что было указано вскользь, когда мы говорили о раздѣленіи на разныя профессіи и о различныхъ способахъ, при помощи которыхъ собственники могутъ извлекать доходъ изъ своихъ земель. Прежде эти вопросы нельзя было хорошо разъяснить, не прерывая нити разсужденій.

§ III. Необходимость предварительныхъ затратъ на обработку земли.

Всѣ виды работъ по обработкѣ земли, въ промышленности и въ торговлѣ требуютъ предварительныхъ затратъ. Если бы обраба-

тивали землю руками, необходимо было сѣять прежде, чѣмъ собирать жатву; нужно было бы также и существовать до жатвы. Чѣмъ болѣе обработка усовершенствуется и расширяется, тѣмъ крупнѣе затраты. Необходимъ скотъ, пахотныя орудія, строенія для скота и храненія продуктовъ. Надо, кромѣ того, оплачивать и содержать до жатвы такое количество людей, которое соотвѣтствуетъ размѣрамъ обработки. Только при крупныхъ затратахъ получаютъ значительное количество продукта и земли даютъ много дохода. Въ любомъ ремеслѣ необходимо, чтобы ремесленникъ имѣлъ предварительно орудія труда и достаточное количество матеріаловъ, надъ обработкой которыхъ онъ работаетъ. Онъ долженъ существовать, ожидая продажи своихъ произведеній.

§ III. Первые затраты доставляются еще необработанной землею.

Всегда земля является первымъ и единственнымъ источникомъ всякаго богатства; она, подвергаясь обработкѣ, производитъ всѣ доходы; она же дала первый фондъ предварительныхъ затратъ для всякой обработки¹⁾. Первый земледѣлецъ взялъ зерна съ растений, которыя земля произвела сама собою; онъ жилъ охотой, рыбной ловлей, дикими плодами: его орудіями были вѣтви деревьевъ, оторванные въ лѣсахъ, отдѣланныя отточенными другъ о друга камнями; онъ сталъ ловить звѣрей, бродящихъ въ лѣсу, преслѣдуя ихъ или заставляя ихъ попадаться въ разставленные капканы; онъ подчинялъ и приучалъ животныхъ. Первоначально онъ употреблялъ ихъ въ пищу; впослѣдствіи въ качествѣ помощниковъ своему труду. Этотъ пер-

1) Въ „Observations sur le Mémoire de M. Saint Peravy en faveur de l'impôt indirect“ Тюрго ясно и опредѣленно формулируетъ законъ уменьшающейся производительности почвы. Онъ пишетъ: „сѣмя, брошенное въ плодородную землю, но безъ всякой ея обработки, было бы затратой почти совершенно потерянной. Если затратить трудъ на обработку земли, полученный результатъ въ продуктѣ будетъ больше. При двойной, тройной затратѣ труда сумма продукта не только не можетъ удвоиться, утроиться, но учетверится и удесятерится. Всякое дальнѣйшее увеличеніе труда будетъ увеличивать количество продукта въ большей пропорціи сравнительно съ возрастаніемъ затратъ и такъ будетъ происходить до момента, когда количество продукта будетъ наибольшимъ изъ возможныхъ сравнительно съ затратами. По наступленіи этого предѣла, при дальнѣйшемъ увеличеніи затратъ, количество продукта будетъ увеличиваться, но въ меньшей пропорціи. Увеличеніе продукта будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться и, въ концѣ концовъ, когда плодородіе почвы будетъ исчерпано и искусство ничего не въ состояніи будетъ прибавить, увеличеніе затратъ абсолютно не въ состояніи будетъ увеличить количество продукта.“ см. Oeuvres de Turgot, томъ I, стр. 421, ed. Daire, 1844 г. Прим. А. М.

воначальный фондъ увеличивался мало по малу; скотъ въ это первоначальное время былъ однимъ изъ движимыхъ богатствъ, которое стремились пріобрѣтать всего болѣе и по той причинѣ, что его легче всего накоплять; скотъ погибаетъ, но и воспроизводитъ самъ себя и богатство, заключенное въ немъ, какъ бы никогда не гибнетъ: этотъ запасъ богатства даже увеличивается чрезъ простое воспроизведение и даетъ ежегодно каждому какъ въ молочныхъ продуктахъ, такъ и въ шерсти и въ другихъ матеріалахъ, извѣстное количество продукта, которое, вмѣстѣ съ деревомъ взятымъ въ лѣсу, было первымъ матеріаломъ для работъ промышленности.

§ LIV. Движимое богатство въ скотѣ предшествовало по своему появленію даже обработкѣ земель.

Въ то время, когда еще существовало значительное количество необработанныхъ земель, не принадлежавшихъ никому, можно было содержать скотъ, не будучи собственникомъ земли. Весьма вѣроятно даже, что люди почти повсемѣстно начали собирать стада и жить ихъ продуктами прежде, чѣмъ они стали заниматься болѣе тягостнымъ трудомъ обработки земли.

Кажется, что тѣ народы скорѣе всего стали обрабатывать землю, которые ранѣе другихъ нашли животныхъ, способныхъ быть прирученными. Такимъ образомъ эти народы отъ бродячей и безпокойной жизни, которую ведутъ охотничьи и рыболовныя племена, перешли къ болѣе покойной пастушеской жизни.

Пастушеская жизнь заставляеть пребывать болѣе продолжительный періодъ времени на одномъ мѣстѣ; она даетъ болѣе досуга, болѣе случаевъ подмѣтить различіе въ земляхъ, наблюсти естественный процессъ произрастанія растеній, служащихъ пищею животнымъ; можетъ быть по этой причинѣ азіатскіе народы стали первыми обрабатывать землю, а народы Америки такъ долго оставались въ состояніи дикости.

§ LV. Другой видъ движимыхъ богатствъ и затратъ на обработку: рабы.

Рабы были другимъ видомъ движимыхъ богатствъ, которыми запасались ранѣе при помощи насилія, а потомъ черезъ торговлю и обмѣнъ.

Имѣвшіе значительное количество рабовъ употребляли ихъ не только на обработку земель, но также и на разныя промышленныя работы. Легкость накопленія этихъ двухъ видовъ богатства почти безграничная, а также и удобство ихъ употребленія, породили то,

что стало возможно оцѣнивать самыя земли и сравнивать ихъ цѣнность съ цѣнностью движимыхъ богатствъ.

§ LVI. Движимыя богатства имѣютъ мѣновую цѣнность, также какъ и земля.

Человѣкъ, имѣющій значительное количество земли безъ скота и рабовъ, безъ сомнѣнiя совершилъ бы выгодную сдѣлку, уступивъ часть своихъ земель такому лицу, которое снабдило бы его скотомъ и рабами для обработки оставшейся земли. Этимъ путемъ по преимуществу земли поступили въ торговый оборотъ и приобрѣли цѣнность сравнительно со всѣми другими товарами. Если четыре четверти хлѣба, чистый продуктъ одной десятины земли, стоили шесть барановъ, то эта десятина, производящая такое количество хлѣба, могла быть продана за извѣстную цѣнность, конечно большую, чѣмъ цѣнность шести четвертей; опредѣлить ея размѣръ не трудно и при томъ тѣмъ же способомъ, какъ и цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ т. е. чрезъ торгъ между двумя договаривающимся сторонами и затѣмъ соотвѣтственно съ рыночной цѣной, устанавливающейся черезъ соперничество между собою тѣхъ, кто желаетъ имѣть землю за скотъ и скотъ за землю. Соотвѣтственно этой рыночной цѣнѣ именно и оцѣниваютъ землю, когда должникъ, преслѣдуемый своимъ вѣрителемъ, принужденъ уступить ему свое имущество.

§ LVII. Оцѣнка земель по ихъ относительному доходу сравнительно съ количествомъ движимыхъ богатствъ или цѣнностей, на которыя онѣ обмѣниваются: это отношенiе составляетъ то, что называютъ множителемъ (кратнымъ) цѣны земель.

Очевидно, что земля, производящая доходъ равный шести баранамъ, можетъ быть продана за нѣкоторую цѣнность, которая всегда можетъ быть выражена числомъ барановъ, равныхъ этой цѣнности; это число будетъ имѣть опредѣленное отношенiе къ шести и шесть будетъ содержаться въ немъ опредѣленное число разъ. Цѣна опредѣленной земли, такимъ образомъ, будетъ равняться ея доходу, повторенному нѣкоторое число разъ, двадцати — кратному доходу, если цѣна будетъ 120, тридцати — кратному, если цѣна земли — 180 барановъ. Рыночная цѣна земель опредѣляется, такимъ образомъ, изъ отношенiя между цѣнностью земли и цѣнностью ея дохода, а число разъ, которое въ цѣнѣ земли содержится ея годичный доходъ, называется множителемъ или кратнымъ цѣны земель. Они продаются *denier-vingt*, *denier-trente* и т. д., когда платять за землю двадцати, тридцати — кратное и т. д. ея дохода. Столь же очевидно, что

эта цѣна и этотъ множитель должны измѣняться, смотря по тому имѣется большее или меньшее количество людей, желающихъ покупать или продавать землю; также точно какъ и цѣна всѣхъ другихъ товаровъ видоизмѣняется подъ вліяніемъ перемѣнъ въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ.

§ LVIII. Всякій капиталъ въ деньгахъ или любая сумма цѣнностей равна цѣнности земли, производящей равный доходъ съ извѣстной долей этой цѣнности. Первое употребленіе капиталовъ. Покупка земель.

Перейдемъ теперь къ эпохѣ, наступившей послѣ введенія денегъ. Легкость ихъ накопленія вызвала то, что они стали излюбленною частью движимыхъ богатствъ; это дало возможность непрерывно умножать ихъ количество при посредствѣ простой бережливости. Человѣкъ, ежегодно получающій или изъ дохода отъ своей земли, или изъ заработной платы за свой трудъ, или отъ своего промысла большее количество цѣнностей, чѣмъ сколько ему нужно истратить, можетъ отложить этотъ избытокъ или накопить его: эти накопленныя цѣнности составляютъ то, что называется капиталомъ. Боязливый скупецъ, который собираетъ деньги, чтобы успокоить свое воображеніе, заставляющее его опасаться за возможный недостатокъ для жизни вещей въ неизвѣстномъ будущемъ, хранить свои деньги въ наличной ихъ массѣ. Если опасенія, которыхъ онъ ожидалъ, осуществляютъ, если ему приходится, благодаря наступившей бѣдности, жить на счетъ своего сокровища, или если расточительный наслѣдникъ начинаетъ тратить его по мелочамъ, то это сокровище быстро истощается и капиталъ скоро исчезаетъ, но всякій такой владѣлецъ можетъ употреблять его съ гораздо большей выгодой. Изъ того, что земля, приносящая нѣкоторый доходъ, является эквивалентомъ нѣкоторой цѣнности равной доходу, повторенному извѣстное число разъ, слѣдуетъ, что всякое количество цѣнностей равно имуществу въ землѣ, которая производитъ доходъ, равный нѣкоторой долѣ этихъ цѣнностей. Совершенно безразлично, состоитъ ли этотъ доходъ въ благородномъ металлѣ или въ другихъ предметахъ, ибо деньги представляютъ всѣ роды цѣнностей, и всякая цѣнность представляетъ деньги. Поэтому владѣлецъ капитала можетъ употреблять его на покупку земель; но у него въ распоряженіи еще и другіе способы пользоваться своимъ капиталомъ.

§ LIX. Другой способъ: употребленіе капитала для затратъ на промышленность и фабрикацію.

Я уже отмѣтилъ, что всѣ роды труда, какъ при обработкѣ

земли, такъ и въ промышленности, требуютъ затратъ; я показаль также какъ земля своими плодами и злаками, которые она производитъ сама собою для пищи людей и животныхъ, а также деревьями, изъ которыхъ люди сдѣлали свои первые орудія, доставила первые фонды для затратъ на обработку и даже первые предметы рукодѣлія, которые человѣкъ могъ приготовить для своего употребленія. Напр. земля доставила человѣку: камень, глину, лѣсъ, изъ которыхъ человѣкъ отстроилъ первые свои дома; до той поры, пока не появилось раздѣленія занятій, пока человѣкъ, обрабатывающій землю, собственнымъ же трудомъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ другимъ потребностямъ, не было надобности ни въ какихъ другихъ затратахъ; но съ того момента, когда значительная часть общества стала имѣть въ качествѣ источника къ существованію только свои руки, пришлось тѣмъ, которые живутъ только на заработную плату, имѣть что-нибудь на предварительныя затраты: или для того, чтобы доставить себѣ матеріалъ, надъ которымъ они работаютъ или для того, чтобы существовать въ ожиданіи полученія своихъ заработныхъ платъ.

§ LX. Такъ развилось обыкновеніе дѣлать затраты на промышленныя предпріятія въ расчетѣ на ихъ выручку (*rentée*) или на прибыль, которую они должны дать.

Въ первое время, дающій работу доставлялъ одновременно и матеріалъ, и оплачивалъ работника поденно. Земледѣлецъ или собственникъ земли давалъ самъ прядильщицѣ ленъ, который онъ собралъ, и содержалъ ее во все время работы; затѣмъ ткачу онъ давалъ нитки и ежедневно платилъ ему установленную плату; но эти незначительныя ежедневныя затраты могутъ быть достаточны лишь при грубой домашней работѣ; цѣлый рядъ промысловъ, даже изъ числа тѣхъ, которые служатъ для удовлетворенія потребностей бѣднѣйшей части общества, требуютъ того, чтобы матеріалъ прошелъ чрезъ значительное количество рукъ и нуждаются въ долговременныхъ, трудныхъ и разнообразныхъ приготовительныхъ работахъ. — Я уже отмѣчалъ это на примѣрахъ по выработкѣ кожъ, изъ которыхъ дѣлается обувь; всякій кто былъ въ мастерской дубильщика, знаетъ, что безусловно невозможно, чтобы одинъ или нѣсколько бѣдныхъ людей могли запастись кожами, орудіями, дубильными чанами и пр., построить зданія, въ которыхъ можно было бы вмѣстить мастерскую, чтобы эти бѣдняки могли существовать нѣсколько мѣсяцевъ вплоть до момента продажи кожъ. Въ этомъ промыслѣ, также какъ и въ другихъ, не нужно-ли, чтобы всѣ работающіе ранѣ изучили свое ремесло, прежде чѣмъ прикасаться къ матеріалу, который они могутъ испортить при самомъ началѣ работы?

Вотъ еще одна необходимая затрата. Кто же собереть матеріалы, потребные для этого труда, всѣ вещества и орудія, необходимыя для выработки кожъ? Кто построить каналы, склады, строения всякаго рода? Кто дастъ возможность жить значительному количеству этихъ работниковъ до момента продажи кожъ, и при томъ такихъ работниковъ, изъ которыхъ каждый самолично не можетъ приготовить и одной кожи? Къ тому же, и прибыль, полученная отъ продажи одной кожи, не могла бы дать необходимыя средства къ существованію даже для одного работника. Кто доставить средства для обученія учениковъ и подмастерьевъ? Кто дастъ имъ возможность существовать до тѣхъ поръ, пока совершится постепенный переходъ отъ труда болѣе легкаго и подходящаго къ ихъ возрасту къ работамъ, требующимъ большей силы и ловкости, пока, наконецъ, они не приобрѣтутъ соотвѣтственную выучку? Такимъ лицомъ можетъ быть только владѣлецъ капиталовъ. Капиталистъ станетъ употреблять свои капиталы: отчасти на затраты по постройкѣ зданій и по закупкѣ матеріаловъ, отчасти на выдачу заработныхъ платъ работникамъ, которые готовятъ всѣ эти предметы. Капиталистъ будетъ ждать, пока продажа кожъ не возмѣститъ ему всѣхъ затратъ и не дастъ еще достаточную прибыль, которая вознаградитъ его въ той мѣрѣ, въ какой онъ могъ бы получать выгоды, употребляя свои деньги на покупку земли. Кромѣ всего этого, онъ долженъ получить заработную плату за свой трудъ, заботы, рискъ и даже за свое искусство; ибо при равной прибыли, онъ безъ сомнѣнія предпочелъ бы жить безъ труда на доходъ отъ земли, которую онъ могъ бы купить за свой капиталъ. По мѣрѣ того, какъ этотъ капиталъ возвращается къ нему чрезъ продажу его произведеній, онъ снова употребляетъ его на новыя покупки для того, чтобы питать и поддерживать свою фабрику этимъ постояннымъ обращеніемъ: онъ живетъ на свои прибыли и откладываетъ то, что можетъ сберечь для умноженія своего капитала и для употребленія его на свое предпріятіе, увеличивая сумму своихъ затратъ съ тѣмъ, чтобы получить больше прибылей впоследствии.

§ LXI. Раздѣленіе промышленнаго класса: на предпринимателей-капиталистовъ и простыхъ рабочихъ.

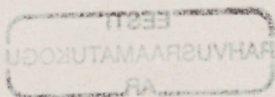
Весь классъ, занятый изготовленіемъ безконечнаго разнообразія произведеній промышленности для удовлетворенія различныхъ общественныхъ потребностей, распадается, такъ сказать, на двѣ группы; съ одной стороны на предпринимателей-мануфактуристовъ и фабрикантовъ; всѣ они являются обладателями большихъ капиталовъ, которые

они употребляют для приобретения прибыли, давая работу за счет своих затрат; второй класс состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего, кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и вся прибыль которых сводится к получению заработной платы.

§ LXII. Другой способ употребления капиталов на затраты в земледельческих предприятиях. Изложение этого способа употребления. Необходимая выручка и прибыль капиталов в земледельческих предприятиях.

Разсуждая выше об употреблении капиталов в промышленных предприятиях, я имел в виду наиболее яркой примѣръ необходимости и послѣдствій крупных затрат, а также и самого процесса их обращенія; но я нѣсколько нарушилъ естественный ходъ вещей, согласно которому мнѣ слѣдовало бы начать съ разсужденій о земледѣльческих предприятияхъ, которые точно также не могутъ существовать, расширяться или приносить прибыль иначе, какъ чрезъ посредство крупныхъ затратъ. Владѣльцы большихъ капиталовъ, желающіе извлекать изъ нихъ доходъ чрезъ обработку земли, берутъ ее въ аренду отъ землевладѣльцевъ, уплачивая послѣднимъ арендную плату и принимая на себя обязанность совершать всѣ предварительныя затраты. Ихъ положеніе должно быть аналогично съ тѣмъ, въ которомъ находятся предприниматели-фабриканты; такъ-же какъ и послѣдніе, они должны совершить всѣ затраты на дѣло, снабдить себя скотомъ, лошадьми, пахатными орудіями, купить первыя сѣмена; такъ-же какъ фабриканты, они должны содержать и кормить возчиковъ, жнецовъ, молотильщиковъ, слугъ и рабочихъ всякаго рода, которые обладаютъ лишь руками, авансируютъ только свой трудъ и вырабатываютъ лишь заработную плату. Какъ и фабриканты, они должны получить, кромѣ возмѣщенія своихъ капиталовъ, т. е. кромѣ возвращенія всѣхъ своихъ предварительныхъ и годовыхъ затратъ: 1) прибыль, равную доходу, который они могли бы получить отъ капитала безъ всякаго труда, 2) заработную плату ихъ труда, и цѣну за ихъ рискъ и искусство, 3) нѣкоторую сумму, изъ которой они могли-бы возмѣщать ежегодно утрату въ вещахъ, употребляемыхъ въ предпріятіи, павшихъ животныхъ, изнашивающіяся орудія и т. п.

Все это должно быть взято изъ цѣны произведеній земли; избытокъ даетъ возможность платить землевладѣльцу, который далъ свое разрѣшеніе на устройство предпріятія. Это — цѣна аренды, доходъ собственника, чистый продуктъ, ибо все, что производитъ земля вплоть до возмѣщенія затратъ и прибыли лица, которое ихъ

совершаетъ, не можетъ разсматриваться какъ доходъ, но только какъ возстановленіе издержекъ обработки; если-бы земледѣлецъ не получалъ этого возмѣщенія, онъ не сталь-бы употреблять на обработку чужой земли свои богатства и свой трудъ.

§ LXIII. Въ земледѣліи соперничество капиталистовъ-предпринимателей устанавливаетъ рыночную цѣну арендъ и создаетъ крупное производство.

Соперничество богатыхъ предпринимателей устанавливаетъ рыночную цѣну арендъ сообразно съ плодородіемъ земли и соотвѣтственно съ цѣной, по которой продаются земледѣльческіе продукты. Но арендаторы до опредѣленія этой цѣны исчисляють предварительно сумму своихъ затратъ и прибылей, которую они должны получить: они могутъ отдать собственникамъ земли лишь избытокъ, остающійся по возмѣщеніи затратъ и прибылей. При оживленномъ соперницествѣ арендаторы отдають собственникамъ весь этотъ избытокъ, ибо собственникъ отдастъ свою землю только тому изъ арендаторовъ, кто предложитъ за нее наивысшую плату.

§ LXIV. При недостаткѣ капиталистовъ-предпринимателей обработка земли совершается малыми хозяйствами (*à la petite culture*).

Если, напротивъ не имѣется богатыхъ людей, обладающихъ большими капиталами для затратъ на земледѣльческія предпріятія, если вслѣдствіе низкой цѣны на произведенія земли или отъ какихъ нибудь другихъ причинъ, урожаи не достаточны, чтобы обезпечить предпринимателямъ, кромѣ возвращенія ихъ затратъ еще и прибыли, равныя по крайней мѣрѣ тѣмъ, которыя они могли-бы получить, употребляя свои деньги иначе, то нельзя будетъ найти фермеровъ, желающихъ нанять землю.

Собственники будутъ принуждены обрабатывать землю при посредствѣ крестьянъ или половинщиковъ, а эти послѣдніе не могутъ дѣлать какихъ бы то ни было затратъ и не въ состояніи хорошо обрабатывать землю.

Собственникъ тогда самъ дѣлаетъ незначительныя затраты, которыя доставляютъ ему и скудный доходъ; если земля принадлежит бѣдному собственнику, или обремененному долгами, или неяхъ, или вдовѣ или малолѣтнему, она остается совсѣмъ необработанной.

Таково дѣйствительное объясненіе различія, которое я уже отмѣтилъ, въ благосостояніи провинцій, гдѣ земля обрабатывается богатыми фермерами, какъ въ Нормандіи и въ Иль-де-Франсѣ и тѣми, гдѣ земля обрабатывается только бѣдными половинщиками, какъ въ Лимузинѣ, Ангумуа, Бурбоннѣ и многихъ другихъ провинціяхъ Франціи.

§ LXV. Раздѣленіе класса земледѣльцевъ: на предпринимателей или фермеровъ и на простыхъ получателей заработной платы, прислугу или поденщиковъ.

Отсюда слѣдуетъ, что классъ земледѣльцевъ также какъ и фабрикантовъ, распадается на два рода людей: на предпринимателей или капиталистовъ, дѣлающихъ затраты, и на простыхъ рабочихъ, получающихъ заработную плату. Отсюда видно также, что только капиталы образуютъ и поддерживаютъ крупныя земледѣльческія предприятия; они даютъ землѣ постоянную наемную цѣнность, если можно такъ выразиться, и обезпечиваютъ собственникамъ всегда равный и наибольшій доходъ.

§ LXVI. Четвертое употребленіе капитала на затраты въ торговлѣ. Необходимость посредничества купцовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова между производителями товаровъ и потребителями.

Предприниматели, какъ въ обработкѣ земли, такъ и въ мануфактурахъ, возвращаютъ свои затраты и получаютъ свои прибыли только чрезъ продажу произведеній земли или изготовленныхъ фабрикатовъ.

Потребности и средства потребителей всегда опредѣляютъ цѣну продаваемого; но потребитель не всегда нуждается въ сфабрикованной или въ произведенной вещи въ моментъ жатвы или окончанія работы.

А между тѣмъ предпринимателямъ необходимо, чтобы ихъ затраты немедленно и правильно возвращались для новаго употребленія ихъ въ дѣло. Необходимо, чтобы обработка земли и посѣвъ слѣдовали непосредственно за жатвой; надобно давать безъ перерыва работу фабричнымъ рабочимъ, начинать изготовленіе новыхъ предметовъ по мѣрѣ окончанія ранѣ начатыхъ, замѣщать по мѣрѣ потребленія матеріалы. Нельзя безъ ущерба приостанавливать работу во всякомъ налаженномъ предприятии, а разъ приостановивъ работу, нельзя по всякому желанію снова возобновить ее.

Предприниматель имѣетъ, поэтому, большой интересъ въ томъ, чтобы его затраты возвращались къ нему продажей его жатвы или произведеній возможно быстрѣе; съ другой стороны потребитель заинтересованъ въ томъ, чтобы всегда была возможность находить, гдѣ угодно и когда въ томъ явится необходимость, предметы, въ которыхъ онъ нуждается; ему было-бы весьма неудобно, если бы онъ былъ принужденъ покупать въ моментъ жатвы потребную провизію на весь годъ.

Среди предметовъ обычнаго потребленія имѣется множество такихъ, которые требуютъ долгой и дорого стоящей работы; эту

работу можно предпринять съ выгодой только на весьма значительномъ количествѣ матеріала; при этомъ общая сумма изготовленнаго, даже на одной фабрикѣ, не можетъ быть потреблена незначительнымъ количествомъ людей или въ небольшомъ округѣ.

Предпріятія по выдѣлкѣ такихъ предметовъ необходимо, по этому, должны быть немногочисленны, въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга и, слѣдовательно, весьма далеки отъ мѣста жительства большинства потребителей. — Нѣтъ почти людей, за исключеніемъ развѣ пребывающихъ въ состояніи крайней бѣдности, которымъ не приходилось бы потреблять многіе продукты, собираемые или фабрикуемые въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ отъ нихъ и находящіеся въ разстояніяхъ не менѣе удаленныхъ одно отъ другого. Человѣкъ, имѣющій возможность добыть предметы своего потребления, только покупая ихъ непосредственно изъ рукъ того, кто ихъ собираетъ или фабрикуетъ, не могъ бы добыть себѣ многого или принужденъ былъ бы странствовать для ихъ пріобрѣтенія всю свою жизнь.

Эти два интереса производителя и потребителя, а именно: интересъ перваго найдти покупателя и втораго найдти продавца, не теряя драгоцѣннаго времени на поиски покупателя или продавца, долженъ былъ дать поводъ третьимъ лицамъ подумать о томъ, не могутъ-ли они быть посредниками между тѣмъ и другимъ. — Это дѣло стало занятіемъ торговцевъ, которые покупаютъ товары изъ рукъ производителей съ тѣмъ, чтобы запасать ихъ въ магазинахъ, откуда потребитель и можетъ снабжать себя.

Такимъ способомъ, предприниматель, получивъ обезпеченіе въ продажѣ своихъ продуктовъ и въ возвратѣ затратъ, занимается безъ безпокойства и безъ перерыва произведеніемъ новыхъ товаровъ, а потребитель находитъ подъ руками и въ любой моментъ предметы, въ которыхъ онъ нуждается.

§ LXVII. Различные виды купцовъ. Между всѣми ими общее то, что они покупаютъ для перепродажи и что ихъ промыселъ основывается на затратахъ, которыя должны возвратиться съ прибылью для того, чтобы вновь поступить въ оборотъ.

Начиная съ продавщицы, выставяющей растенія на рынкѣ и до арматора кораблей въ Нантѣ или Кадиксѣ, который совершаетъ свои продажи и покупки даже въ Индіи и Америкѣ, профессія купцовъ или торговля въ собственномъ смыслѣ этого слова, раздѣляется на безконечное число отраслей и, такъ сказать, степеней. Одинъ купецъ напр. запасается только однимъ или нѣсколькими родами товаровъ,

которые онъ продаетъ въ своей лавкѣ всѣмъ, кто за ними приходитъ. Другой ѣдетъ продавать товары въ такія мѣста, гдѣ ихъ недостаетъ, съ тѣмъ, чтобы привезти товары, которые повышаются въ цѣнѣ или имѣются въ недостаточномъ количествѣ въ томъ мѣстѣ, откуда онъ выѣхалъ. Одинъ дѣлаетъ свои обмѣны въ одной мѣстности и самъ по себѣ, другой пользуется корреспондентами и возчиками, которыхъ онъ оплачиваетъ и заставляетъ ѣздить изъ одной провинціи въ другую или изъ одного государства въ другое, изъ Европы въ Азію и изъ послѣдней снова въ Европу. Одинъ продаетъ свои товары малыми партіями каждому изъ тѣхъ, кто ихъ потребляетъ, другой продаетъ товары только въ большомъ количествѣ — оптомъ — торговцамъ, которые въ свою очередь продаютъ ихъ въ розницу потребителямъ; но общее между всѣми торговцами заключается въ томъ, что они покупаютъ для перепродажи и что ихъ первыя покупки являются только затратами, которыя возвращаются къ нимъ впослѣдствіи. Ихъ затраты, точно также какъ таковыя же у земледѣльцевъ и промышленниковъ, не только должны возвратиться вполнѣ въ извѣстный срокъ, чтобы потомъ поступить на новыя покупки, но, кромѣ того: 1) съ прибылью равной доходу, который они могли бы получить отъ своего капитала, не трудясь; 2) съ заработной платой за ихъ трудъ, рискъ и искусство. Безъ обезпеченной возможности получить свои затраты и необходимыя прибыли ни одинъ купецъ не сталъ-бы заниматься торговлей и не могъ бы ее продолжать; руководствуясь подобной точкой зрѣнія онъ совершаетъ свои покупки, принимая въ расчетъ количество и цѣну предметовъ, которые онъ надѣется продать въ извѣстное время. Розничный торговецъ научается по опыту, по удачѣ небольшихъ пробъ, совершенныхъ съ осторожностью, каково приблизительно количество нуждъ потребителей, которымъ онъ долженъ удовлетворить. — Торговецъ получаетъ свѣдѣнія отъ своихъ корреспондентовъ относительно изобилія или недостатка, а также и о цѣнѣ товаровъ въ разныхъ странахъ, съ которыми онъ торгуетъ; соотвѣтственно этому онъ руководитъ своей спекулятивной дѣятельностію; онъ посылаетъ товары изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они дешевы, туда, гдѣ они продаются дороже; само собой разумѣется, что ~~длата за провозъ входитъ въ расчетъ затратъ,~~ которыя должны быть ему возмѣнены.

Такъ какъ торговля дѣло необходимое, такъ какъ нельзя предпринять никакой торговли безъ затратъ, соответствующихъ ей размѣрамъ, то отсюда и возникаетъ возможность новаго употребленія движимыхъ богатствъ, новое употребленіе, совершая которое, владѣлецъ извѣстной массы сбереженныхъ и накопленныхъ цѣнностей,

извѣстной суммы денегъ, или, однимъ словомъ, капитала можетъ пріобрѣтать выгоды для поддержанія своего существованія и, если можетъ, для увеличенія своихъ богатствъ.

§ LXVIII. Истинное представленіе объ обращеніи денегъ.

Изъ сказаннаго видно, какъ обработка земель, устройство всякаго рода фабрикъ и всѣхъ родовъ торговли покоится на необходимости имѣть запасъ капиталовъ или накопленныхъ движимыхъ богатствъ, которые, будучи затрачены въ каждомъ изъ этихъ различныхъ родовъ труда, должны возвращаться предпринимателямъ ежегодно съ опредѣленной прибылью; другими словами, постоянно долженъ воспроизводиться капиталъ, который будетъ вновь обращенъ и затраченъ на то-же предпріятіе и будетъ получаться прибыль для болѣе или менѣе роскошнаго содержанія предпринимателей. Эти постоянныя затраты и ихъ возвращеніе и составляютъ то, что слѣдуетъ назвать обращеніемъ денегъ, то полезное и плодотворное обращеніе ихъ, которое оживляетъ всѣ роды труда въ обществѣ, поддерживаетъ движеніе и жизнь въ политическомъ тѣлѣ и которое съ большимъ основаніемъ сравниваютъ съ кровообращеніемъ въ животномъ организмѣ. Ибо, если вслѣдствіе какого нибудь нарушенія въ порядкѣ расходовъ различныхъ классовъ въ обществѣ, предприниматели перестанутъ получать свои затраты съ прибылью, на которыя они имѣютъ право рассчитывать, то, очевидно, они принуждены будутъ сократить размѣры своихъ предпріятій; а такимъ образомъ уменьшится количество нанятаго труда, потребленіе произведеній земли, фабрикатовъ и доходъ; бѣдность станетъ на мѣсто богатства и простые рабочіе, не находя употребленія для своихъ силъ, впадутъ въ состояніе глубочайшей нищеты.

§ LXIX. Всѣ предпріятія, а въ особенности фабричныя и торговыя, могли имѣть очень ограниченныя размѣры до введенія въ торговый оборотъ золота и серебра.

Почти нѣтъ надобности и отмѣчать, что предпріятія всякаго рода, но въ особенности фабричныя и еще болѣе торговыя, могли имѣть очень ограниченныя размѣры до введенія золота и серебра, ибо было почти невозможно накапливать значительныя капиталы, а еще труднѣе было увеличивать въ числѣ и раздроблять платежи, насколько это необходимо для облегченія и умноженія обмѣновъ, которые обусловливаются торговлей и оживленнымъ обращеніемъ. Только обработка земли могла существовать кое какъ, ибо скотъ составляетъ

главную затрату, которую она требует; весьма вѣроятно къ тому же, что въ это время не было другого предпринимателя по обработкѣ земель, кромѣ собственника. Что-же касается до промысловъ всякаго рода, они могли находиться въ крайне жалкомъ состояніи до введенія денегъ. Собственники ограничивались выдѣлкой самыхъ грубыхъ предметовъ, для изготовленія которыхъ они дѣлали затраты, давая рабочимъ пропитаніе и доставляя имъ матеріалы, добытые при помощи собственныхъ же слугъ.

§ LXX. Такъ какъ капиталы являются столь же необходимымъ элементомъ во всѣхъ предпріятіяхъ, какъ и трудъ и искусство, то промышленный человекъ охотно раздѣляетъ свои прибыли съ капиталистомъ, который доставляетъ ему нужныя средства.

Такъ какъ наличность капитала является неизбѣжной основой всякаго предпріятія, такъ какъ деньги — главнѣйшее средство для сбереженія заработковъ, для накопленія прибылей и обогащенія, то обладающіе искусствомъ и энергіей въ трудѣ, но не владѣющіе капиталомъ или имѣющіе недостаточное его количество для организациі затѣваемыхъ ими предпріятій, безъ колебаній согласятся уступить владѣльцамъ капиталовъ или денегъ, которые эти послѣдніе имъ пожелаютъ довѣрить, часть прибылей, ожидаемыхъ сверхъ возмѣщенія затратъ.

§ LXXI. Пятый способъ употребленія капиталовъ: отдача въ заемъ изъ процентовъ. Природа займа.

Владѣльцы денегъ, сопоставляя рискъ, которому можетъ подвергнуться ихъ капиталъ при неудачѣ предпріятія, съ выгодной возможностью получать безъ труда нѣкоторую постоянную прибыль съ капитала, требуютъ, сообразуясь съ такимъ сопоставленіемъ, большую или меньшую прибыль или процентъ на свои деньги, т. е. соглашаются отдать ихъ въ кредитъ за процентъ, предлагаемый заемщикомъ. Вотъ еще одинъ изъ открывающихся способовъ пользоваться деньгами для ихъ владѣльца: отдача въ заемъ изъ процентовъ или торговля деньгами. Не слѣдуетъ видѣть въ этой торговлѣ что либо особенное: отдача въ заемъ изъ процентовъ ничто иное, какъ торговля, въ которой заимодавецъ является лицомъ продающимъ пользованіе (usage) денегъ, а должникъ — лицомъ покупающимъ его. Точь въ точь тоже самое какъ и въ томъ случаѣ, когда собственникъ земли и его фермеръ продаютъ и покупаютъ другъ у друга пользованіе (usage) арендуемымъ имѣніемъ.

Это прекрасно выражалось у римлянъ названіемъ, которое они давали денежному проценту — *usura pecuniae*; это наименованіе

во французскомъ переводѣ сдѣлалось ненавистнымъ вслѣдствіе ложныхъ идей, которыя возникли относительно денежнаго процента.

§ LXXII. Ложныя идеи относительно денежнаго процента.

Цѣна займа вовсе не основывается, какъ можно было-бы думать, на прибыли, которую занимающій надѣется получить отъ капитала, пользованіе которымъ онъ покупаетъ. Эта цѣна опредѣляется также, какъ и цѣна всѣхъ другихъ товаровъ, чрезъ торгъ между продавцемъ и покупателемъ, чрезъ уравненіе спроса и предложенія. Занимаютъ по всякаго рода мотивамъ и исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія.

Одинъ занимаетъ для организациі предпріятія, которое обезпечить его благосостояніе, другой для покупки земли, третій — для платежа карточного долга, четвертый — для возмѣщенія утраты своего дохода, происшедшей подъ вліяніемъ какого нибудь случая, пятый — для пріобрѣтенія средствъ къ существованію на тотъ срокъ, пока онъ не начнетъ добывать ихъ собственнымъ трудомъ. Но всѣ эти мотивы, которыми руководится занимающій, совершенно безразличны для заимодавца. Этотъ послѣдній интересуется только двумя вещами: процентомъ, который онъ будетъ получать, и безопасностью (*sureté*) для своего капитала. Онъ вовсе не беспокоится о томъ употребленіи, которое сдѣлаетъ изъ его денегъ должникъ, точно также какъ не интересуется и торговецъ тѣмъ, что сдѣлаетъ съ товарами покупатель, которому онъ ихъ продастъ.

§ LXXIII. Опроверженіе заблужденій схоластиковъ.

Ошибочный взглядъ на отдачу въ ростъ побудилъ болѣе строгихъ, чѣмъ просвѣщенныхъ моралистовъ смотрѣть на нее, какъ на преступленіе. Схоластическіе богословы, исходя изъ того, что деньги ничего не производятъ сами по себѣ, заключили, будто несправедливо требовать процентъ за занятія деньги. Исполненные предразсудковъ, они вѣрили, что ихъ ученіе освящается словами Евангелія: „*mutuum date, nihil inde sperantes*“.

Богословы, имѣвшіе на вопросъ о процентѣ болѣе рacionales взгляды, терпѣли самыя жестокіе упреки со стороны писателей противоположной имъ партіи.

А между тѣмъ требуется очень мало разсужденій, чтобы признать неосновательность доводовъ, которыми пользовались для осужденія денежнаго процента. Договоръ займа — есть обоюдное условіе, свободно совершаемое между двумя сторонами; онъ вступаютъ въ договоръ только потому, что послѣдній выгоденъ имъ

обѣимъ. Очевидно, если заимодавецъ находитъ для себя выгоднымъ отдать свои деньги въ займы, то и занимающій не менѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы найти нужныя ему деньги; въ противномъ случаѣ послѣдній не рѣшился бы занять и платить наемную плату за пользованіе этими деньгами; отсюда, можно-ли находить что-нибудь преступное въ томъ договорѣ, который выгоденъ обѣимъ сторонамъ, которымъ обѣ довольны и который не приноситъ вреда никому другому? Говорить, что заимодавецъ злоупотребляетъ нуждою своего должника въ деньгахъ для истребованія процента, это значить высказывать такую же бессмыслицу, какая заключалась бы въ утвержденіи, будто булочникъ, требующій деньги за продаваемый хлѣбъ, злоупотребляетъ нуждою своего покупателя. Если въ этомъ послѣднемъ случаѣ деньги являются равноцѣнностью хлѣба, который получаетъ покупатель, то деньги, получаемыя заимодавцемъ, точно также являются равноцѣнностью капитала и процента, которые онъ обѣщаетъ дать въ извѣстный срокъ. Ибо, наконецъ, для должника представляется выгоднымъ имѣть деньги на тотъ промежутокъ времени, когда онъ въ нихъ нуждается; такая-же невыгода остается въ данномъ случаѣ на сторонѣ заимодавца. Эта невыгода подлежитъ оцѣнкѣ и въ дѣйствительности оцѣнивается; процентъ является ея цѣною. Эта цѣна должна быть еще больше, если заимодавецъ подвергается риску потерять свой капиталъ вслѣдствіе несостоятельности должника. Сдѣлка, такимъ образомъ, совершенно одинакова съ обѣихъ сторонъ и, слѣдовательно, законна. Деньги, разсматриваемыя, какъ физическій предметъ, какъ масса металла, не производятъ ничего; но деньги, употребляемыя на затраты по обработкѣ земли, на фабрики и торговлю даютъ опредѣленную прибыль. Съ деньгами можно приобрести землю и доставить себѣ извѣстный доходъ. Тотъ, кто отдаетъ деньги въ займы, не уступаетъ, такимъ образомъ, только одно безплодное обладаніе деньгами; онъ лишается прибыли или дохода, которые онъ могъ бы получить; процентъ, который вознаграждаетъ его за эту потерю, не можетъ считаться несправедливымъ. Схоластики, принужденные сдать въ силу этихъ соображеній, разрѣшили извлекать процентъ отъ денегъ подъ условіемъ отчужденія капитала т. е. подъ условіемъ, чтобы заимодавецъ отказался отъ правъ востребованія своего капитала въ извѣстное время и предоставилъ должнику держать его сколько угодно подъ обязательствомъ платить процентъ. Смыслъ этой уступки заключался въ томъ, что въ такомъ случаѣ процентъ какъ-бы получался не на ссужаемыя деньги; здѣсь покупалась за извѣстную сумму рента,

такъ же какъ покупается земля. Это было маленькое ухищреніе, къ которому они прибѣгли — въ виду абсолютной необходимости въ договорѣ денежнаго займа для торговыхъ дѣлъ, безъ открытаго признанія ложности основаній, по которымъ они его осудили; но это условіе относительно отчужденія капитала вовсе не служить къ выгодѣ должника, который все такъ же остается подъ бременемъ долга до возврата капитала и имущество котораго служитъ обезпеченіемъ для занятаго капитала. Въ немъ имѣется даже невыгодная сторона, ибо должнику будетъ труднѣе найти деньги въ случаѣ нужды; всякій, кто охотно согласится занять на годъ или на два деньги, которыхъ онъ желаетъ затратить на покупку земли, не захочетъ сдѣлать того-же на неопредѣленное время. Кромѣ того, если можно продавать свои деньги за вѣчную ренту, почему нельзя отдать ихъ въ кредитъ на нѣсколько лѣтъ за ренту, которая будетъ длиться только опредѣленное количество лѣтъ? Если рента въ 1000 франковъ въ годъ равна суммѣ въ 20000 франковъ для того, кто пользуется ею вѣчно, то 1000 франковъ будутъ ежегодно эквивалентомъ обладанія этой суммой въ теченіи одного года.

§ LXXIV. Истинное обоснованіе для денежнаго процента.

Итакъ, можно отдавать свои деньги въ наемъ на столь-же законномъ основаніи, какъ и продавать ихъ; владѣлецъ ихъ можетъ дѣлать и то, и другое не только потому, что деньги составляютъ равноцѣнность дохода и могутъ служить орудіемъ для пріобрѣтенія дохода, не только потому, что во все время займа заимодавецъ теряетъ доходъ, который онъ могъ-бы получить отъ своихъ денегъ, не только потому, что онъ рискуетъ своимъ капиталомъ, не только потому, что занимающій можетъ употребить ихъ для выгодныхъ пріобрѣтеній или въ предпріятіяхъ, которыя принесутъ ему большія прибыли: собственникъ денегъ можетъ законно получать процентъ въ силу начала еще болѣе общаго и рѣшающаго. Если бы даже всѣ указанная обстоятельства не существовали, собственникъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ бы право требовать процентъ по тому единственному основанію, что *деньги составляютъ его собственность*. Такъ какъ деньги принадлежатъ ему, онъ свободно можетъ сохранять ихъ; ничто не заставляетъ его отдавать ихъ въ заемъ; если онъ дѣлаетъ это, онъ можетъ совершать заемъ на условіяхъ, какія сочтетъ желательными. Онъ не дѣлаетъ этимъ никакого вреда занимающему, ибо этотъ послѣдній соглашается на его условія и не имѣетъ какихъ бы то ни было правъ на занимаемую сумму. Прибыль, получаемая на занятія деньги, безъ со-

мнѣнія, является однимъ изъ наиболѣе частыхъ побужденій, которыя склоняють должника брать въ заемъ изъ процента; это одинъ изъ источниковъ, который даетъ ему возможность платить процентъ; но вовсе не отсюда проистекаетъ право заимодавца требовать процентъ; для этого достаточно, чтобы деньги принадлежали ему и это право неотдѣлимо отъ права собственности. Покупающій хлѣбъ, дѣлаетъ это, желая себя накормить, но право булочника требовать за свой хлѣбъ плату совершенно независимо отъ этого употребленія хлѣба: это тоже право, на основаніи котораго онъ могъ-бы продавать ему камни; это право основывается единственно на томъ, что хлѣбъ принадлежитъ ему и что никто не можетъ заставить его отдать хлѣбъ безвозмездно ¹⁾).

1) Примѣчаніе. Посылая Дюпону де Немуру свои „Размышленія“ для печати, въ концѣ параграфа 74 Тюрго написалъ еще одинъ, озаглавивъ его: „отвѣтъ на возраженіе“. Онъ просилъ потомъ въ письмѣ къ Кайлару отъ 3 мая 1774 г. выбросить § 75 по нижеслѣдующимъ соображеніямъ: „одинъ изъ литераторовъ имѣеть намѣреніе, писалъ онъ, перевести мои „Размышленія“ и это дѣлаетъ мнѣ болѣе чести, чѣмъ я заслуживаю. Но если онъ примется за эту работу, я буду, конечно, очень польщенъ. Въ этомъ случаѣ я попрошу его сдѣлать одно необходимое исключеніе . . . Я просилъ Дюпона сдѣлать это, но онъ не пожелалъ уничтожить трехъ напечатанныхъ страницъ. Необходимо уничтожить параграфъ 75 цѣликомъ, измѣняя всю послѣдующую нумерацію параграфовъ. Заключенное въ немъ теологическое разсужденіе прерываетъ нить идей: оно было написано только для тѣхъ, кому было адресовано. Если переводчикъ хочетъ сохранить этотъ параграфъ, его слѣдуетъ помѣстить въ примѣчаніи подъ ссылкой на послѣднее слово § 74, уничтоживъ заголовокъ § 75. Этотъ параграфъ былъ напечатанъ въ „Ephemerides“; въ изданіи сочиненій своего друга Тюрго 1808 года Дюпонъ его выпустилъ. Мы помѣщаемъ этотъ параграфъ, какъ того желалъ Тюрго, въ примѣчаніи. (Прим. изд. Робино).

Отвѣтъ на возраженіе.

Это разсужденіе даетъ возможность почувствовать, насколько приложеніе завѣта: *mutuum date, nihil inde sperantes*, дѣлаемое ригористами, ложно и отклоняется отъ смысла придаваемого ему Евангеліемъ. Этотъ завѣтъ ясенъ, если его понимаютъ, какъ это дѣлаютъ богословы разсудительные и умѣреннаго направленія, въ смыслѣ благотворительномъ. Всѣ люди должны помогать другъ другу: если бы человѣкъ богатый, видя своего ближняго въ нищетѣ, вмѣсто того, чтобы помочь ему, сталъ бы продавать свою помощь, онъ не исполнилъ-бы долга христіанина и человѣка. Въ подобныхъ случаяхъ чувство состраданія (*charité*) не только предписываетъ давать безпроцентно, но оно повелѣваетъ давать въ заемъ или даже просто давать, если это нужно. Дѣлать изъ этого начала состраданія начало суровой справедливости, это значить не только противорѣчить разуму, но и самому смыслу текста писанія. Тѣ, на которыхъ я въ данномъ случаѣ нападаю, не утверждаютъ, что долгъ справедливости заставляетъ давать въ займы; они должны, поэтому, согласиться, что слова

§ LXXV. Размѣръ денежнаго процента, подобно цѣнамъ товаровъ, долженъ опредѣляться только торговымъ оборотомъ.

Я уже сказалъ, что цѣна ссужаемыхъ денегъ, также какъ и цѣна всѣхъ другихъ товаровъ, опредѣляется уравненіемъ спроса и предложенія. Поэтому, когда много заемщиковъ, желающихъ получить деньги, денежный процентъ повышается; когда много владѣльцевъ денегъ, предлагающихъ въ займы, процентъ понижается. Было бы ошибкой думать, что денежный процентъ въ торговомъ оборотѣ долженъ опредѣляться законами государей: онъ имѣетъ такую же рыночную цѣну, какъ и всѣ другіе товары. Эта цѣна немного различается въ зависимости отъ болѣе или менѣе обеспеченности для заимодавца потерять или не потерять свой капиталъ; при равной обеспеченности, размѣръ процента повышается или понижается отъ избытка или отъ потребности въ капиталахъ и законъ не долженъ опре-

текста: *mutuum date . . .* не заключаютъ въ себѣ ничего кромѣ завѣта состраданія; а потому я спрашиваю, по какимъ основаніямъ они желаютъ, чтобы конецъ фразы заключалъ въ себѣ предписаніе справедливости. Какъ! сама отдача въ заемъ не является строгимъ завѣтомъ, а несущественное условіе займа является таковымъ! Тогда было-бы сказано людямъ: „вы свободны давать или не давать въ заемъ, но если вы даете, смотрите, ни въ какомъ случаѣ не берите процента за ваши деньги. И даже въ томъ случаѣ, если промышленникъ просиль-бы васъ дать ему деньги, отъ которыхъ онъ надѣется получить большія прибыли въ предпріятіи, будетъ большимъ преступленіемъ, если вы согласитесь взять процентъ, предлагаемый вамъ: безусловно необходимо или дать ему въ заемъ безпроцентно, или не давать ему денегъ совсѣмъ. Вы имѣете единственную возможность сдѣлать процентъ законномъ, а именно отдать свои деньги на неограниченное время и отказаться отъ права требовать возвращенія капитала, которое вашъ должникъ сдѣлаетъ, когда ему будетъ угодно или когда онъ будетъ въ состояніи. Если вы опасаетесь за безопасность своего капитала или если вы ожидаете, что вашъ капиталъ понадобится вамъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, вамъ ничего не остается, какъ не давать въ займы; лучше заставить промышленника упустить драгоцѣннѣйшій изъ представляющихся ему случаевъ, чѣмъ совершать грѣхъ, помогая ему“. Вотъ что видѣли въ пяти словахъ: *mutuum date, nihil inde sperantes*, когда ихъ читали съ предразсудками, которыя создавала ложная метафизика. Всякій человекъ, прочитающій этотъ текстъ безъ предубѣжденій, увидитъ, что въ немъ заключается, а именно: какъ люди, какъ христіане, вы всѣ братья и друзья; обращайтесь же другъ съ другомъ, какъ таковые; помогайте другъ другу въ нуждѣ и пусть ваши кошельки будутъ открыты другъ для друга, не продавайте другъ другу помощи, которую вы обязаны оказывать другъ другу, требуя процентъ, тогда какъ состраданіе дѣлаетъ для васъ изъ займа обязанность. Вотъ истинный смыслъ текста. Обязанность отдавать деньги безъ процента, и право занимать, очевидно, однохарактерны; они являются долгомъ состраданія, а не завѣтомъ строгой справедливости, примѣнимой во всѣхъ случаяхъ.

дѣлять размѣра процента по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ онъ не устанавливаетъ таксъ на товары, которые имѣются въ торговомъ оборотѣ.

§ LXXVI. Деньги имѣютъ въ торговомъ оборотѣ двѣ различныхъ оцѣнки: одна выражаетъ собой количество денегъ, которыя даютъ, желая получить различные роды товаровъ; другая выражаетъ отношеніе извѣстной суммы денегъ къ проценту, который она даетъ смотря по ходу дѣль.

Тотъ способъ, при посредствѣ котораго продаются или отдаются въ наемъ за извѣстный ежегодный процентъ деньги, можетъ вызвать мысль, что имѣются два способа оцѣнки денегъ въ торговомъ оборотѣ.

Въ покупкахъ и продажахъ, извѣстный вѣсь денежнаго матеріала представляетъ опредѣленное количество цѣнностей или товаровъ всякаго рода; напр. унція серебра равна опредѣленному количеству хлѣба или нѣкоторому числу рабочихъ дней человѣка.

Въ займѣ и въ торговлѣ деньгами, капиталъ равенъ рентѣ, равноцѣнной опредѣленной части этого капитала, и, въ свою очередь, годовая рента представляетъ собой капиталъ, равный суммѣ этой ренты, повторенный опредѣленное число разъ смотря потому, насколько высокъ процентъ и этотъ множитель.

§ LXXVII. Эти двѣ оцѣнки независимы другъ отъ друга и опредѣляются по совершенно различнымъ началамъ.

Эти двѣ различныя оцѣнки имѣютъ гораздо менѣе связи между собой и гораздо менѣе зависятъ другъ отъ друга, чѣмъ то можно было-бы думать по первому взгляду.

Деньги могутъ быть весьма изобильны въ торговомъ оборотѣ, имѣть весьма незначительную цѣнность, соответствовать весьма малому количеству товаровъ, а между тѣмъ денежный процентъ въ то же время можетъ стоять очень высоко.

Я предполагаю, что одинъ милліонъ унцій серебра вращается въ торговомъ оборотѣ и одна унція серебра дается на рынкѣ за мѣру хлѣба; я предполагаю, что какимъ бы то ни было способомъ ввозится въ страну второй милліонъ унцій серебра, и что это увеличеніе количества денегъ распредѣлилось равномѣрно между всѣми кошельками въ той-же пропорціи, въ какой распредѣлялся первый милліонъ, такъ что тотъ, кто раньше имѣлъ двѣ унціи серебра, теперь имѣетъ четыре: серебро, рассматриваемое какъ извѣстная масса металла, уменьшилось бы, конечно, въ цѣнѣ или, что тоже, товары оплачивались бы

дороже и нужно будетъ для пріобрѣтенія одной мѣры хлѣба давать большее количество серебра, быть можетъ двѣ унціи вмѣсто одной.

Но отсюда вовсе не будетъ слѣдовать, что процентъ за деньги понизится, если все это количество денегъ поступить на рынокъ и будетъ употреблено на текущіе расходы тѣхъ, кто ими обладаетъ, ибо денежный процентъ понижается только тогда, когда употребляется больше прежняго денегъ для совершенія займовъ сравнительно съ потребностями заемщиковъ.

Деньги, которыя выносятся на рынокъ, не идутъ въ займы; на это идутъ деньги, отложенныя про запасъ, капиталы, которые накоплены и очень невѣроятно, чтобы увеличеніе денегъ на рынкѣ, пониженіе ихъ цѣны сравнительно товарами въ обыкновенной торговлѣ, неизбѣжно и съ непосредственною послѣдовательностью влекло за собою пониженіе денежнаго процента; можетъ произойти, напротивъ, что та же причина, которая увеличиваетъ количество денегъ на рынкѣ и возвышаетъ цѣны другихъ товаровъ, понижая цѣну денегъ, является именно той, которая одновременно увеличиваетъ наемную плату за деньги или уровень процента.

Въ самомъ дѣлѣ, я предполагаю, что въ теченіи нѣкотораго промежутка времени всѣ богатые люди въ обществѣ, вмѣсто того, чтобы сберегать что либо изъ своихъ доходовъ или годовичныхъ прибылей, издерживаютъ всю ихъ сумму; не довольствуясь тратой своего дохода, они растрчиваютъ, кромѣ того и капиталъ; предположимъ, что человѣкъ, имѣющій 100 тысячъ франковъ, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ для пріобрѣтенія прибыли или отдавать въ заемъ, растрчиваетъ ихъ на нелѣпныя прихоти; ясно, что, съ одной стороны, будетъ болѣе денегъ, употребляемыхъ на обычныя покупки для удовлетворенія потребностей или фантазій каждаго частнаго лица и что, поэтому, деньги понизятся въ цѣнѣ; съ другой стороны, будетъ гораздо менѣе денегъ для отдачи въ заемъ; и такъ какъ весьма вѣроятно, что многіе изъ расточителей разорятся, то будетъ и болѣе ищущихъ займа. Денежный процентъ, поэтому, возвысится, тогда какъ денегъ будетъ въ обращеніи больше, цѣна ихъ понизится и именно отъ той-же причины, по которой денежный процентъ возросъ.

Мы не станемъ удивляться этой кажущейся несообразности, если примемъ во вниманіе, что деньги, посылаемыя на рынокъ для пріобрѣтенія хлѣба, вообще составляютъ часть всѣхъ тѣхъ, которыя употребляются для удовлетворенія потребностей; напротивъ, деньги, отдаваемыя въ займы, — составляютъ часть того, что сберегаютъ отъ ежедневныхъ тратъ и откладываютъ про запасъ для образованія капиталовъ.

§ LXXVIII. При оцѣнкѣ денегъ сравнительно съ товарами, деньги, разсматриваемыя, какъ металлъ, служатъ предметомъ оцѣнки; при оцѣнкѣ денежнаго процента предметомъ таковой является пользованіе деньгами въ теченіе опредѣленнаго періода времени.

На рынкѣ мѣра хлѣба уравнивается съ извѣстнымъ вѣсомъ денегъ; товаромъ покупаютъ нѣкоторое количество серебра; и это количество оцѣниваютъ и сравниваютъ съ другими цѣнностями. Въ займѣ изъ процентовъ предметомъ оцѣнки является пользованіе нѣкоторымъ количествомъ цѣнностей въ теченіе опредѣленнаго времени. Здѣсь уже не сравниваютъ нѣкоторую массу денегъ съ таковой-же массой хлѣба; тутъ масса цѣнностей сравнивается съ нѣкоторой-же собственной частью, которая становится цѣною пользованія этой массы цѣнностей въ теченіе извѣстнаго промежутка времени. Пусть 20 тысячъ унцій серебра на рынкѣ равняются 20 или только 10 тысячамъ мѣръ хлѣба, всё же употребленіе этихъ 20 тысячъ унцій въ теченіе одного года не будетъ стоить въ торговлѣ займами менѣе двадцатой части главной суммы или 1000 унцій серебра, если процентъ является двадцати-кратнымъ суммы долга.

§ LXXIX. Процентъ зависитъ непосредственно отъ отношенія между спросомъ заемщиковъ сравнительно съ предложеніемъ заимодавцевъ; а это отношеніе зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества накопленныхъ, для образованія капитала, движимыхъ богатствъ изъ доходовъ и годичнаго продукта, независимо отъ того, существуютъ-ли эти капиталы въ деньгахъ или во всякихъ другихъ предметахъ, имѣющихъ цѣнность въ торговомъ оборотѣ.

Цѣна денегъ въ торговомъ оборотѣ зависитъ отъ количества металла, употребляемаго въ текущихъ сдѣлкахъ; но уровень процента зависитъ отъ количества накопленныхъ и отложенныхъ въ запасъ цѣнностей для образованія капиталовъ. Безразлично, состоятъ-ли эти цѣнности въ деньгахъ или въ другихъ предметахъ; нужно только, чтобы эти предметы можно было обратить въ деньги.

Необходимо, конечно, чтобы масса металла, имѣющаяся въ государствѣ, была столь-же велика, какъ и сумма цѣнностей, отдаваемыхъ въ заемъ изъ процента въ теченіе года; но всѣ капиталы въ мебели, товарахъ, орудіяхъ, животныхъ играютъ такую-же роль, какъ и деньги и представляютъ ихъ. Бумага, подписанная человекомъ, который, какъ извѣстно, навѣрно обладаетъ на сто тысячъ франковъ цѣнностей, и которая обѣщаетъ уплату ста тысячъ франковъ чрезъ извѣстный срокъ, передается до этого срока какъ 100 т. фр.

Всѣ капиталы того, кто подписалъ эту бумагу, обезпечиваютъ

платежъ, независимо отъ того, какими товарами онъ обладаетъ, лишь-бы они имѣли цѣнность въ 100 тысячъ франковъ.

Такимъ образомъ вовсе не количество денегъ, какъ металла, повышаетъ или понижаетъ денежный процентъ, не оно доставляетъ въ торговый оборотъ большее количество денегъ для займовъ. Повышеніе или пониженіе процента зависитъ единственно отъ суммы капиталовъ, находящихся въ торговомъ оборотѣ т. е. отъ наличной суммы движимыхъ цѣнностей всякаго рода, накопленныхъ, сбереженныхъ послѣдовательно изъ доходовъ и прибылей для употребленія въ качествѣ новаго источника пріобрѣтенія доходовъ и прибылей для владѣльца ихъ. Эти накопленныя сбереженія — предлагаются заемщикамъ, и чѣмъ болѣе сбереженій, тѣмъ ниже процентъ, если только при этомъ количество заемщиковъ не возрастаетъ въ соотвѣтствующей пропорціи.

§ LXXX. Бережливость у каждаго народа непрерывно увеличиваетъ сумму капиталовъ, роскошь столь-же непрерывно старается ихъ уничтожить.

Бережливость народа стремится непрерывно увеличить сумму капиталовъ, умножить количество заимодавцевъ и уменьшить количество заемщиковъ. Привычка къ роскоши дѣйствуетъ совершенно въ обратномъ направленіи и изъ того, что было уже сказано относительно употребленія капиталовъ во всѣхъ родахъ обработки земли, въ промыслахъ и торговлѣ, можно судить о томъ, обогащаетъ ли роскошь націю или дѣлаетъ ее бѣднѣе.

§ LXXXI. Пониженіе процента служитъ доказательствомъ того, что въ общемъ духъ бережливости преобладаетъ въ Европѣ надъ привычкой къ роскоши.

Такъ какъ денежный процентъ непрерывно понижался въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что духъ бережливости имѣлъ большее распространеніе, чѣмъ стремленіе къ роскоши. Только уже разбогатѣвшіе люди предаются роскоши и даже среди нихъ болѣе благоразумные ограничиваются тратой своихъ доходовъ и весьма заботятся о томъ, чтобы не затронуть своихъ капиталовъ. Тѣ, которые желаютъ обогатиться, значительно превосходятъ числомъ уже разбогатѣвшихъ; а при настоящемъ положеніи вещей, когда всѣ земли заняты, имѣется единственное средство стать богатымъ: надобно имѣть или пріобрѣсти какимъ бы то ни было способомъ доходъ или годовичную прибыль, превышающіе размѣръ абсолютно необходимаго къ существованію и откладывать ежегодно этотъ избытокъ про запасъ для образованія капитала, посредствомъ котораго

можно было-бы доставить себѣ возрастаніе дохода или годичной прибыли, которое тоже можно сберечь и обратить въ капиталъ. Поэтому, имѣется много людей заинтересованныхъ накопленіемъ капиталовъ и занятыхъ этимъ дѣломъ.

§ LXXXII. Повтореніе: пять различныхъ употребленій капитала.

Я насчиталъ пять различныхъ употребленій или способовъ помѣщенія капитала съ выгодой.

Первое употребленіе заключается въ приобрѣтеніи земли, приносящей опредѣленный доходъ.

Второе — въ помѣщеніи денегъ на земледѣльческія предпріятія, на аренду земли, которая кромѣ цѣны аренды, должна доставить процентъ на затраты и оплатить трудъ тѣхъ, кто посвящаетъ обработкѣ свои богатства и старанія.

Третье — заключается въ употребленіи капитала на промышленныя предпріятія или фабрики.

Четвертое — на торговлю;

и наконецъ, пятое — въ отдачѣ въ займы изъ процента тѣмъ, кто въ этомъ нуждается.

§ LXXXIII. Вліяніе различныхъ употребленій капитала другъ на друга.

Очевидно, что суммы годичнаго продукта, которыя можно получить отъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ разныя дѣла, зависятъ другъ отъ друга и въ особенности отъ существующей нормы или уровня процента.

§ LXXXIV. Деньги, затраченныя на землю, приносятъ менѣе всего.

Затратившій свои деньги на покупку земли, находящейся въ арендѣ у вполне платежно-способнаго фермера, приобрѣтаетъ доходъ, только для полученія котораго ему приходится немного похлопотать. Владѣлецъ такого дохода можетъ тратить его самымъ пріятнымъ образомъ, давая просторъ всѣмъ своимъ вкусамъ. Онъ, кромѣ того, находится въ самомъ благопріятномъ положеніи, ибо обладаніе землей наиболѣе всего обезпечено отъ всякихъ случайностей.

§ LXXXV. Деньги отданныя въ заемъ должны приносить немного болѣе сравнительно съ доходомъ земель, приобрѣтенныхъ за тотъ же капиталъ.

Тотъ, кто отдаетъ свой капиталъ въ займы изъ процента, пользуется имъ еще болѣе спокойно и свободно, чѣмъ собственникъ земли; но неоплатность кредитора можетъ привести къ потерѣ капитала.

Онъ не станеть, поэтому, удовлетворяться процентомъ, равнымъ доходу отъ земли, которую онъ можетъ купить капиталомъ, отдаваемымъ въ ссуду. Процентъ на занятой капиталъ долженъ быть болѣе дохода съ земли, покупаемой тѣмъ-же капиталомъ, ибо, если бы заимодавецъ могъ найти такую землю, онъ предпочель-бы купить ее.

§ LXXXVI. Деньги, помѣщенные на обработку земли, фабрики и торговлю, должны приносить болѣе, чѣмъ процентъ на деньги, отданныя въ заемъ.

По подобнымъ же соображеніямъ деньги, затраченныя на обработку земли, промыслы и торговлю, должны приносить болѣе прибыль, чѣмъ доходъ съ капитала, употребленнаго на покупку земли или процентъ на деньги, отданныя въ заемъ; ибо эти промыслы, кромѣ затраты капитала, требуютъ много заботъ и труда; если бы они не были болѣе прибыльны, было-бы удобнѣе пріобрѣтать равный доходъ, которымъ можно было-бы пользоваться, ничего не дѣлая. Необходимо, поэтому, чтобы, кромѣ процента на свой капиталъ, предприниматель получалъ ежегодно прибыль въ качествѣ вознагражденія за свои заботы, свой трудъ, свой талантъ, рискъ. Этотъ доходъ долженъ также давать ему средства для возмѣщенія годичной потери въ затратахъ, которыя онъ съ самаго начала производства долженъ обратить въ предметы, подлежащія измѣненію и подвергающіяся всякаго рода случайностямъ.

§ LXXXVII. Однако, продукты этихъ различныхъ употребленій капитала взаимно ограничиваютъ другъ друга и не смотря на ихъ неравенство поддерживаются въ своего рода равновѣсіи.

Разныя употребленія капитала приносятъ, такимъ образомъ, весьма неравное количество продукта; но неравенство не мѣшаетъ имъ оказывать взаимное вліяніе другъ на друга; между ними устанавливается своего рода равновѣсіе, какъ между жидкостями неравнаго вѣса, въ двухъ сосудахъ, соединенныхъ снизу трубкою; жидкости не были-бы на одномъ уровнѣ, но высота жидкости въ одномъ изъ нихъ не могла бы увеличиться, не отразившись повышеніемъ и въ противоположной

части другого сосуда. Я предположаю, что если бы заимодавецъ, видя, что земля, которую онъ купилъ, приноситъ болѣе дохода, нежели земля, которую онъ продалъ, очевидно, была дешевле, пошелъ бы и съ меньшей суммой денегъ, можно бы было пріобрѣсти болѣе выгодный доходъ. Это не можетъ произойти, не вызывая повышеніе денежнаго процента; ибо, какъ только деньги предпочтутъ скорѣе купить землю, чѣмъ отдавать ихъ въ заемъ за процентъ, ко-

торый не болѣе дохода отъ земли, которую они могутъ купить. Если, поэтому, заемщики желаютъ добыть деньги, они будутъ принуждены платить за нихъ болѣе высокую наемную плату. Если денежный процентъ станетъ выше, предпочтутъ отдавать въ заемъ деньги и не станутъ употреблять ихъ для пріобрѣтенія прибыли другими способами т. е. на обработку земли, промыслы и торговлю, какъ на дѣла болѣе трудныя и рискованныя. Станутъ заводить только такія предпріятія, которыя, кромѣ вознагражденія за трудъ, приносятъ гораздо болѣешую прибыль, чѣмъ процентъ на деньги, отданныя въ заемъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ прибыли, проистекающія изъ какого нибудь употребленія денегъ, увеличиваются или уменьшаются, капиталы влагаются въ одни предпріятія и извлекаются изъ другихъ, а это неизбѣжно измѣняетъ въ каждомъ изъ употребленій капитала отношеніе затраченнаго капитала къ годовичному продукту. Вообще, деньги, обращенныя на покупку земли, приносятъ менѣе, чѣмъ отданныя въ заемъ изъ процента; эти послѣднія менѣе, чѣмъ затраченныя на промышленныя предпріятія; но общій продуктъ денегъ, затраченныхъ любымъ способомъ, не можетъ увеличиться или уменьшиться безъ соотвѣтствующаго увеличенія или уменьшенія во всѣхъ другихъ употребленіяхъ капитала.

§ LXXXVIII. Рыночный процентъ служитъ на рынкѣ термометромъ, при помощи котораго можно судить объ изобиліи или недостаткѣ капиталовъ; онъ является мѣрою размѣровъ, въ какихъ народъ можетъ вести свои предпріятія по обработкѣ земли, промысламъ и торговлѣ.

Рыночный процентъ на деньги можетъ быть, такимъ образомъ, разсматриваемъ, какъ термометръ изобилія или рѣдкости капиталовъ и показателемъ размѣровъ предпріятій всякаго рода, которыя народъ можетъ имѣть: отсюда явствуетъ, что, чѣмъ ниже денежный процентъ, тѣмъ болѣешую цѣнность имѣютъ земли. Человѣкъ, имѣющій 50 тыс. фунтовъ въ рентахъ, если земли продаются по двадцати — кратному своего дохода, обладаетъ богатствомъ въ миллионъ; у него будетъ два миллиона, если земли продаются по сорока — кратному доходу.

Если денежный процентъ 5 на сто, всякая могущая подвергнуться обработкѣ земля, продукты которой не принесутъ 5 на 100, кромѣ вознагражденія за затраты и заботы земледѣльца, останется невоздѣланной; всякая фабрика, всякая торговля, не приносящая 5 на 100, кромѣ вознагражденія за трудъ и рискъ предпринимателей, не будутъ существовать.

Если имѣется сосѣдній народъ, у котораго денежный процентъ

равень 2 на 100, то въ его рукахъ не только будетъ вся торговля, вести которую для народа, гдѣ процентъ 5 на 100 будетъ невозможно, но его фабриканты и купцы, имѣя возможность удовлетворяться меньшею прибылью, назначать цѣны на свои товары гораздо ниже и захватятъ въ свои руки почти исключительно торговлю всѣми вещами, кромѣ тѣхъ, которыя въ силу особыхъ обстоятельствъ или слишкомъ дорогихъ издержекъ перевозки останутся за страной, гдѣ процентъ 5 на 100.

§ LXXXIX. Вліяніе уровня денежнаго процента на всѣхъ предпріятія, организованныя для полученія прибыли.

Можно, поэтому, разсматривать цѣну процента, какъ своего рода уровень, выше котораго прекращается всякій трудъ, всякая обработка земли, промышленность и торговля. Вліяніе процента можно представить себѣ въ слѣдующей картинѣ: въ видѣ моря, покрывающаго обширную страну. Вершины горъ выдаются надъ водой и образуютъ плодородные и обработанные острова. По мѣрѣ пониженія уровня моря, земли на горахъ, затѣмъ долины и равнины открываются и покрываются произведеніями всякаго рода. Стоитъ водѣ подняться и она затопляетъ, стоитъ опуститься на одинъ футъ и она открываетъ для обработки обширныя пространства. — Изобиліе капиталовъ оживляетъ всѣхъ предпріятія, а низкій денежный процентъ въ одно и то же время и послѣдствіе, и показатель изобилія капиталовъ.

§ XC. Богатство народа состоитъ: 1) изъ чистаго дохода всѣхъ земель, помноженнаго на кратное цѣны земель; 2) изъ суммы всѣхъ движимыхъ богатствъ, наличныхъ въ обществѣ.

Земли равняются капиталу равному ихъ годовичному доходу, умноженному на рыночное кратное (denier) цѣны земель. Еслибы, поэтому, сложить годовичный доходъ всѣхъ земель, т. е. чистый доходъ, доставляемый ими землевладѣльцамъ, и всѣмъ тѣмъ, съ которыми они раздѣляютъ свою собственность, т. е. доходы сеньора, получающаго ренту, священника, берушаго десятину, и государя, получающаго налогъ, еслибы, говорю я, сложили всѣ эти суммы и умножили на кратное цѣны, по которой продается земля, тогда мы получили-бы сумму богатства народа въ землѣ.

Чтобы получить общую сумму богатствъ народа, сюда надо прибавить: движимыя богатства, которыя состоятъ въ общей суммѣ капиталовъ, затраченныхъ на всѣхъ предпріятія по обработкѣ земли,

промысламъ и торговлѣ, которыя никогда изъ нихъ не извлекаются; всѣ затраты всякаго рода, долженствующія постоянно возвращаться къ предпринимателямъ, чтобы снова непрерывно обращаться въ дѣло, которое безъ нихъ не могло-бы продолжаться. — Было-бы очень грубой ошибкой смѣшивать огромную массу движимыхъ богатствъ съ массой денегъ, имѣющихся въ государствѣ; деньги составляютъ сравнительно ничтожную ихъ часть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно представить себѣ громадную массу скота, орудій, сѣмянъ, которыя затрачиваются въ земледѣліи; матеріаловъ, инструментовъ, мебели всякаго рода, которыя составляютъ основной фондъ мануфактуриста, магазины всѣхъ купцовъ и крупныхъ торговцевъ. Тогда станетъ ясно, что, въ общей массѣ богатствъ, земельныхъ и движимыхъ, деньги, какъ таковыя, составляютъ весьма малую часть. Но всѣ эти богатства и деньги, постоянно обмѣниваясь другъ на друга, всѣ представляютъ деньги, а послѣднія представляютъ всю совокупность богатствъ.

§ LCI. При подсчетѣ общей суммы богатства не слѣдуетъ включать въ нее капиталы, отданные въ заемъ. Такъ можно было бы подсчитать одну и ту же сумму дважды.

Не слѣдуетъ, исчисляя сумму богатства народа, принимать во вниманіе капиталы, отданные въ заемъ; эти капиталы могутъ быть отданы въ заемъ только собственникамъ земли или предпринимателямъ для пріобрѣтенія прибыли въ предпріятіяхъ, ибо только эти два рода лицъ могутъ отвѣчать за взятый въ займы капиталъ и платить процентъ: деньги, отданныя въ заемъ людямъ, не имѣющимъ ни земли, ни предпріятій, были бы капиталомъ израсходованнымъ, но не употребленнымъ. Если собственникъ земли, равной по цѣнности четыремъстамъ тысячамъ франковъ, занимаетъ еще 100 т., его имѣніе обременено рентой, которая уменьшаетъ его доходъ на столько-же; и еслибы онъ продалъ свое имѣніе, изъ четырехъ сотъ тысячъ, которыя онъ получилъ-бы, сто принадлежало-бы заимодавцу; капиталъ заимодавца составлялъ-бы такимъ образомъ, при подсчетѣ наличныхъ богатствъ, двойной счетъ съ равной ему частью цѣнности земли. Земля эта всегда стоитъ четырехсто тысячъ франковъ: когда собственникъ занялъ еще сто тысячъ, то стоимость его земли не поднялась до 500 тыс. франковъ. Отсюда только слѣдуетъ, что изъ 400 т. фр. заимодавцу принадлежитъ 100, а самому собственнику только 300.

Такой-же двойной счетъ мы произвели-бы, если бы мы приняли во вниманіе деньги, занятые предпринимателемъ на затраты въ его

дѣло; ибо этотъ заемъ не увеличиваетъ сумму необходимыхъ для дѣла затратъ; изъ него только слѣдуетъ, что эта сумма и доля прибыли, которая представляетъ процентъ на нее, принадлежить заимодавцу. Пусть торговецъ затрачиваетъ 10 тысячъ франковъ своего капитала на торговлю и получаетъ всю прибыль отъ нея или пусть онъ займетъ 10 тысячъ у другого, которому онъ платитъ проценты, а самъ довольствуется только остатками прибыли и вознагражденіемъ за свой трудъ, все-же 10 т. франковъ — остаются только 10 т. франковъ.

Но если нельзя, не совершивъ двойного счета одного и того же, принимать во вниманіе при расчетѣ богатства народа капиталъ, отданный въ займы изъ денежнаго процента, то сюда надо включить всѣ движимыя имущества, которыя, хотя и составляютъ первоначально предметъ издержекъ и не приносятъ никакой прибыли, но благодаря своей способности существовать долго представляютъ настоящій капиталъ, который непрерывно накапливается и который, при случаѣ, можетъ быть обмѣненъ на деньги и составляетъ какъ бы запасной резервъ, могущій поступить въ торговый оборотъ и послужить, когда того пожелаютъ, средствомъ для пополненія другихъ исчезнувшихъ капиталовъ. Къ такому роду богатствъ относятся: мебель всякаго рода, драгоценности, посуда, картины, статуи, наличныя деньги, запертая въ сундукахъ скупцовъ. Всѣ эти предметы имѣютъ цѣнность и сумма всѣхъ этихъ цѣнностей можетъ быть весьма значительна у богатыхъ народовъ; но значительна она или нѣтъ, все-таки справедливо, что она должна быть сочтена вмѣстѣ съ землею и оборотными затратами всякаго рода, если желаютъ вычислить общую сумму богатства народа. Въ концѣ концовъ, не слѣдуетъ почти и оговариваться въ томъ, что, хотя, какъ это и было сдѣлано выше, можно прекрасно опредѣлить, въ чемъ состоитъ богатство народа, но невозможно съ точностью вычислить, до какого размѣра оно достигаетъ; для этого, по крайней мѣрѣ, надо было-бы найти какое нибудь начало для опредѣленія отношенія всей промышленности народа съ доходомъ отъ его земель. Это, быть можетъ, дѣло возможное, но до сихъ поръ оно не было еще выполнено такимъ образомъ, чтобы результаты не возбуждали сомнѣній.

§ XCII. Въ какой изъ классовъ общества слѣдуетъ зачислить людей, отдающихъ деньги въ займы?

Посмотримъ теперъ, какъ то, что мы сказали о различныхъ употребленіяхъ капитала, согласуется съ тѣмъ, что мы ранѣе устано-

вили относительно раздѣленія всѣхъ членовъ общества на три класса : на классъ производительный или земледѣльцевъ, классъ промышленный или торговый, и классъ досужій или собственниковъ.

§ XCIII. Заимодавецъ-капиталистъ принадлежитъ, какъ личность, къ классу досужему.

Мы уже видѣли, что всякій богатый человекъ необходимо является собственникомъ или капитала изъ движимыхъ богатствъ, или земли, равноцѣнной капиталу. Всякая земля равноцѣнна определенному капиталу; такимъ образомъ всякій собственникъ является капиталистомъ, но не всякій капиталистъ является собственникомъ земли; собственникъ движимаго капитала по желанію можетъ, или употреблять свой капиталъ на покупку земли, или затрачивать его на предпріятія въ классѣ обрабатывающихъ земли или въ классѣ промышленниковъ. Капиталистъ, сдѣлавшись предпринимателемъ по обработкѣ земли или въ промыслахъ, не можетъ принадлежать къ разряду людей, ничѣмъ не связанныхъ, ни онъ, ни его прибыли, ни даже рабочіе этихъ двухъ классовъ: оба они привязаны къ веденію своихъ предпріятій. Капиталистъ, который сводитъ свою дѣятельность только къ отдачѣ денегъ въ ростъ, передаетъ ихъ въ заемъ собственнику или предпринимателю; онъ становится соучастникомъ въ ихъ собственности; доходъ съ земли — сокращается платежомъ процентовъ по займу; цѣнность земли служить порукой безопасности его капитала вплоть до погашенія долга. Если заимодавецъ отдалъ деньги предпринимателю, несомнѣнно, что его личность принадлежитъ къ классу людей свободныхъ; но его капиталъ употребляется на затраты въ предпріятія и не можетъ быть извлеченъ отсюда безъ вреда для нихъ, безъ возмѣщенія его другимъ капиталомъ, равной цѣнности.

§ XCIV. Процентъ, получаемый заимодавцемъ, представляетъ свободный доходъ и можетъ быть употребляемъ по произволу.

Въ самомъ дѣлѣ, процентъ, получаемый заимодавцемъ отъ капитала, представляется какъ нѣчто свободное, ибо предприниматель и предпріятіе могутъ обойтись безъ него; кажется также, что можно заключить, будто въ прибыляхъ двухъ работающихъ классовъ, занимающихся обработкой земли или промыслами, имѣется свободная доля дохода, и именно та, которая соотвѣтствуетъ проценту на затраты, вычисленному согласно рыночной нормѣ денежнаго процента; можетъ представиться также, что это заключеніе колеблеть нами сказанное, будто только классъ собственниковъ обладаетъ доходомъ въ соб-

ственнымъ смыслѣ этого слова, т. е. свободнымъ доходомъ и будто оба другихъ класса получаютъ только заработныя платы и прибыли. — Это заслуживаетъ нѣкотораго поясненія.

Если разсматривать тысячу эю, которая получаетъ ежегодно человѣкъ, отдавшій въ займы 60 тысячъ франковъ торговцу для употребленія, которое послѣдній намѣренъ изъ нихъ сдѣлать, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта тысяча эю не должна разсматриваться какъ вполне свободный доходъ потому, что предпріятіе можетъ обойтись безъ нея.

§ XCV. Денежный процентъ не свободенъ въ томъ смыслѣ, что государство не можетъ, безъ неудобства, присваивать себѣ часть его на свои потребности.

Но отсюда не слѣдуетъ, что проценты составляютъ свободный доходъ въ томъ смыслѣ, что государство можетъ безнаказанно присваивать часть ихъ на общественныя потребности. Эти тысяча эю не являются такимъ вознагражденіемъ, которое обработка земли или промыслы даютъ бесплатно тому, кто произвелъ затраты; это цѣна и условіе этихъ затратъ, безъ которыхъ предпріятіе не могло-бы существовать. — Если это вознагражденіе уменьшится, капиталистъ возьметъ обратно свои деньги и предпріятіе не будетъ имѣть возможности существовать. Это вознагражденіе должно быть ненарушимо и пользоваться полною неприкосновенностью, ибо оно представляетъ цѣну авансовъ, сдѣланныхъ для предпріятія, безъ которыхъ оно не можетъ существовать. Затронуть его, это значило бы увеличить цѣну авансовъ (ссудъ) во всѣхъ предпріятіяхъ, а слѣдовательно, уменьшить и самое число предпріятій т. е. обработку, промыслы и торговлю.

Это возраженіе даетъ намъ поводъ заключать, что, если мы сказали, что кажется, будто капиталистъ принадлежитъ къ классу собственниковъ, то это кажущееся представленіе заключало въ себѣ двусмысленность, которая нуждалась въ разъясненіи.

Въ самомъ дѣлѣ, вполне вѣрно, что процентъ на его деньги не является болѣе свободнымъ доходомъ, т. е. онъ такъ-же точно не подлежитъ захвату, какъ и деньги переданныя предпринимателямъ на обработку земли и на промыслы. Этотъ процентъ, его цѣна, опредѣляется свободнымъ соглашеніемъ и нельзя захватывать никакой его доли, не измѣнивъ или не поколебавъ цѣны займа; конечно, не важно, кому былъ сдѣланъ заемъ; если цѣна займа измѣняется или возвышается для собственника, она измѣнится и возвысится также для обрабатывающаго землю, для мануфактуриста и торговца. Однимъ словомъ, капиталистъ-заимодавецъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ тор-

говецъ товаромъ, безусловно необходимымъ для производства богатствъ, товаромъ, который не можетъ быть весьма низко по цѣнѣ. — Столь-же неразумно облагать его торговлю налогомъ, какъ и облагать навозъ, удобряющій землю. Заключимъ-же отсюда, что заимодавецъ принадлежитъ къ свободному классу, какъ личность, такъ какъ ему нечего дѣлать, но не по характеру своего богатства, при чемъ совершенно безразлично, уплачивается-ли денежный процентъ собственникомъ земли изъ дохода, или предпринимателемъ изъ части прибылей, которыя обременены платежомъ процентовъ за полученные авансы (ссуды).

§ XCVI. Возраженіе.

Мнѣ скажутъ, конечно, что капиталистъ могъ по произволу употребить свои деньги, или на отдачу въ заемъ или на покупку земли; что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ получаетъ только цѣну равную его деньгамъ и что, какъ бы онъ не употреблялъ ихъ, онъ долженъ все-же участвовать въ несеніи общественныхъ издержекъ.

§ XCVII. Отвѣтъ на возраженіе.

Я отвѣчаю прежде всего, что на самомъ дѣлѣ, когда капиталистъ купилъ землю, то доходъ равноцѣненъ для него тому, что онъ пріобрѣталъ-бы отъ отдачи въ заемъ денегъ, но для государства имѣетъ значеніе слѣдующее различіе. Цѣна, платимая имъ за землю, нисколько не содѣйствуетъ возникновенію дохода, который земля производитъ; земля давала-бы не меньше дохода, если-бы она не была куплена. Этотъ доходъ, какъ мы объяснили, заключается въ томъ, что земля даетъ сверхъ заработной платы земледѣльцевъ, ихъ прибылей и процентовъ на ихъ авансы. Нельзя того-же сказать о денежномъ процентѣ; онъ является самимъ условіемъ займа, цѣною авансовъ (ссудъ), безъ которой не существовали бы ни доходъ, ни прибыли, которыя служатъ источникомъ для ихъ платежа.

Я отвѣчаю, во вторыхъ, что, еслибы только земли должны были нести налоги на общественныя траты, то разъ только такой налогъ установился-бы, капиталистъ, покупающій земли, не рассчитывалъ бы въ процентахъ на свои деньги на часть дохода, которую поглощаетъ этотъ налогъ; и по той же причинѣ, по которой чело-вѣкъ, покупающій теперъ землю, не покупаетъ „десятины“, которую

получает священникъ, ни даже налога, сумма котораго извѣстна, но остающійся доходъ, за вычетомъ этой десятины и этого налога ¹⁾).

§ ХСVIII. Единственнымъ свободнымъ доходомъ въ государствѣ слѣдуетъ считать только чистый продуктъ земель.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что денежный процентъ берется изъ дохода земель или изъ прибылей предприятий по обработкѣ земли, промысловъ и торговли.

Но сами эти прибыли, какъ мы уже показали, составляютъ часть произведеній земли: продуктъ земли раздѣляется на двѣ части; одна изъ нихъ отходитъ на заработную плату земледѣльца, на его прибыли, на возстановленіе его издержекъ и на процентъ по его затратамъ; другая составляетъ часть собственника или доходъ, который

1) Защищая владѣльцевъ денежнаго капитала отъ налогового обложенія, Тюрго, однако, ясно видитъ то постоянное противорѣчіе, которое существуетъ между земельнымъ интересомъ (landed interest) и денежнымъ (money int.) интересомъ. „Собственники земли, пишетъ онъ, съ сожалѣніемъ видятъ, что часть дохода ихъ земли и промысла переходитъ въ руки рентьеровъ, владѣльцевъ денежнаго капитала т. е. гражданъ неработающихъ, жадныхъ процентчиковъ, которые, ничего не создавая для государства, пожираютъ его имущество. Пониженіе процента и уничтоженіе государственнаго долга, хотя бы даже цѣною полного банкротства, предметъ тайныхъ и явныхъ желаній земельной партіи. Денежная партія, напротивъ, смотритъ на себя, какъ на поддержку государства въ безпокойныя времена и какъ на хранильницу общественнаго кредита. Эта партія по общему правилу больше зависитъ отъ двора, ибо все ея имущество, основанное на прочности правительственныхъ обязательствъ, было бы поколеблено первой же революціей. Дворъ, поэтому, также ей покровительствуетъ. . . Денежная партія желаетъ войны, которая держитъ процентъ высоко, она въ то же время заинтересована весьма въ покровительствѣ торговлѣ, которая поддерживаетъ общественный кредитъ. Собственники земли ненавидятъ войну, которая приводитъ къ новымъ займамъ и налогамъ. Стремленіе ихъ противниковъ преувеличивать выгоды торговли, желаніе отождествлять всякій ажіотажъ съ торговлей, дѣлалъ собственниковъ земли часто безучастными къ разнымъ проэктамъ по части этой весьма важной части экономической политики; оно не давало имъ возможности понять, что продуктъ баланса торговли попадаетъ въ ихъ руки. Эта земельная партія наиболѣе многочисленна и состоитъ изъ наибольшей массы жителей провинціи. Эта партія имѣетъ болѣе народный характеръ, она болѣе привязана къ старымъ предразсудкамъ, болѣе способна ослѣпляться собственнымъ интересомъ во всѣхъ случаяхъ, когда его трудно понять правильно. Въ этомъ маленькомъ трудѣ будетъ приведено много примѣровъ этого невѣжества: главные пункты такого непониманія — это стремленія сохранить цеховыя соединенія ремесленниковъ и возраженія противъ натурализаціи иностранцевъ“. . . Такъ характеризуетъ Тюрго партіи въ Англіи въ одномъ изъ примѣчаній къ своему переводу трактата Тукера: „Questions importantes sur le commerce“. см. Ed. Daire, т. I, стр. 323—324. Прим. А. М.

собственникъ можетъ употреблять по произволу и изъ котораго онъ можетъ нести общіе расходы по государственному управленію.

Мы уже показали, что все получаемое другими классами общества составляетъ только заработныя платы и прибыли, уплачиваемыя собственникомъ или изъ своего дохода или лицами производительнаго класса изъ той части, которую они употребляютъ для удовлетворенія своихъ потребностей, покупая потребные имъ предметы у промышленнаго класса. Какъ бы эти прибыли ни распредѣлялись, на заработныя платы работниковъ или на прибыли предпріятій, или на проценты по затратамъ, все это не измѣняетъ ихъ природы и не увеличиваетъ суммы дохода, создаваемаго трудомъ производительнаго класса въ потѣ лица своего, въ которомъ промышленный классъ участвуетъ только въ размѣрѣ цѣны совершеннаго имъ труда.

Такимъ образомъ прочно установлено, что нѣтъ другого дохода, кромѣ чистаго продукта земли, и что всякая другая годичная прибыль или уплачивается изъ дохода, или составляетъ часть издержекъ, способствующихъ произведенію этого дохода ¹⁾.

§ XCIX. Земля произвела всю сумму движимыхъ богатствъ или существующихъ капиталовъ, послѣдніе образовались только изъ части ея произведеній, сберегавшихся ежегодно.

Не только не существуетъ и не можетъ существовать другого дохода, кромѣ чистаго продукта земель, и только земля доставила

1) Въ своемъ замѣчательномъ „Plan d'un Mémoire sur les impositions en général, sur l'imposition territoriale en particulier et sur le projet du cadastre“ Тюпро приводитъ такія соображенія противъ косвенныхъ налоговъ: „1. собственникъ земли является единственнымъ владѣльцемъ чистаго дохода а потому онъ и долженъ быть главнымъ плательщикомъ налоговъ; 2. такъ какъ издержки взиманія прямого налога меньше, то собственникъ получаетъ прямое сбереженіе всѣхъ издержекъ главныхъ взимателей налога, ихъ администраціи и откупщиковъ; 3. косвенный налогъ создаетъ массу стѣсненій для торговаго оборота; онъ приводитъ къ процессамъ, къ обманамъ, къ осужденіямъ, къ гибели людей, къ постоянной войнѣ правительства со своими подданными, къ диспропорціи между наказаніями и проступками, къ постояннымъ и почти непреборимымъ покушеніямъ на проступки, вызывающія тяжкія возмездія; 4. косв. нал. сотнями способовъ нарушаетъ свободу; 5. косв. налогъ нарушаетъ правильный ходъ потребления и потому уничтожаетъ самъ себя; 6. косв. налогъ увеличиваетъ издержки государства, ибо оно выплачиваетъ установленный налогъ на своихъ тратахъ и на таковыхъ же своей администраціи; 7. косв. налогъ даетъ преимущество иностранцамъ въ конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ; 8. послѣдствія косв. нал. трудно предвидѣть; тогда какъ при прямомъ налогѣ собственникъ хорошо знаетъ, какую долю своего дохода онъ выплачиваетъ; государство видитъ, что оно беретъ и что можетъ взять. Въ своемъ управленіи налогами оно имѣетъ все то, что желательно: простоту, прочность, быстроту.“

всѣ капиталы, которые образуютъ общую массу всѣхъ затратъ на обработку и на промыслы. Она безъ обработки доставила первыя грубыя, но необходимыя затраты для первоначальныхъ работъ; все остальное является результатомъ вѣковыхъ сбереженій, которыя послѣдовательно совершались съ того момента, какъ начали обрабатывать землю. Это сбереженіе совершалось, конечно, не только за счетъ дохода собственниковъ, но и за счетъ прибылей всѣхъ членовъ трудящихся классовъ. Вообще справедливо, что, хотя собственники болѣе всего обладаютъ избытками, они берегутъ менѣе всего, ибо, имѣя болѣе досуга, они обладаютъ болѣе большими желаніями, страстями; они смотрятъ на себя какъ на лицъ съ болѣе всего обеспеченнымъ состояніемъ, они думаютъ больше о пріятномъ употребленіи своего дохода, чѣмъ объ умноженіи его: ихъ удѣлъ жить роскошно. Рабочіе, и въ особенности предприниматели въ другихъ классахъ, получающіе прибыли соотвѣтственно съ ихъ затратами, талантами и дѣятельностью, имѣютъ, хотя они и не обладаютъ доходомъ, въ собственномъ смыслѣ, избытокъ сверхъ необходимаго къ существованію. Почти всѣ они, преданные своему дѣлу, заняты мыслью увеличить свое состояніе, отвлекаемые трудомъ отъ удовольствій и разорительныхъ страстей, берегутъ весь свой избытокъ для обращенія въ свое предпріятіе, для его увеличенія. Большая часть предпринимателей по обработкѣ земли занимаютъ мало и почти всѣ употребляютъ для пріобрѣтенія прибыли свои средства. Предприниматели въ другихъ отрасляхъ, желающіе пріобрѣсти прочное состояніе, стремятся достигнуть такого-же положенія и требуется большая ловкость отъ тѣхъ, которые ведутъ свое дѣло на заемный капиталъ: они сильно рискуютъ его потерять. Хотя капиталы образуются отчасти и изъ сбереженій за счетъ прибылей рабочихъ классовъ, но, такъ какъ эти прибыли проистекаютъ всегда изъ земли, ибо всѣ они выплачиваются изъ дохода или изъ издержекъ, содѣйствующихъ возникновенію его, то очевидно, что всѣ капиталы проистекаютъ изъ земли или вѣрнѣе, что они составляютъ накопленную часть цѣнностей, произведенныхъ землею. Это та часть этихъ цѣнностей, которую собственники дохода или тѣ, которые его подраздѣляютъ, могутъ ежегодно отложить про запасъ, не употребляя на удовлетвореніе своихъ потребностей.

§ С. Хотя деньги и составляютъ непосредственный предметъ сбереженій, хотя онѣ являются, такъ сказать, главнѣйшимъ матеріаломъ для собиранія капиталовъ въ процессъ ихъ образованія, но деньги въ металлѣ составляютъ почти незамѣтную долю въ общей массѣ капиталовъ.

Мы видѣли, что деньги не составляютъ существенной части

общей массы наличныхъ капиталовъ. Но онѣ имѣютъ большое значеніе для образованія капиталовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ сбереженія дѣлаются только въ деньгахъ, въ нихъ доходы поступаютъ къ собственникамъ, въ нихъ же затраты и прибыли возвращаются предпринимателямъ всякаго рода. Годичный приростъ капиталовъ выражается въ деньгахъ. Но всѣ предприниматели сейчасъ же обращаютъ, поступившіе къ нимъ деньги, въ разные роды вещей, которыя необходимы для веденія ихъ предпріятій. Деньги поступаютъ въ обращеніе и наибольшая часть капиталовъ состоитъ изъ вещей разнаго рода, какъ мы уже и разъяснили это выше.

Цѣнности и деньги.

Деньги имѣютъ общее со всѣми видами мѣръ то, что онѣ представляютъ родъ языка. Во всемъ томъ, что произвольно и зависитъ отъ соглашенія, этотъ языкъ не одинаковъ у разныхъ народовъ, но сближается и отождествляется, въ нѣкоторомъ смыслѣ, своими отношеніями къ одному общему выраженію или масштабу (*terme ou étalon*). Это общее выраженіе (*terme*), сближающее всѣ языки и дающее имъ всѣмъ основу для неизмѣннаго сходства, несмотря на все различіе звуковъ, которыми люди пользуются, лежитъ въ тѣхъ идеяхъ, которыя выражаютъ словами т. е. это — тѣ представленія о предметахъ природы, которыя создаются чувствами для человѣческаго разума, и тѣ понятія, которыя составили себѣ люди, различая различныя стороны этихъ вещей и комбинируя ихъ тысячью способовъ. Эта общая основа, присущая всѣмъ языкамъ независимо отъ какихъ либо соглашеній, даетъ возможность взять любой языкъ, любую систему, принятую, какъ знакъ для выраженія идей, и сравнить ее съ другою подобною же системою. Точно также какъ можно было бы сравнить съ любой системой идей, которая выражается во всякомъ языкѣ, то, что издревле выражалось и во всякомъ другомъ, другими словами мы можемъ переводить съ одного языка на другой. Общее выраженіе во всѣхъ мѣрахъ длины, поверхности и объема заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ протяженіи, различныя мѣры котораго у разныхъ народовъ представляютъ произвольныя подраздѣленія, а эти послѣднія мы аналогичнымъ образомъ можемъ сравнивать и сводить одну къ другой. Одинъ языкъ переводятъ на другой, одну мѣру приводятъ къ другой. Эти различныя выраженія обозна-

чають двѣ совершенно разныя операціи. Языки выражаютъ идеи при посредствѣ звуковъ, которые сами по себѣ чужды этимъ идеямъ. Эти звуки въ разныхъ языкахъ совершенно различны и, чтобы ихъ объяснить, надо одинъ звукъ замѣнить другимъ; на мѣсто звука иностраннаго языка поставить соотвѣтствующій звукъ того языка, на который переводятъ. Мѣры, напротивъ, измѣряютъ протяженіе протяженіемъ. Произволу и измѣненію подлежитъ только выборъ величины протяженія т. е. то, что принято считать единицею и подраздѣленія, взятыя для опредѣленія разныхъ мѣръ. Не приходится, такимъ образомъ, прибѣгать къ замѣнѣ одного другимъ; мы имѣемъ дѣло только со сравненіемъ количествъ и одни отношенія замѣняемъ другими отношеніями.

Общее выраженіе, съ которымъ сравниваются деньги всѣхъ странъ есть цѣнность всѣхъ предметовъ торговли, цѣнность, которую они помогаютъ измѣрять. Такъ какъ эта цѣнность не можетъ быть иначе выражена, какъ количествомъ денегъ, которымъ она соотвѣтствуетъ, то отсюда слѣдуетъ, что нельзя цѣнить (*évaluer*) одну монету иначе какъ при посредствѣ другой: совершенно подобно тому, какъ можно передать звуки одного языка только при посредствѣ звуковъ другого. Монеты всѣхъ политически организованныхъ государствъ, выдѣланныя изъ одного и того же матеріала и не различаясь между собой, какъ мѣры, ни въ чемъ другомъ, кромѣ подраздѣленій этого матеріала и произвольнымъ установленіемъ того, что принято считать единицей, могутъ быть съ этой точки зрѣнія сводимы одна къ другой, также какъ и другія мѣры у разныхъ народовъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что это сведеніе совершается чрезвычайно удобно чрезъ указаніе ихъ вѣса и пробы (*titre*). Но этотъ способъ оцѣнки монеты чрезъ ихъ вѣсъ и пробу не достаточенъ для пониманія языка торговли по отношенію къ деньгамъ. Всѣ европейскіе народы знаютъ два рода монетъ. Кромѣ монетъ реальныхъ и, какъ экю, луидоръ, краунъ, гиней, которыя представляютъ собою куски металла, отмѣченныя извѣстнымъ штемпелемъ и имѣющія обращеніе подъ этимъ наименованіемъ, каждая изъ этихъ націй создала себѣ своего рода счетную (*numéraire*) монету, которой названія и подраздѣленія, не соотвѣтствуя ни одной изъ монетъ реальныхъ, образуютъ общую шкалу, къ которой приводятъ реальныя монеты, оцѣнивая ихъ числомъ частей той шкалы, которой онѣ соотвѣтствуютъ. Таковымъ во Франціи является счетный ливръ, состоящій изъ двадцати су, изъ которыхъ каждый раздѣляется на двѣнадцать денье. Нѣтъ ни одной монеты, которая соотвѣтствовала бы ливру, но одинъ экю равенъ тремъ лив-

рамъ, одинъ луидоръ равняется двадцати четыремъ ливрамъ и это выраженіе цѣнности этихъ двухъ реальныхъ монетъ въ монетѣ счетной устанавливаетъ отношеніе между экю и луидоромъ, какъ одинъ къ восьми. Эти счетныя монеты, являясь, какъ видно, простыми производными наименованіями, неодинаковы у разныхъ народовъ и могутъ измѣняться у одной и той же націи въ различныя эпохи. Англичане также имѣютъ фунтъ стерлинговъ, раздѣленный на двадцать су или шиллинговъ, подраздѣляющихся въ свою очередь на двѣнадцать денье или пенсовъ. Голландцы считаютъ на флорины, подраздѣленія котораго не соотвѣтствуютъ нашему фунту.

Поэтому въ коммерческой географіи мы должны изучать не только реальныя монеты каждой націи, ихъ оцѣнку въ вѣсѣ и пробу, но также и ихъ счетныя единицы; кромѣ того, отношеніе послѣднихъ къ реальнымъ монетамъ и то отношеніе, которое существуетъ между счетными монетами у разныхъ націй. Отношеніе счетной монеты къ реальной получается чрезъ выраженіе цѣнности реальной монеты въ счетной монетѣ той же страны: дуката во флоринахъ, гиней въ шиллингахъ и пенсахъ, луидора и экю въ турнскихъ фунтахъ. Что касается до отношенія, существующаго между счетными монетами разныхъ странъ, то представленіе о немъ легче всего получается изъ отношенія счетныхъ монетъ каждой страны къ реальнымъ, изъ знанія вѣса и пробы послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, зная вѣсѣ и пробу краунъ въ Англии и экю во Франціи, мы знаемъ и отношеніе между краунъ и экю, зная, сколько стоитъ экю въ турнскихъ пенсахъ, можно вычислить, сколько стоитъ въ нихъ и краунъ; такъ какъ извѣстно, сколько стоитъ краунъ въ пенсахъ стерлинговъ, то становится извѣстнымъ и число пенсовъ стерлинговъ, равняющихся пенсами турнскимъ. Такъ получается отношеніе между фунтомъ стерлинговъ и фунтомъ турнскимъ. Этотъ способъ оцѣнки счетныхъ монетъ разныхъ націй чрезъ сравненіе съ ихъ реальными монетами, чрезъ опредѣленіе ихъ вѣса и пробы, не представлялъ бы никакихъ трудностей, если бы монеты были изъ одного металла, напр. серебра, или если бы относительная цѣнность разныхъ металловъ, употребляемыхъ для выдѣлки монеты, золота и серебра напр., была бы одна и таже у всѣхъ торгующихъ націй т. е. если бы вѣсѣ какой нибудь доли чистаго золота, напр. марки, равнялся бы въ точности нѣкоторому количеству греновъ чистаго серебра и такое отношеніе существовало бы у всѣхъ націй. Но эта относительная цѣнность золота и серебра колеблется въ зависимости отъ изобилія или рѣдкости этихъ металловъ у разныхъ народовъ. Если у какой либо націи въ тринадцать разъ больше серебра, чѣмъ золота, если вслѣдствіе этого

будутъ давать тринадцать марокъ серебра за одну марку золота, то у другой націи, гдѣ въ четырнадцать разъ больше серебра сравнительно съ золотомъ, за одну марку золота дадутъ 14 марокъ серебра. Отсюда слѣдуетъ, что, желая опредѣлить цѣнность счетныхъ монетъ двухъ націй, гдѣ золото и серебро не имѣютъ одной и той же относительной цѣнности, чтобы оцѣнить напр. фунтъ стерлинговъ въ фунтахъ турнскихъ, то, взявъ для сравненія монету золотую, не получить того же результата, какъ при сравненіи, гдѣ за единицу взято серебро. Очевидно, что правильная оцѣнка находится между этими двумя результатами, но, чтобы опредѣлить ее совершенно точнымъ образомъ, надо было бы принять во вниманіе цѣлую массу самыхъ тонкихъ соображеній. Однако, торговля металлами между народами, всѣ сдѣлки по этому поводу въ торговлѣ, замѣна монеты при посредствѣ бумажныхъ представителей денегъ, вексельныя курсы и переводы банковъ — всѣ эти операціи уже предполагаютъ проблему рѣшенной.

Слово монета, по своему основному и первоначальному смыслу, точно соотвѣтствующему латинскому *moneta*, означаетъ кусокъ металла, опредѣленнаго вѣса и пробы, съ гарантіей, даваемымъ штемпелемъ, который положенъ государственной властью. Дать наименованіе, различить штемпель, опредѣлить вѣсъ и пробу каждой монеты у разныхъ націй, сводя ихъ вѣсъ къ вѣсу марки, вотъ все — что надо сдѣлать, чтобы дать ясное представленіе о монетахъ съ этой первой точки зрѣнія.

Но обычай далъ этому слову монета — значеніе болѣе абстрактное и широкое. Раздѣляютъ металлы на части извѣстнаго вѣса, власть гарантируетъ ихъ пробу своимъ штемпелемъ, чтобы можно было съ увѣренностью и удобствомъ употреблять ихъ въ торговлѣ, чтобы они могли служить одновременно мѣрою цѣнности и залогомъ, представляющимъ цѣну имущества; вѣрнѣе, самая мысль такъ подраздѣлить металлы, ихъ отштемпелевать, однимъ словомъ, сдѣлать изъ нихъ деньги возникла именно потому, что эти металлы служили мѣрою и общимъ залогомъ всѣхъ цѣнностей. Такъ какъ деньги не имѣютъ другого употребленія, кромѣ указаннаго, то самое это названіе стали употреблять для обозначенія этой ихъ функціи; и какъ правильно можно сказать, что деньги есть мѣра и залогъ цѣнностей, что все, служащее мѣрою и залогомъ цѣнностей, слѣдуетъ считать деньгами, то и стали называть деньгами въ этомъ распространенномъ смыслѣ все, что употребляется для выполненія этихъ функцій. Въ этомъ смыслѣ называютъ деньгами — раковины на

малдивскихъ островахъ, считаютъ скоть — деньгами германцевъ и древнихъ обитателей Лаціума, говорятъ, что золото, серебро и мѣдь — деньгами государственно-устроенныхъ народовъ, что эти металлы были деньгами гораздо ранѣе того времени, когда, наконецъ, додумались обозначать ихъ вѣсъ и пробу при посредствѣ государственнаго штемпеля. Въ этомъ же смыслѣ кредитнымъ знакамъ, которые представляютъ монету, даютъ наименованіе бумажныхъ денегъ. Такимъ же образомъ, наконецъ, мы пользуемся этимъ словомъ деньги, когда употребляемъ его какъ абстрактное выраженіе, которое даетъ намъ возможность сравнивать всѣ цѣнности и цѣнность реальныхъ монетъ, и когда мы говоримъ: счетныя деньги, банковая монета и т. п. Въ этомъ значеніи слово деньги нельзя передать латинскимъ словомъ монета, но словомъ *rescipia*, которому оно вполне точно соответствуетъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ т. е. какъ мѣру цѣнностей и какъ залогъ имуществъ, мы будемъ разсматривать деньги, стараясь прослѣдить ихъ проникновеніе въ торговлю и успѣхи, которые сдѣлало у людей искусство измѣрять цѣнности.

Прежде всего надлежитъ составить себѣ опредѣленное представленіе о томъ, что подразумѣвается здѣсь подъ словомъ цѣнность. Это абстрактное существительное, соответствующее глаголу цѣниться (*valoir*), по латински *valere*, имѣетъ въ обиходномъ языкѣ разныя значенія, которыя важно различать. Первоначальный смыслъ этого слова, въ латинскомъ языкѣ, означалъ силу, здоровье; слово *valere* означало чувствовать себя здоровымъ; мы еще и до сихъ поръ на французскомъ языкѣ пользуемся этимъ первоначальнымъ значеніемъ въ производныхъ словахъ *valide*, *invalide*, *convalescence*. Исходя изъ такого общепринятаго пониманія, когда слово „*valeur*“ означало силу, его стали употреблять для выраженія военной храбрости, свойство, которое древніе всегда обозначали тѣмъ же словомъ, какимъ они пользовались для выраженія тѣлесной силы. Слово „*valoir*“ приобрѣло во французскомъ языкѣ еще и другое весьма распространенное значеніе, хотя и различное съ смысломъ, придаваемымъ этому слову и слову цѣнность (*valeur*) въ торговлѣ, но которое, тѣмъ не менѣе, является его основой. Оно означаетъ то, соотносительное нашимъ потребностямъ, достоинство (*bonté*) даровъ и вещей природы, благодаря которому они считаются пригодными для нашего пользованія, для удовлетворенія потребностей. Говорятъ, что *ragu* ничего не стоитъ (*vaut*), когда онъ плохъ на вкусъ, что такая то пища не пригодна для поддержанія здоровья, что такая то матерія лучше другой; все это выраженія, которыя не имѣютъ никакого отношенія

къ торговой цѣнности и означаютъ лишь то, что всѣ эти вещи болѣе всего пригодны для цѣлей, къ которымъ предназначаются. Прилагательныя: плохой, средній, хорошій, великолѣпный характеризуютъ различныя степени этого рода цѣнности. Слѣдуетъ однако замѣтить, что существительное цѣнность — „valeur“ — далеко не такъ часто употребляется въ этомъ смыслѣ, какъ глаголь „valoir“ — стоить. Но если этимъ существительнымъ пользуются, то его понимаютъ, какъ достоинство, годность вещи по отношенію къ нашимъ потребностямъ. Хотя эта годность, достоинство разсматривается по отношенію къ намъ самимъ, но говоря о цѣнности, мы всегда имѣемъ въ виду нѣкоторое реальное и присущее вещи качество, благодаря которому она пригодна для нашихъ цѣлей.

Въ этомъ смыслѣ цѣнность могла бы имѣть значеніе и для всякаго изолированнаго человѣка, стоящаго внѣ сношеній съ другими людьми. Мы взглянемъ на этого человѣка, какъ онъ будетъ обнаруживать свои свойства по отношенію къ одному такому предмету: онъ будетъ стремиться его найти, онъ станетъ избѣгать его или относиться къ нему индифферентно. Въ первомъ случаѣ у него есть побужденіе искать такую вещь: онъ находитъ ее пригодной для своихъ цѣлей, считаетъ хорошей и эту относительную годность съ полнымъ основаніемъ, абсолютно можно было бы назвать цѣнностью. Но эта цѣнность, не сравненная съ другими цѣнностями, не могла-бы подлежать измѣренію и вещь, которая цѣнна, не была-бы оцѣнена. Имѣя возможность выбора между разными вещами, пригодными для его цѣлей, нашъ изолированный человѣкъ можетъ оказывать предпочтеніе одной вещи сравнительно съ другой; онъ можетъ считать апельсинъ болѣе пріятнымъ, чѣмъ каштаны, мѣхъ болѣе годнымъ для защиты отъ холода, чѣмъ хлопковую ткань: онъ составитъ себѣ сужденіе, что одна вещь цѣннѣе другой, онъ станетъ производить въ своемъ умѣ сравненіе, онъ будетъ оцѣнивать цѣнность вещей. Какъ результатъ, онъ рѣшится добыть себѣ вещи, которыя онъ предпочитаетъ, и оставить безъ вниманія другія.

Дикій убилъ теленка и несъ его въ свою хижину: на дорогѣ ему попался козленокъ, онъ убиваетъ его и беретъ вмѣсто теленка, желая съѣсть болѣе вкусное мясо. Совершенно также поступаетъ ребенокъ, наполнившій свои карманы каштанами и выбрасывающій ихъ, когда ему даютъ конфекты. Такимъ образомъ возникаетъ сравненіе цѣнностей, оцѣнка различныхъ предметовъ въ сужденіяхъ дикаря и ребенка, но эти оцѣнки не имѣютъ ничего прочнаго, онѣ мѣняются отъ одного момента къ другому, соотвѣтственно съ видоизмѣненіемъ потребностей самого

человѣка. Когда дикарь голодень, онъ предпочтетъ любую дичь лучшей медвѣжьей шкурѣ, но, удовлетворивъ свой голодь и почувствовавъ холодъ, онъ будетъ считать медвѣжью шкуру драгоценной. Чаше всего дикарь ограничиваетъ свои желанія удовлетвореніемъ только настоящей потребности и каково бы ни было число вещей, которыми онъ можетъ воспользоваться, взявъ то, что ему нужно, онъ оставляетъ все остальное, какъ не нужное ему.

Опытъ, однако, научааетъ нашего дикаря, что между пригодными для него вещами имѣются такія, которыя вслѣдствіе присущихъ имъ свойствъ могутъ быть сохранены въ теченіи нѣкотораго времени и онъ можетъ ихъ накопить для будущихъ потребностей; эти вещи сохраняютъ свою цѣнность даже послѣ того, какъ потребность даннаго времени удовлетворена. Онъ старается ими завладѣть, т. е. положить въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы ихъ спрятать или защитить. Отсюда слѣдуетъ, что соображенія, которыми человѣкъ руководится при оцѣнкѣ этой цѣнности, единственно имѣющей отношеніе къ человѣку, который пользуется и желаетъ, усложняется вслѣдствіе этой новой точки зрѣнія, присоединяющей предусмотрительность къ первому чувству потребности. Когда это чувство перестаетъ быть кратковременнымъ, приобретаетъ постоянный характеръ, человѣкъ начинаетъ сравнивать свои потребности, и соразмѣрять свои поиски не только со внезапными импульсами потребностей минуты, но и соотвѣтственно съ градаціей необходимости и полезности различныхъ желаній.

Что касается до другихъ соображеній, подъ вліяніемъ которыхъ этотъ порядокъ болѣе или менѣе настоятельной полезности видоизмѣняется или балансируется, то первое, что бросается въ глаза, — это особыя достоинства вещи или ея большая или меньшая способность удовлетворять тому желанію, ради котораго она разыскивается. Слѣдуетъ признать, что эта градація соотвѣтственно достоинству по своему значенію для оцѣнки, которая является ея результатомъ, входитъ нѣсколько и въ градацію полезности, ибо большее удовольствіе при потребленіи, вызываемое этимъ особымъ достоинствомъ вещи, само по себѣ является преимуществомъ, которое человѣкъ сравниваетъ съ болѣе настоятельной необходимостью вещей, въ которыхъ онъ предпочитаетъ изобиліе вещей достоинству одной вещи.

Третье соображеніе, съ которымъ приходится считаться человѣку при приобретеніи вещей, удовлетворяющихъ его желаніямъ, есть большая или меньшая трудность ихъ полученія, ибо совершенно очевидно, что изъ двухъ одинаково полезныхъ и равныхъ по качеству вещей та, для полученія которой ему придется употребить гораздо

болѣе усилій, покажется ему болѣе драгоцѣнной и онъ затратитъ болѣе заботъ и усилій, чтобы ее добыть. Благодаря этому вода, несмотря на всю ея необходимость и множество удовольствій, которыя она даетъ человѣку, не разсматривается какъ нѣчто цѣнное въ странѣ хорошо орошенной, человѣкъ не стремится обезпечить себѣ обладаніе ею, такъ какъ изобиліе этого вещества даетъ возможность всегда имѣть его. Но въ песчаныхъ пустыняхъ, вода могла бы имѣть безпредѣльную цѣну.

Мы еще не имѣемъ дѣла съ обмѣномъ, а уже рѣдкость одинъ изъ элементовъ оцѣнки. — Слѣдуетъ замѣтить, что эта оцѣнка (*estime*), связанная съ рѣдкостью, основывается еще на особаго рода полезности, ибо благодаря ей становится болѣе полезнымъ запастись заранѣе вещью, которую трудно найти, что такая вещь болѣе разыскивается и человѣкъ прилагаетъ болѣе усилій, чтобы ею завладѣть.

Можно свести къ этимъ тремъ соображеніямъ всѣ тѣ, которыя входятъ въ расчетъ при опредѣленіи этой цѣнности, имѣющей значеніе для изолированнаго человѣка; это — три элемента, которыя содѣйствуютъ ея образованію. Чтобы дать этой цѣнности подходящее наименованіе, мы будемъ называть ее (*v. estimative*) цѣнностью значенія, ибо она есть ничто иное, какъ выраженіе для той степени значенія, которую человѣкъ придаетъ различнымъ предметамъ своихъ желаній.

Не бесполезно воспользоваться этимъ понятіемъ и проанализировать, что означаетъ эта степень значенія, которую придаетъ человѣкъ различнымъ предметамъ своихъ желаній, какова природа этой оцѣнки и гдѣ тотъ средній масштабъ, съ которымъ цѣнности каждаго предмета въ частности сравниваются, какова счетная шкала этого сравненія, въ чемъ ея полезность.

Размышляя, мы замѣтимъ, что вся совокупность вещей, необходимыхъ для сохраненія и блага человѣка соотвѣтствуетъ нѣкоторой суммѣ потребностей, которая, несмотря на свое многообразіе и широту, всетаки весьма ограничена. Для удовлетворенія этихъ потребностей, человѣкъ имѣетъ еще болѣе ограниченное количество силъ и способностей¹⁾. Каждый предметъ его желаній стоитъ ему заботъ,

1) *de forces ou de facultés*. Слово *facultés* Тюрго употребляетъ, повидимому, въ двухъ значенійхъ: какъ способности — таланты человѣка и какъ средства — силы въ самомъ широкомъ смыслѣ. Слѣдуетъ помнить, что передаваемая статья Тюрго написана подъ сильнымъ вліяніемъ трактата Галіани о монетѣ. Въ этомъ трактатѣ Галіани впервые даетъ подраздѣленіе всѣхъ продуктовъ на двѣ категории: 1. умноженіе однихъ, по его мнѣнію, не зависитъ отъ воли человѣка, а отъ условій климата и силъ природы (*dalla dispositioone del clima e degli elementi*); 2. ко-

усталости, работъ и, по крайней мѣрѣ, времени. Вотъ именно употребленіе этихъ силъ, которое онъ долженъ сдѣлать при отысканіи каждой вещи, компенсируютъ его наслажденіе и, если можно такъ выразиться, создаетъ цѣну предмета. Человѣкъ еще одинокъ, природа одна снабжаетъ его благами для удовлетворенія потребностей, и онъ уже дѣлаетъ съ нею первую торговую сдѣлку, при которой природа не даетъ ничего, не потребовавъ оплаты даннаго трудомъ человѣка, употребленіемъ его способностей и времени. Его капиталъ, въ этого рода торговлѣ, ограниченъ узкими предѣлами; необходимо, чтобы съ размѣрами этого капитала сообразовалась сумма его потребностей; необходимо, чтобы въ громадномъ магазинѣ природы, человѣкъ сдѣлалъ выборъ и чтобы онъ подраздѣлилъ сумму (prix), которой онъ можетъ располагать, между разными подходящими для него вещами, чтобы онъ оцѣнилъ ихъ соотвѣтственно съ ихъ значеніемъ для своего существованія и благосостоянія. А эта оцѣнка, развѣ она является чѣмъ либо другимъ, какъ не тѣмъ отчетомъ, который онъ даетъ самому себѣ, относительно доли своего времени и труда или, желая выразить эти двѣ вещи въ одномъ словѣ, долею силъ, которыя онъ можетъ употребить для отысканія предмета такъ или иначе оцѣненнаго безъ жертвованія тѣми предметами, которыя равно или болѣе полезны?

Въ чемъ же здѣсь будетъ заключаться мѣрило его для этихъ цѣнностей? какова будетъ лѣстница сравненія? Очевидно не можетъ быть другой, кромѣ его средствъ. Общая сумма его средствъ есть единственная единица этой лѣстницы сравненія, единственный прочный пунктъ, откуда онъ можетъ исходить, и цѣнности, которыя онъ придаетъ каждому предмету, являются пропорціональными частями этой лѣстницы. Отсюда слѣдуетъ, что цѣнность значенія предмета для изолированнаго человѣка точнымъ образомъ представляетъ долю общей массы его средствъ, соотвѣтствующихъ желанію, которое онъ имѣетъ по отношенію къ предмету или количеству средствъ, которыя онъ желаетъ употребить для удовлетворенія этого желанія.

личество другихъ зависитъ отъ труда ихъ собиранія, причемъ количество матеріи всегда соотвѣтствуетъ этому труду (la fatica del raccoglimento, essendo la quantità della materia sempre ad essa corrispondente). При исчисленіи труда, по мнѣнію Галиани, надо всегда имѣть въ виду: число людей, время и различную цѣну людей, которые трудятся, причемъ отъ талантовъ людей зависитъ цѣна ихъ труда. См. Scrittori Classici Italiane, t. III, parte moderna, Galiani, Della moneta, стр. 73—74.

Прим. А. М.

Можно сказать, другими словами, что цѣнность является отноше-
ніемъ этой пропорціональной части къ общей массѣ средствъ чело-
вѣка; это отношеніе можно было бы выразить дробью, которая
имѣла бы числителемъ количество цѣнностей или равныхъ пропорціо-
нальныхъ частей, содержащее въ себѣ всю массу средствъ человѣка.

Мы не можемъ не сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе. Мы еще не
видѣли возникновенія торговли, мы еще не соединили двухъ людей
и уже съ перваго шага нашего изслѣдованія мы натолкнулись на одну
изъ самыхъ глубокихъ истинъ, и самыхъ новыхъ, которую заключаетъ
въ себѣ общая теорія цѣнностей. Это та истина, которую аббатъ
Галіани высказалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ своемъ трактатѣ о
Монетѣ, съ такой ясностью и энергіей, но почти безъ надлежащаго
развитія, сказавъ, что общему мѣроу всѣхъ цѣнностей является самъ
человѣкъ¹⁾. Весьма вѣроятно, что эта истина, которую неясно видѣлъ
и авторъ только что появившагося труда „*Essai analytique sur la
richesse et l'impôt*“, послужила основаніемъ для доктрины о единой и
постоянной цѣнности, выраженной въ нѣкоторой единицѣ, причемъ всѣ
отдѣльныя цѣнности являются только ея пропорціональными частями,
доктрина которая изложена въ этой книгѣ съ примѣсью лжи къ
истинѣ; именно благодаря этому обстоятельству эта книга показала
себя весьма неясной для большинства читателей.

Здѣсь не мѣсто развивать болѣе подробно то, что можетъ
показаться неяснымъ въ этомъ нашемъ краткомъ изложеніи; это
положеніе заслуживаетъ тщательнаго обсужденія, соотвѣтствующаго
важности предмета; тѣмъ менѣе мы должны въ данный моментъ
детально излагать многочисленные выводы изъ этого положенія.

Будемъ слѣдовать по пути, которымъ мы шли до сихъ поръ;
расширимъ наше первое предположеніе. вмѣсто того, чтобы раз-
сматривать изолированнаго человѣка, возьмемъ двухъ людей; пусть
каждый изъ нихъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи вещи, пригодныя
для него, но эти вещи различны и пригодны для удовлетворенія
разныхъ потребностей. Предположимъ, напр., что на пустынномъ
островѣ, среди южныхъ морей причалили къ двумъ противополож-

1) Галіани пишетъ: il valore e una idea di proporzione tra il possesso d'una
cosa e quello d'un'altra nel concetto d'un uomo (I. c., стр. 58) т. е. „цѣнность есть
идея пропорціи, которая создается въ представленіи человѣка относительно обладанія
одной вещью по сравненію съ обладаніемъ другой“. „Если одна вещь обмѣнивается
на другую, значитъ существуетъ эквивалентность, и нѣтъ ни выгоды, ни потерь“.

нымъ берегамъ два дикаря. Одинъ изъ нихъ привезъ рыбу въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно для его потребленія, другой привезъ шкуры, — изъ этихъ шкуръ онъ не только можетъ себѣ сдѣлать одежду и палатку, но у него еще останется матеріалъ и для другого. Тотъ, кто привезъ рыбу, испытываетъ холодъ, тотъ, кто привезъ шкуры, голодаетъ. Естественно, что владѣлецъ шкуръ попроситъ у владѣльца рыбы часть этой провизіи и предложитъ ему въ обмѣнъ нѣсколько шкуръ: другой согласится на это предложеніе. Вотъ обмѣнъ, вотъ и торговля.

Остановимся немного и посмотримъ, что происходитъ въ этомъ обмѣнѣ. Очевидно, первый изъ нашихъ дикарей, наловивъ рыбы на нѣсколько дней и зная, что она испортится, выброситъ остатокъ, какъ ненужный, но, замѣтивъ, что онъ даетъ возможность получать шкуры, станетъ съ этимъ считаться; эта лишняя рыба пріобрѣтетъ для него цѣнность, которую ранѣе не имѣла. Владѣлецъ шкуръ будетъ разсуждать также и научится съ своей стороны цѣнить тѣ шкуры, въ которыхъ онъ самъ не имѣетъ надобности. Весьма вѣроятно, что при нашемъ первомъ предположеніи, когда мы допустили, что каждый обильно снабженъ вещами, которыя ему принадлежать, и что дикари не привыкли придавать цѣны излишкамъ, торговля относительно условій промѣна не будетъ особенно живой; каждый изъ нихъ предоставитъ взять другому всю рыбу или всѣ шкуры, въ которыхъ онъ не нуждается. Но измѣнимъ нѣсколько предположеніе: допустимъ, что каждый имѣетъ интересъ сберегать избытокъ, имѣетъ основаніе придавать ему цѣнность. Предположимъ, что вмѣсто рыбы онъ привезъ маисъ, который можетъ сохраняться долгое время, другой вмѣсто шкуръ привезъ дрова и что на островѣ нѣтъ ни хлѣба, ни лѣса для отопленія. Одинъ изъ нашихъ дикарей имѣетъ хлѣбъ для пропитанія, другой дрова для отопленія на нѣсколько мѣсяцевъ. Они не могутъ возобновить свои запасы иначе, какъ возвратившись на континентъ, откуда, быть можетъ, они были изгнаны или страхомъ предъ дикими животными, или нападеніемъ враждебной націи. Они не могутъ этого сдѣлать безъ неизбѣжныхъ опасностей благодаря бурному времени года. Очевидно, что наличное количество маиса и дровъ станетъ очень цѣннымъ для обоихъ владѣльцевъ; они пріобрѣтутъ очень большую цѣнность; но дрова, которыя одинъ изъ дикарей можетъ употребить въ теченіи мѣсяца, будутъ ему мало полезны, если въ тотъ же промежутокъ времени онъ умретъ отъ голода благодаря недостатку маиса, и владѣлецъ маиса будетъ не въ лучшемъ положеніи, если ему суждено будетъ умереть отъ хо-

лода: они, слѣдовательно, вновь совершаютъ обмѣнъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ имѣть дрова и маисъ, пока погода позволить имъ отправиться на континентъ для возобновленія своихъ запасовъ.

Внѣ такихъ обстоятельствъ и тотъ и другой были-бы, конечно, менѣе великодушны: каждый изъ нихъ сталъ-бы старательно взвѣшивать всѣ соображенія, которыя могутъ побудить его предпочесть определенное количество вещей, неимѣющихся у него, тѣмъ, что есть у него т. е. другими словами, онъ начнетъ сравнивать силу двухъ потребностей, тѣ два интереса, которыя ему приходится балансировать, а именно интересъ сохранить маисъ и приобрести дрова и сохранить дрова и приобрести маисъ, иначе онъ точно определитъ для самого себя цѣнность значенія (*valeur estimative*). Эта цѣнность значенія пропорціональна интересу, который онъ имѣетъ къ двумъ вещамъ и сравненіе двухъ цѣнностей есть очевидно сравненіе двухъ интересовъ. Но каждый дѣлаетъ вычисленія въ отдѣльности и результаты могутъ быть различны: одинъ согласится промѣнять три мѣры маиса на шесть охапокъ дровъ, другой не захочетъ отдать свои шесть охапокъ дровъ иначе, какъ за девять мѣръ маиса. Независимо отъ той умственной оцѣнки, при посредствѣ которой каждый изъ нихъ сравниваетъ свой интересъ сохраненія одной вещи и приобретенія другой, оба наши дикаря проникнуты общимъ и стоящимъ внѣ всякаго сравненія интересомъ. Тотъ интересъ заключается въ стремленіи сохранить возможно большее количество своей вещи и приобрести въ обмѣнъ возможно большее количество вещей другого. Съ этою цѣлью онъ будетъ хранить въ тайнѣ сдѣланное въ своей головѣ сравненіе двухъ своихъ интересовъ, двухъ цѣнностей, которыя онъ придаетъ этимъ вещамъ. Онъ постарается позондировать почву, предлагая возможно меньше и требуя возможно больше у владѣльца вещи, которую онъ желаетъ получить. Другой, держась такой-же политики, будетъ дѣйствовать также точно; оба начнутъ торговаться объ условіяхъ обмѣна и, такъ какъ оба они сильно заинтересованы, чтобы придти къ соглашенію, они и придутъ къ нему въ концѣ концовъ: мало по малу каждый изъ нихъ начнетъ увеличивать свои предложенія и уменьшать свои требованія, до тѣхъ поръ пока они не дойдутъ до определеннаго соглашенія, какое количество маиса дается за какое количество дровъ. Въ тотъ моментъ, когда обмѣнъ совершается, дающій напр. четыре мѣры маиса за пять охапокъ дровъ предпочитаетъ, внѣ сомнѣнія, эти пять охапокъ четыремъ мѣрамъ маиса; онъ придаетъ имъ большую цѣнность значенія, но съ другой стороны, получающій четыре мѣры маиса предпочитаетъ ихъ также пяти охапкамъ дровъ. Это пре-

вышеніе цѣнности значенія (субъективной цѣнности ¹⁾) придаваемой приобретаемому покупателем вещи сравнительно съ уступаемой, существенно для обмена, ибо оно является единственнымъ его мотивомъ. Каждый остался-бы при своемъ, еслибы онъ не находилъ личной выгоды совершить обменъ, если бы по отношенію къ самому себѣ, (субъективно) онъ не полагалъ, что получаетъ больше, чѣмъ даетъ.

Но эта разница въ субъективной цѣнности взаимна и совершенно одинакова съ обѣихъ сторонъ, ибо если бы она была неравна, одинъ менѣе желалъ бы вступить въ обменъ и принудилъ бы другого приблизиться къ его цѣнѣ болѣе значительнымъ предложеніемъ. Вполнѣ правильно, поэтому, когда говорятъ, что равная цѣнность дается за равную цѣнность. Когда даютъ четыре мѣры маиса за пять охапокъ дровъ, даютъ также пять охапокъ дровъ за четыре мѣры маиса и, поэтому, четыре мѣры маиса въ этомъ своеобразномъ обменѣ эквивалентны пяти охапкамъ дровъ. Оба эти предмета, такимъ образомъ, имѣютъ равную мѣновую цѣнность (*valeur échangeable*).

Остановимся еще. Посмотримъ, что такое въ точности эта мѣновая цѣнность, равенство которой является необходимымъ условіемъ свободнаго обмена. Не будемъ выходить изъ простаго положенія, созданнаго взятой нами гипотезой, при которой мы имѣемъ только двухъ договаривающихся лицъ и двѣ вещи. Эта мѣновая цѣнность не вполнѣ является субъективной цѣнностью или, другими словами, интересомъ, который каждый изъ двухъ придавалъ въ отдѣльности потребнымъ вещамъ, владѣніе которыми онъ сравнивалъ, желая опредѣлить, что онъ долженъ отдать, чтобы получить другое; ибо результатъ этого сравненія могъ быть неравенъ въ умѣ обоихъ договаривающихся: эта первая цѣнность, которой мы придали наименованіе субъективной цѣнности, устанавливается чрезъ сравненіе, дѣлаемое каждымъ между двумя борющимися въ немъ интересами. Она существуетъ только въ интересѣ каждаго изъ нихъ, взятаго въ отдѣльности. Мѣновая цѣнность, напротивъ, принята обоими договаривающимися, которые признаютъ равенство вещей, которые и устанавливаютъ условія обмена. При опредѣленіи субъективной цѣнности каждый человекъ въ отдѣльности сравнивалъ только два интереса, которыя онъ имѣлъ къ вещи, наличной у него, и желаемой. При опредѣленіи мѣновой цѣнности, мы имѣемъ двухъ человекъ, которые сравниваютъ, и четыре сравниваемыхъ интереса. Но два об-

1) Будемъ употреблять ниже этотъ болѣе укоренившійся нынѣ терминъ.

особленныхъ интереса каждаго были ранѣе сравнены ими въ отдѣльности и теперь два полученные результата сравниваются совмѣстно или, лучше сказать, по этому поводу происходитъ торгъ между двумя договаривающимися, чтобы составить представленіе о средней субъективной цѣнности, которая и является въ точности мѣноюю цѣнностью; ей мы предлагаемъ дать наименованіе оцѣночной цѣнности (*v. appréciative*), ибо она опредѣляетъ цѣну или условія обмѣна.

Изъ сказаннаго видно, что оцѣночная цѣнность т. е. цѣнность равная въ двухъ обмѣниваемыхъ вещахъ, по существу имѣетъ ту же природу, какъ и субъективная цѣнность; она отличается отъ нея только тѣмъ, что представляетъ собою среднюю субъективную цѣнность. Выше мы видѣли, что для каждаго изъ договаривающихся субъективная цѣнность полученной вещи выше отданной въ промѣнъ и что эта разница совершенно одинакова съ обѣихъ сторонъ; взявъ половину этой разницы, чтобы отнять ее отъ бѣльшей цѣнности, и прибавивъ ее къ меньшей, мы сдѣлаемъ цѣнности равными. Мы видѣли, что это точное равенство составляетъ истинный характеръ оцѣночной цѣнности въ обмѣнѣ. Эта цѣнность, очевидно, ничто иное, какъ средняя субъективная цѣнность между тѣми, которыя каждый придаетъ вещи. Мы доказали, что субъективная цѣнность вещи для изолированнаго человѣка есть ничто иное, какъ отношеніе части средствъ, которыя человѣкъ можетъ предназначить для отысканія вещи, къ общей массѣ его средствъ; такимъ образомъ оцѣночная цѣнность въ обмѣнѣ двухъ людей представляетъ собою отношеніе суммы частей ихъ средствъ, которыя они предназначаютъ для отысканія промѣниваемыхъ вещей, къ общей массѣ средствъ этихъ двухъ человѣкъ. — Кстати замѣтимъ, что возникновеніе обмѣна между двумя этими людьми увеличиваетъ богатство и того и другого, т. е. даетъ имъ большее количество наслажденій съ тѣми же самыми средствами. Я предполагаю, въ примѣрѣ съ нашими дикарями, что берега земли, на которыхъ произрастаютъ маисъ и лѣсъ, лежатъ далеко одинъ отъ другого: одинъ дикарь принужденъ былъ бы сдѣлать два путешествія, чтобы имѣть лѣсъ и маисъ; онъ потерялъ бы, слѣдовательно, много времени и труда на плаваніе. Если, напротивъ, ихъ будетъ два, одинъ займется рубкой дровъ, другой добычей маиса въ то время, которое они должны были затратить на второе путешествіе. Общая масса маиса и дровъ будетъ больше, а, слѣдовательно, и доля каждаго.

Возвратимся назадъ. Изъ нашего опредѣленія оцѣночной цѣнности слѣдуетъ, что она не является отношеніемъ между двумя обмѣниваемыми вещами или между цѣною и продаваемой вещью, какъ

нѣкоторые склонны думать. Это выраженіе совершенно было бы невѣрно въ сравненіи двухъ цѣнностей, двухъ масштабовъ обмѣна. Имѣется отношеніе равенства и это отношеніе равенства предполагаетъ двѣ вещи уже равными. Другими словами, эти двѣ равныя вещи не являются двумя обмѣниваемыми вещами, но цѣнностями вещей, подлежащихъ обмѣну. Не слѣдуетъ, поэтому, смѣшивать цѣнности, которыя имѣютъ отношеніе равенства, съ отношеніемъ равенства, которое предполагаетъ наличность двухъ сравниваемыхъ цѣнностей. Конечно, есть смыслъ въ выраженіи, что цѣнности имѣютъ отношеніе и мы выяснили это выше, стараясь глубже проникнуть въ природу субъективной цѣнности; мы сказали даже, что это отношеніе, какъ и всякое отношеніе, можно было бы выразить дробью. Равенство именно этихъ дробей составляетъ, по существу, основное условіе обмѣна, равенство, которое получается чрезъ опредѣленіе оцѣночной цѣнности, какъ средней между двумя субъективными оцѣнками.

На языкѣ торговли часто безсознательно смѣшиваютъ цѣну и цѣнность, ибо, на самомъ дѣлѣ, указаніе цѣны заключаетъ въ себѣ и указаніе цѣнности. Но тѣмъ не менѣе это весьма различныя понятія, которыя важно различать. Цѣна — это вещь, которую даютъ въ обмѣнъ за другую. Изъ этого опредѣленія съ очевидностью слѣдуетъ, что эта другая вещь есть также цѣна первой; когда говорятъ объ обмѣнѣ, почти излишне дѣлать это замѣчаніе и такъ какъ всякая торговля есть обмѣнъ, то, очевидно, это выраженіе цѣна всегда соотвѣтствуетъ двумъ обмѣниваемымъ вещамъ; каждый изъ этихъ предметовъ является цѣною другого. Цѣна и купленная вещь, или, если хотите, обѣ цѣны имѣютъ равную цѣнность. Цѣна стоитъ покупка и покупка стоитъ цѣны. Но наименованіе цѣнность, говоря строго, столь же мало соотвѣтствуетъ той и другой сторонѣ. Почему же употребляютъ одинъ изъ этихъ терминовъ вмѣсто другого? Вотъ объясненіе, которое поможетъ намъ сдѣлать еще шагъ въ теоріи цѣнностей.

Причина этого обстоятельства въ томъ, что невозможно выразить цѣнность въ самой себѣ. Въ этомъ легко убѣдиться, нѣсколько подумавъ о томъ, что мы сказали относительно природы цѣнностей. Какъ въ самомъ дѣлѣ найти выраженіе для отношенія, первый членъ котораго числитель, основная единица, представляетъ собою нѣчто не поддающееся оцѣнкѣ и имѣющее самыя неопредѣленныя границы? Можно-ли сказать, что цѣнность предмета соотвѣтствуетъ двумъ соотвѣтнымъ средствъ человѣка и о какихъ средствахъ здѣсь шла бы рѣчь? Безъ сомнѣнія, при исчисленіи послѣднихъ слѣдуетъ принять во вни-

маніе и время, но на какомъ промежуткѣ его слѣдовало бы остано-
виться? Взять ли все протяженіе жизни, годъ мѣсяць или день? ни
одинъ изъ этихъ промежутковъ времени не можетъ быть взятъ, ибо
примѣнительно къ каждому предмету необходимости, средства чело-
вѣка должны быть неизбѣжно затрачены въ болѣе или менѣе про-
должительные, но всегда весьма неравные промежутки времени. Какъ
оцѣнить промежутки времени, которые, протекая для всѣхъ родовъ
потребностей, не должны, однако, входить въ расчетъ иначе какъ
неравными своими долями, соотвѣтственно роду каждой потребности?
Какъ оцѣнить произвольныя части времени, всегда одинаго и проте-
кающаго, если можно такъ выразиться, по одной недѣлимой линіи?
И какая путеводная нить могла бы руководить нами въ этомъ лаби-
ринтѣ расчетовъ, которыхъ элементы совершенно неопредѣленны?
Нѣтъ возможности выразить цѣнность въ самой себѣ и все, что мо-
жетъ выразить въ этомъ случаѣ нашъ языкъ, это то, что цѣнность
одной вещи равна другой. Оцѣнка своихъ интересовъ, или вѣрнѣе
сознаніе ихъ со стороны двухъ людей, устанавливаетъ это равенство
въ каждомъ данномъ случаѣ и никто при этомъ никогда не думалъ
суммировать всѣ средства человѣка, чтобы сравнить общую массу ихъ
съ каждымъ предметомъ необходимости. Интересъ всегда фикси-
руетъ результатъ этого сравненія, но онъ никогда его не создавалъ
и не могъ создать. Единственный способъ для выраженія цѣнности,
какъ мы сказали, заключается въ словахъ, что одна вещь по цѣнности
равна другой или, если хотите, другими словами, что одна цѣнность
равна искомой цѣнности. Цѣнность, а также и ея величина, не имѣетъ
другой мѣры, кромѣ самой себя и если сравниваютъ цѣнности чрезъ
измѣреніе ихъ цѣнностями, какъ измѣряютъ протяженіе мѣрами длины,
то и въ томъ, и въ другомъ случаѣ нѣтъ основной единицы, данной
самою природою. Имѣется только единица произвольная и выте-
кающая изъ соглашенія; такъ какъ въ каждомъ обмѣнѣ мы имѣемъ
двѣ равныя цѣнности и такъ какъ мы можемъ найти мѣру одной,
выражая ее въ другой, то слѣдуетъ придти къ соглашенію отно-
сительно произвольной единицы мѣры, которую принимаютъ за основу
этой мѣры или, если угодно, какъ элементъ нумераціи частей, изъ
которыхъ составляютъ лѣстницу сравненія. Предположимъ, что одинъ
изъ договаривающихся въ обмѣнѣ захочетъ выразить цѣнность прио-
брѣтаемой вещи; онъ возьметъ, какъ единицу своей лѣстницы цѣн-
ностей, постоянную часть того, что онъ даетъ и выразитъ въ цѣлыхъ
и въ дробяхъ этой единицы количество даваемаго за опредѣленное
количество получаемаго. Это количество выразитъ ему цѣнность и

будеть цѣною вещи, которую онъ получаетъ; отсюда видно, что цѣна есть всегда выраженіе цѣнности и, такимъ образомъ, для пріобрѣтателя выразить цѣнность это значитъ сказать цѣну пріобрѣтенной вещи, опредѣливъ ее въ количествѣ того, что онъ даетъ для ея пріобрѣтенія. Поэтому, онъ и будетъ говорить безразлично: о цѣнности или о цѣнѣ вещи, которую онъ покупаетъ. Употребляя оба эти выраженія, онъ въ своемъ умѣ будетъ придавать имъ одинъ и тотъ же смыслъ и его также поймутъ и тѣ, кто его слушаетъ. Это даетъ понять, какъ два слова: цѣнность и цѣна, хотя и выражаютъ понятія по существу различныя, могутъ безъ затрудненій замѣщать одно другое въ обыкновенномъ языкѣ, не стремящемся къ строгой точности.

Совершенно очевидно, что если одинъ изъ договаривающихся принялъ произвольную долю вещи, которую онъ отдаетъ, какъ мѣрило для той вещи, которую онъ пріобрѣтаетъ, другой, въ свою очередь, имѣетъ право взять эту вещь, пріобрѣтенную противной стороною, но отданную имъ самимъ, для измѣренія цѣнности вещи, которую онъ далъ своему противнику и которая служила мѣрой для послѣдняго. Въ нашемъ примѣрѣ, тотъ, который далъ четыре мѣшка маиса за пять охапокъ дровъ, возьметъ за единицу своей лѣстницы сравненія одинъ мѣшокъ маиса и скажетъ: охапка дровъ стоитъ четыре пятыхъ мѣшка маиса. Тотъ, кто далъ дрова за маисъ, возьметъ за единицу сравненія охапку дровъ и скажетъ: мѣшокъ маиса стоитъ охапку съ четвертью дровъ. Это такая же операція, какая происходитъ у двухъ людей, когда одинъ изъ нихъ хочетъ перевести французскіе аршины на испанскіе, а другой испанскіе на французскіе.

Въ обоихъ случаяхъ берутъ за недѣлимую и прочную единицу опредѣленную часть вещи, которую знаютъ лучше всего и которая служить для оцѣнки другой и оцѣниваютъ вещь, сравнивая ее съ произвольно взятой, какъ единицей, частью. Но подобно тому, какъ аршинъ Испаніи не является мѣрою для аршина Франціи, точно также и мѣшокъ маиса не измѣряетъ цѣнности охапки дровъ и охапка дровъ не измѣряетъ цѣнности мѣшка маиса.

Изъ этого общаго положенія слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что во всякомъ обмѣнѣ оба предмета обмѣна одинаково являются мѣрою цѣнности другъ друга: по тому же основанію оба предмета во всякомъ обмѣнѣ являются знакомъ (залогомъ) цѣнности другъ для друга т. е. что имѣющій маисъ можетъ имъ пріобрѣсти опредѣленное количество дровъ равной цѣнности и также точно, имѣющій дрова, можетъ ими пріобрѣсти опредѣленное количество маиса, равной цѣнности. Вотъ простая истина, но весьма существенная въ теоріи цѣнностей,

денегъ и торговли. Какъ она ни очевидна, но она еще часто не понимается даже хорошими умами, а незнаніе ея непосредственныхъ послѣдствій вовлекало администрацію въ самыя пагубныя ошибки. Достаточно напомнить знаменитую систему Ло.

Мы останавливались весьма долгое время на первыхъ гипотезахъ относительно изолированнаго человѣка и на двухъ людяхъ, обмѣнивающихся двумя предметами; но мы хотѣли, такимъ путемъ, вывести всѣ понятія теоріи цѣнности, которыя не требуютъ бѣльшаго усложненія. Становясь, такимъ образомъ, на почву самой простой гипотезы, понятія, которыя изъ нея вытекаютъ, необходимо представляются уму въ самомъ чистомъ и незапутанномъ видѣ. Намъ остается только расширить наши предположенія, увеличить число обмѣнивающихся и предметовъ обмѣна, чтобы представить себѣ возникновеніе торговли и дополнить послѣдовательный ходъ развитія понятій, связанныхъ со словомъ стоить (*valoir* — цѣниться).

Достаточно для этой послѣдней цѣли увеличить количество людей, не разсматривая болѣе двухъ вещей въ обмѣнѣ. Предположимъ наличность четырехъ человѣкъ вмѣсто двухъ т. е. двухъ владельцевъ дровъ и двухъ маиса. Въ началѣ можно предположить, что два обмѣнивающихся встрѣчаются на одной сторонѣ острова, два — на другой, не сталкиваясь другъ съ другомъ. Тогда всякая сдѣлка совершится въ отдѣльности, какъ будто оба обмѣнивающиеся только и существуютъ на свѣтѣ. Но именно изъ того, что сдѣлки совершаются въ отдѣльности, не слѣдуетъ думать, что они совершатся на одинаковыхъ условіяхъ. Во всякой сдѣлкѣ обмѣна, взятой въ отдѣльности, оцѣночная цѣнность обѣихъ вещей будетъ равна въ обмѣнѣ другой, но не слѣдуетъ терять изъ виду, что эта оцѣночная цѣнность есть средній результатъ двухъ субъективныхъ цѣнностей, придаваемыхъ лицами, участвующими въ сдѣлкахъ, предметамъ обмѣна. Отсюда, весьма вѣроятно, что средній результатъ будетъ совершенно иной въ двухъ сдѣлкахъ, заключенныхъ въ отдѣльности, ибо субъективныя цѣнности зависятъ отъ того взгляда, который каждый имѣетъ относительно предметовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ, и отъ порядка полезности, въ которомъ онъ ставитъ ихъ въ ряду другихъ своихъ потребностей; эти потребности различны у каждаго индивида. Такимъ образомъ, если разсматривать только двухъ человѣкъ съ одной стороны и двухъ съ другой, результатъ можетъ быть весьма различенъ. Очень возможно, что договаривающиеся въ одномъ случаѣ менѣе чувствительны къ холоду, чѣмъ въ другомъ; это будетъ побуждать ихъ менѣе цѣнить дрова, чѣмъ маисъ. Поэтому, если въ

одномъ случаѣ четыре мѣшка маиса и пять охапокъ дровъ имѣютъ одинаковую оцѣночную цѣнность, для двухъ другихъ договаривающихся пять охапокъ дровъ будутъ цѣниться, какъ равныя только двумъ мѣшкамъ маиса, что не помѣшаетъ въ каждой сдѣлкѣ тому, что цѣнности обоихъ предметовъ для обоихъ договаривающихся будутъ совершенно равны, ибо одна идетъ за другую.

Сблизимъ теперь нашихъ четырехъ человѣкъ, дадимъ имъ возможность сообщаться, узнавать о предложеніяхъ, сдѣланныхъ каждымъ собственникомъ маиса и дровъ. Тотъ, кто раньше соглашался отдать четыре мѣшка за пять охапокъ дровъ, не захочетъ дѣлать этого, когда онъ узнаетъ, что одинъ изъ собственниковъ дровъ охотно даетъ пять охапокъ за два мѣшка. Но этотъ, въ свой чередъ, узнавъ, что можно за тѣ же пять охапокъ дровъ получить четыре мѣшка маиса, измѣнитъ свое мнѣніе и не пожелаетъ ограничиться двумя. Онъ очень хотѣлъ бы потребовать четыре мѣшка, но собственникъ не согласится давать это количество маиса, также какъ и собственники дровъ не согласятся принять два мѣшка. Условія обмѣна измѣнятся, составитъ новая оцѣнка, новая цѣна дровъ и маиса. Ясно, что она будетъ одинаковой въ обоихъ обмѣнахъ и для четырехъ обмѣнивающихся т. е. что за то же количество дровъ оба собственника маиса не дадутъ ни большаго, ни меньшаго его количества и обратно. Видно съ перваго раза, что если одинъ изъ собственниковъ маиса потребуеетъ менѣе дровъ, чѣмъ другой за то же количество маиса, оба владѣльца дровъ обратятся къ нему, чтобы воспользоваться выгодой отъ этой скидки: эта конкуренція побудила бы собственника потребовать болѣе дровъ за опредѣленное количество маиса; съ своей стороны другой собственникъ маиса понизилъ бы свои требованія по части дровъ или увеличилъ бы свое предложеніе по части маиса, чтобы привлечь къ себѣ владѣльцевъ дровъ, въ которыхъ онъ нуждается, и все это будетъ идти такъ до той поры, пока владѣльцы маиса не предложатъ одного и того же количества его за одно и то же количество дровъ.

(Этотъ отрывокъ не былъ оконченъ).

905 В
Ар Тюрго

Цѣна 75 коп.